

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Альманах

№ 16 (39) – № 17 (40)

Издательство Политехнического университета

Санкт-Петербург

2020

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

альманах

Редакционный совет альманаха:

Ю.С. Васильев, академик РАН –
председатель;
Д.Г. Арсеньев, д-р техн. наук, профессор;
А.Н. Кашеваров, д-р ист. наук, профессор;
Д.И. Кузнецов, д-р филос. наук, профессор;
В.М. Никифоров, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;
А.В. Прохоренко, д-р филос. наук, профессор;
В.С. Ягья, д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия выпуска:

С.Н. Погодин, д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;
И.И. Климмин, д-р ист. наук, профессор;
С.В. Кулик, д-р исторических наук,
А.В. Малинов д-р филос. наук, профессор
В.П. Живулин, канд. филол. наук, доцент.

С 2001 года альманах «**Россия в глобальном мире**» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

Альманах зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9472. Ссылки на статьи Альманаха отображаются в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

С 2012 г. выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: «**Россия в глобальном мире**» = «**Russia in the Global World**».

Альманах зарегистрирован в **Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций** (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Альманах рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
E-mail: kmo@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**PETER THE GREAT SAINT-PETERSBURG
POLYTECHNICS UNIVERSITY**

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

№ 16 (39) – № 17 (40)

**Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2020**

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

Editorial Council:

Yuriy S. Vasiliev, Member of
Russian Academy of Science – Chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Anatoliy N. Kashevarov,
Doctor of Science, Professor;

Dmitry I. Kuznetsov,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexander V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin, Doctor of Science,
Professor – Chief Editor;

Ivan I. Klimin,
Doctor of Science, Professor;

Sergey V. Kulik,
Doctor of Science,

Alexey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor

Since 2001, Almanac “Russia in Global World” was published as an Annex to scientific and historical journal “Clio”.

Almanac is registered in the ISSN system, ISSN 2304-9472. Links to the Almanac articles can be seen in the Russian Science Citation Index database.

Since 2012 Almanac is issued twice a year as an independent periodical in the Russian and English languages named: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World».

Almanac is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI number FS77-52142 of 11 December 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the almanac and by the principles of publishing ethics.

The views of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

Any reproduction of materials of the almanac requires reference to the almanac.

Almanac is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220

Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42

E-mail: kmo@spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2020.

УДК: 930.85

М. О. Андреева, Д. А. Рахалова, Н. В. Богданова

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНИИ

АНДРЕЕВА Мария-Ангелина Олеговна – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: andreeva2.mo@edu.spbstu.ru

РАХАЛОВА Дарья Александровна – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195220, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: rahalova.da@edu.spbstu.ru

БОГДАНОВА Надежда Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru

Данная статья посвящена истории и современным тенденциям музейно-выставочной деятельности Германии. В работе рассматривается историческое становление выставочной деятельности и ее влияние на духовную жизнь населения. Целью работы является изучение роли музейно-выставочной деятельности в жизни общества и проблемы репрезентации национальных и культурных особенностей страны на примере Германии в разные исторические периоды. В центре внимания также рассмотрено процесс модернизации музеев и выставочных площадок в современной Германии. Выставки представлены в качестве движущей силы. В основе методологической базы был использован метод контент анализа как отечественных, так и зарубежных источников по данной теме, а также сравнение и изучение опыта музейно-выставочной деятельности в различных федеральных землях ФРГ и международных музееведческих организаций.

ГЕРМАНИЯ; МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ДЕГЕНЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО; КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ; АВАНГАРД; МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ МУЗЕОЛОГИИ; РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В современном мире в условиях глобализации музейно-выставочная деятельность играет огромную роль как в жизни отдельного индивида, так и

в целом гражданского общества. Музеи призваны сохранять и передавать ценнейшие знания, артефакты и предметы, которые помогают нам узнать новые детали об ушедших эпохах. Главной задачей музеологии является образовательная функция, так как в музеях хранят и исследуют различные артефакты, которые документируют жизнь природы и общества. Однако история развития музейно-выставочной деятельности и ее постоянно меняющаяся роль в международном сотрудничестве недостаточно изучены, что делает данную тему чрезвычайно *актуальной* для изучения. *Целью* данной статьи является изучение роли музейно-выставочной деятельности в жизни общества, влияния на международное сотрудничество такого государства, как Германия в разные исторические периоды. Для выполнения данной цели были выдвинуты следующие *задачи*:

- оценить роль музейно-выставочной деятельности в жизни общества;
- изучить историю становления музейно-выставочной деятельности и проблему репрезентации национальных и культурных особенностей страны на примере Германии;
- определить роль международных организаций и выставочных площадок, занимающихся изучением и популяризацией музейно-выставочной деятельности;
- проанализировать современную деятельность различных выставочных площадок в Германии.

Методология и методы исследования

Анализ и синтез информации – это те методы, которые легли в основу сбора источников и литературы. Аналогия процессов современности с историей музейно-выставочной деятельности также является невероятно эффективным методом оценки влияния искусства на сознание людей.

Для изучения музейно-выставочной деятельности были использованы различные работы, среди которых хотелось бы выделить статью О. И. Усачевой «Художественные музеи и выставки на службе идеологии Третьего рейха» [1], а также монографию Э. Б. Гусева «Выставочная деятельность в России и за рубежом» [2], в которой автор

уделяет внимание выставочным комплексам Германии и приводит ряд данных в цифрах. Хочется отметить также работы А. Г. Лещенко «Посткритическая музеология» [3] и Н. С. Онегина «Музейная реконструкция» в музеологии [4].

Также хочется обратить внимание на орган, который играет важную роль в изучаемом вопросе. Этим органом является Международный комитет музеологии (International Committee for Museology – ICOM) [5].

Данный комитет был основан в 1976 году и является центральной площадкой для международных дискуссий в области музеологии. В наши дни ИКОМ продолжает играть ведущую роль в музеологии. За время работы, данный комитет рассмотрел множество вопросов, связанных с международным музейным сотрудничеством. Он внес огромный вклад в литературу, написание статей и книг на значимые темы. Бесспорно, ИКОМ за время своей работы сталкивался и сталкивается с некоторыми трудностями, которые незначительно влияют на его функционирование, но все же ему удается их решать.

Постановка проблемы

В контексте современного международного сотрудничества важно учитывать и брать во внимание роль различных социальных институтов и образований. Бесспорно, нельзя не оценить роль влияния на международные отношения музейного сотрудничества.

Под искусством понимается осмысление действительности, процесс осознания, затрагивающий внутренний мир человека. Искусство в современном мире способно передать мысли и чувства людей, затронуть их разум и сознание, а может не только затронуть, но и изменить его.

Музейное сотрудничество способно оказать огромное влияние, как на сотрудничество государств, так и на образование, культуру и иные не менее важные и значимые аспекты взаимодействия политических акторов.

Музеи способны оказывать влияние на формирование коллективных ценностей, поэтому приходится признать, что они обладают определенной властью. Конечно, нельзя утверждать, что музеи способны напрямую влиять на политику страны и диктовать ее принципы, но они абсолютно

точно могут формировать общественные принципы. Т. Беннет обращает внимание на то, что музеи всегда были теми национальными институтами культуры, которые интерпретировали историю человечества в зависимости от политических процессов в государстве. «Самым действенным средством против культурного сепаратизма является стимулирование взаимодействия культур и равное вовлечение всех культурных групп в процесс сотрудничества» [6].

Музеи в последние годы сталкиваются с такой проблемой, как ошибочная репрезентация национальных и культурных особенностей страны. Для решения этой проблемы музеи приглашают представителей культуры той страны, национальные особенности которой будут представлены в различных проектах и выставках. Но тут можно найти иную проблему. Некоторые музейные представители не готовы передавать ответственность и власть в чужие руки, что ведет к различным ошибкам.

Несмотря на некоторые недостатки в продвижении развития музейного сотрудничества, музеи являются надежнейшими источниками информации. В условиях современных тенденций в развитии средств коммуникации, к примеру, интернет и иные устройства, музеи могут расширить круг аудитории, переходя на использование онлайн систем, что покажет и уже во многом показывает демократичность данных образований [6]. Благодаря интернету осуществляется многонаправленность обмена информации между культурами. А учитывая, что обучение является главным фактором понимания других культур, музеи здесь занимают ведущие позиции, хотя в последнее время их больше рассматривают как место хранения информации, нежели ее изучение.

Но не только музейная деятельность способна повлиять на сознание людей. За долгие десятилетия Германия сформировала собственный подход к выставкам, который не схож ни с одним другим. Уточним, что выставочный бизнес в стране настолько успешен, что люди, приезжающие на заработки в Германию, зачастую приезжают именно из-за высоких зарплат в данной сфере. Кстати, выставочная индустрия Германии получает огромные инвестиции от обеспеченных спонсоров со всего мира.

«Дегенеративное искусство», именно таким термином нацистские пропагандисты в своё время обозначили авангардное искусство [1]. Они были склонны полагать, что идущее наперекор классике, наполненное модернизмом еврейско-большевистское искусство является прямой угрозой для каждого арийца. Само понятие дегенеративного произведения искусства ещё в 1892 году впервые ввёл М. Нордау, используя его в своём трактате «Вырождение». С приходом власти Адольфа Гитлера, что, как известно, произошло в 1933 году, в стране начали усиленно заниматься идеологической унификацией. Она, кстати, коснулась далеко не только политических противников, а именно евреев. Национал-социалистическая пропаганда не оставила без внимания также литературу и искусство. Выразилось это на примере событий, прошедших 10 мая 1933 года [1]. В тот день на улицах городов Германии были разведены костры, в которых сжигали книги. После литературы очередь дошла и до изобразительного искусства.

Выставка «Дегенеративное искусство» вызвала интерес. Люди безумно хотели попасть на неё. Кстати, не упустил возможности посетить выставку и известный непризнанный художник Адольф Гитлер. На мероприятие он пришёл не один, а в сопровождении министра народного просвещения и пропаганды Йозефом Геббельсом.

На ней демонстрировались около 700 полотен, которые были конфискованы из 32 музеев. Процесс изъятия длился около 1,5 месяца. На «дегенеративной выставке» были представлены работы таких известных авангардистов, как, например, Кандинский, Кирхе, Клее, Бекманн. Но демонстрировались не только работы современников Гитлера, также были выставлены полотна известных во всем мире деятелей искусства, например, ван Гога, Гогена и Ренуара.

Говоря о культуре и выставочной деятельности, стоит отметить ее влияние на идеологию и суверенитет государства, а также на политический режим. Так при любом тоталитарном режиме все сферы общества строго подчинены идеологии государства. Рассматривая Германию середины 20 века, когда у власти находился Адольф Гитлер, можно заметить влияние

личности на выставочную работу того времени. А. Гитлер понимал, что сила искусства невероятно значима в формировании идеологии и закреплении ее в сознаниях людей. Сам Гитлер хотел стать художником, он пробовал поступать в Венскую Академию художеств, но провалил вступительные экзамены и его надежды на карьеру художника рухнули [1].

Художественные выставки пропагандировали превосходство арийской нации, также стоит подчеркнуть отношение Гитлера к современному того периода искусству, которое он считал упадническим и недостойным. Он также считал, что авангардное искусство разлагает нацию, его идеалами служили полотна возрождения и античности. В Третьем рейхе художественные музеи, целью которых первоначально должно было быть воспитание индивидуальных вкусов и предпочтений у общественности, стали компонентами массовой пропаганды со стороны государства, задачей которого стало подавление личности и ее чувств.

Уже в 1936 году нацисты начали подчистую изымать из музеев картины, скульптуры, рисунки, акварельные работы, литографии, созданные авангардистами. Их намерения были крайне серьезными, так как забирали не только те художества, что находились в выставочных залах, но и те, что относились к музейным запасам. Гонению и поношению подверглись, среди прочих, такие признанные в наши дни классики модерна, как Эрнст Барлах, Макс Бекманн, Жорж Гросс, Отто Дикс, Василий Кандинский и многие другие.

Фашисты постоянно стремились продемонстрировать созидательные, конструктивные возможности национал-социалистического мировоззрения. Осенью 1935 года в Мюнхене была организована широко разрекламированная выставка с характерным названием «Кровь и почва». Критика писала, что выставка «Кровь и почва» демонстрирует доброе, стоящее на здоровой почве искусство из Мюнхена и Верхней Баварии. Она направлена против разлагающегося общеевропейского дегенеративного искусства и укрепляет развитие нового национального искусства. На выставке экспонировались специально отобранные работы, выполненные в

«национальных традициях» и лишённые каких-либо элементов изобразительного модерна [7].

Результаты исследования. Говоря о современности, можно сказать, что музеи Германии крайне щепетильно относятся к произведениям искусства, поэтому каждое выставочное мероприятие стремится выдержать в определённой концепции. В Германии уже более 30 лет существует Социум Добровольного Контроля за статистическими сведениями по выставкам и ярмаркам – ФКМ (Gesellschaft zur Freiwilligen Kontrolle von Messe- und Ausstellungszahlen). Данная организация предоставляет отчёты и всю необходимую информацию не только о концепции мероприятия, но также об экспонатах, гостях и так далее. ФКМ настолько популярна в Германии, что под её чутким контролем проводятся более 85% выставочных мероприятий по всей стране.

Музеи Германии осознают уникальность и привлекательность выставок и в наше время, поэтому ежегодно власти страны выделяют на данную деятельность около 80 млн евро. Германия проводит примерно 100-150 выставок, посвящённых не только искусству, но также популярны и многоотраслевые мероприятия. Стоит уточнить, что далеко не все выставочные мероприятия являются ежегодными, наоборот, 80% из них организуются лишь раз в два-три года. Дело не в том, что выставки не актуальны, просто немецкие музеи следят за экономическими инновационными циклами, которые обязывают их проводить мероприятия именно с такой частотой. Кстати, многоотраслевые выставки тоже имеют свою последовательность.

Нельзя не упомянуть выставочный центр Ганновера, который является одним их наиболее известных и востребованных мест для проведения различных мероприятий в мире. Все крупнейшие промышленные ярмарки и выставки, посвящённые различным видам искусства, проводятся там.

Но не только Ганновер славится своей площадкой. Выставочный комплекс во Франкфурте ничем ему не уступает. Аэропорт Франкфурта является самым крупным на всём континенте, поэтому не удивительно, что

выставки, которые здесь проходят крайне востребованы среди тех, кто желает продемонстрировать свои работы миру. Франкфуртские ярмарки очень популярны и по праву занимают второе место в мире благодаря размерам площади выставочного комплекса (400 тыс. кв. метров) конгресс-центру и другим службам. Более того, данный центр объединяет в себе выставочное пространство и отель, что, если верить отзывам посетителей, невероятно удобно. Более 70 компаний занимаются обеспечением Франкфуртских выставок.

Ещё один известный выставочный центр находится в самой густонаселённой местности, которая, также, славится своей промышленностью – выставка в Дюссельдорфе. С 1947 года многие выставочные специалисты отмечали, что именно Дюссельдорф отлично подходит для проведения различных отраслевых выставок. Это можно обосновать тем, что Дюссельдорф расположен таким образом, что Рим, Мадрид, Париж и аэропорты Германии находятся довольно близко, полёт до него составляет не более 3 часов. Это делает его максимально удобным для проведения международных мероприятий. Но вернёмся к самому центру, его доля от городского дохода составляет 71,5 %, что просто невероятно. Территория Мессе Дюссельдорф равна примерно 231.500 кв. м. Больше половины проводимых ярмарок являются известными во всём мире.

Также, к великим достижениям выставочного дела относится немецкая ярмарка «Дойче Мессе», которая считается ведущей в мире организацией по проведению выставочных и ярмарочных мероприятий с оборотом около 162 млн евро. Всего там работают около 600 сотрудников, а заграничных представительств более 60. Площадь её, кстати, более 1 млн. квадратных метров АО «Дойче Мессе». Организация может похвастаться списком акционеров, принимающих участие в её поддержании, например, ЕМН Электро-Мессехаус, Ганновер – 75%, НМІ Ханновер-Мессе Интернациональ – 100%, HFU Hannover Fairs USA, Inc. – 100% и многие другие [8].

В наши дни в условиях ежесекундно меняющегося мира, можно заметить все больше и больше современных технологий в музеях и

выставочных комплексах. Мультимедиа – комбинирование всевозможных форм представления информации на одном носителе, к примеру, текстовой, звуковой, графической, анимации и видео [9]. Мультимедиа – это компьютерная разработка, объединяющая различные типы медиа, к примеру, слово, аудио, мультипликация, видеозапись. Интерактивные технологии и мультимедиа дают возможность уяснить и освоить информацию в очень максимально незатейливый и доступной несложному человеку форме, что во многом дополняет процесс образования [10; 11]. Мультимедийные технологии становятся обыденностью: wi-fi в залах, QR-коды на стенах, видеоинсталляции с объемным звуком. Несмотря на то, что процесс модернизации на сегодняшний день имеет свои недостатки и протекает достаточно медленно, модернизация, безусловно, занимает важное место в работе музейно-выставочных комплексов.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заключить, что и музеи, и выставки оказывают огромное влияние на жизнь человека и общества. Велика роль идеологии и суверенитета государства, а также влияние политического режима на музейную деятельность.

Так при любом тоталитарном режиме все сферы общества строго подчинены идеологии государства. Нацистская Германия явилась ярким доказательством этого. Музейно-выставочная деятельность современной Германии по своей интенсивности, экономической эффективности, общедоступности, многообразию форм может напротив служить положительным примером для других стран.

Изучив данную тему, с уверенностью можно сказать, что музеи невероятно важные общественные институты, которые оказывают влияние на многие аспекты жизни человека. Практическая значимость данной работы заключается в многостороннем подходе и оценке музейно-выставочной деятельности Германии и может служить образцом для исследований данного направления в других странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Усачева О.И. Художественные музеи и выставки на службе идеологии Третьего рейха// Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 3. – С. 134-138. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennye-muzei-i-vystavki-na-sluzhbe-ideologii-tretiego-reyha/viewer> (дата обращения: 09.09.2020).

2. Гусев Э.Б. Выставочная деятельность в России и за рубежом / Э. Б. Гусев. Общ. ред. Лаверов Н. П. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и к°», 2004. – 364 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text11/01.htm> (дата обращения: 10.09.2020).

3. Лещенко А.Г. Посткритическая музеология // Вопросы музеологии. 2017. – № 2(16). С. 22-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postkriticheskaya-muzeologiya> (дата обращения: 11.09.2020).

4. Онегин Н.С. Музейная реконструкция» в музеологии. // Вестник СПбГИК. – 2018. – № 2(35). С. 130-136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-rekonstruktsiya-v-muzeologii/viewer> (дата обращения: 12.09.2020).

5. Ван Менш П. Международный комитет по музеологии // «История и археология». – 2014. – № 1(9). С. 38-63 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-komitet-po-muzeologii> (дата обращения: 13.09.2020).

6. Гринчева Н. Культурная дипломатия 2.0. Перспективы использования в международной музейной практике // «Вопросы музеологии». – 2013. – № 1(7). – С. 171-185 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-2-0-perspektivy-ispolzovaniya-v-mezhdunarodnoy-muzeynoy-praktike/viewer> (дата обращения: 14.09.2020).

7. Есипов В.В., Кузнецов С.И. «Культурная политика в третьем рейхе в предвоенные годы (1935–1939)» // «Политология. Религиоведение». – 2015. Т. 14. С. 18-26 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-v-tretyem-reyhe-v-predvoennye-gody-1935-1939/viewer> (дата обращения: 15.09.2020).

8. Башмакова Т.С. Развитие конкурентной среды на российском рынке выставочных услуг // «Terra Economicus» – 2012. – Том 10, №4, часть 2. С. 88-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-konkurentnoy-sredy-na-rossiyskom-rynke-vystavochnyh-uslug/viewer> (дата обращения: 16.09.2020).

9. Пучковская А.А., Третьяков А.О. Digital Humanities: Анализ применения цифровых технологий в гуманитарной сфере // «Культура и Искусство». – 2018. – №10. С. 3-9 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-humanities-analiz-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-gumanitarnoy-sfere/viewer> (дата обращения: 17.09.2020).

10. Набиуллин А.Ф., Шакиров А.С., Мухтов И.Г. Проблемы внедрения стационарных интерактивных мультимедиа систем в музейные экспозиции. Риски и решения. // «Вестник ТГУ культурология и искусствоведение». – 2018. – № 31, С. 235-243 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-statsionarnyh-interaktivnyh-multimedia-sistem-v-muzeynye-ekspozitsii-riski-i-resheniya/viewer> (дата обращения: 18.09.2020).

11. Зиброва О.А. Мультимедийные технологии как обеспечительный фактор доступности культурного наследия: на пути к социальному государству. Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 882-884.

ANDREEVA Maria-Angelina O. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytehnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: andreeva2.mo@edu.spbstu.ru

RAKHALOVA Daria A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytehnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: rahalova.da@edu.spbstu.ru

BOGDANOVA Nadezhda V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytehnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru

HISTORY AND MODERN TRENDS MUSEUM AND EXHIBITION ACTIVITIES IN GERMANY

This article is about history and current trends museum and exhibition activities in Germany. The work examines the historical formation of exhibition activities and its impact on the spiritual life of the population. The aim of the work is to study the role of museum and exhibition activities in the life of society and the problem of representing the national and cultural characteristics of the country on the example of Germany in different historical periods. The focus is also on the process of modernizing museums and exhibition spaces in modern Germany. Exhibitions are presented as a driving force. The methodological base was based on the method of content analysis of both domestic and foreign sources on this topic, as well as comparison and study of the experience of museum and exhibition activities in various federal states of Germany and international museological organizations.

GERMANY; MUSEUM AND EXHIBITION ACTIVITIES;
DEGENERATE ART; CULTURAL VALUES; MUTUAL INFLUENCE;
AVANT-GARDE; INTERNATIONAL COMMITTEE FOR MUSEOLOGY;
REPRESENTATION OF NATIONAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS

УДК: 94(433)

Е. Р. Белокоз, О. К. Павлова

РЕФОРМАЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

БЕЛОКОЗ Елизавета Романовна – магистр Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: belokoz.er@edu.spbstu.ru

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – Доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

Статья посвящена исследованию истории реформации в Финляндии. Рассматриваются политические и экономические условия, повлиявшие на реформацию в стране. Анализируются особенности реформации в Финляндии, связанные национальным менталитетом и исторической судьбой народа. Раскрывается роль государственных, политических и религиозных деятелей в реформационных процессах. Изучаются этапы финской реформации и их содержание. Определены результаты и значение реформации для статуса финского народа, формирования национального самосознания и развития.

ИСТОРИЯ; РЕФОРМАЦИЯ; ЕВРОПА; ФИНЛЯНДИЯ; ШВЕЦИЯ;
ПРЕДПОСЫЛКИ; ЭТАПЫ; ОСОБЕННОСТИ, ПОЛИТИКА, ДЕЯТЕЛИ РЕФОРМАЦИИ

История реформации в Европе является одной из актуальных тем исторической науки. С реформацией связаны важнейшие события истории многих народов, изменившие жизнь нескольких поколений. Это время преобразований не только в церковной организации, но и в менталитете, культурной, общественной жизни народов. Неслучайно реформацию XVI века принято считать переломным периодом в истории европейского христианства, повлиявшего на духовные основы общества, отразившиеся на политическом, экономическом, социальном развитии европейских стран.

Под реформацией понимается преобразования или обновление

церковной жизни. В научной литературе имеют место различные точки зрения и оценки событий, связанных с реформацией. Однако, прослеживаются общие экономические и политические условия, подготовившие реформацию.

Реформационный процесс охватил и страны Скандинавии, который также имел схожие с европейскими странами предпосылки. К общим политическим предпосылкам относится укрепление власти папы Римского.

Среди экономических предпосылок следует отметить развитие торговых отношений. Знаменитый ганзейский союз, располагавшийся на берегах Балтийского и Северного морей, способствовал развитию торговли с Италией, Англией, Данией, Русью. На торговых путях возникали новые города, развивалось ремесло. Торговля способствовала развитию капитала и проникновению его в промышленную сферу. Норвежцы, Финны, Шведы являлись активными участниками экономических процессов. Вполне закономерно, что события политические, экономические (например, географические открытия), включая реформацию, нашли отражение на Скандинавском полуострове. Среди государств полуострова, глубокие реформационные процессы затронули Финляндию.

В настоящее время евангелическо-лютеранская церковь занимает ведущее место в религиозной принадлежности финского населения. Процесс распространения лютеранства в Финляндии, его особенность и влияние на формирование национального сознания мало изучен и требует дальнейшего исследования.

Реформация в Финляндии осуществлялась под влиянием общереформационных процессов в Европе и Скандинавских странах.

Римская церковь, укрепившая свое политическое и духовное положение, подкрепленное экономической базой, претендовала на вселенское господство, вызывала неодобрение у представителей светской власти и у простого народа. Это привело к кризису папской церкви, проявившейся в великой схизме, в борьбе трёх пап за престол в соборе Святого Петра [1, с. 67]. В результате эта борьба привела к ослаблению власти Римской церкви. На этой волне зарождаются идеи реформации церкви, формируется и развивается мощное реформационное движение.

В ходе антипапского борьбы в Германии зарождается новое религиозное направление – лютеранство, основателем которого стал Мартин Лютер [2, с. 40]. Среди его соратников был Томас Мюнцлер, также вдохновлявший народ на борьбу против владений церкви. Но его идеи Мюнцлера не получили поддержки среди участников Крестьянской войны 1520-х годов. Активными борцами за реформы церкви стали Лютер и Меланхтон, которые окажут значительное влияния реформационное движение в Финляндии. Им принадлежит создание «Аугбургского вероисповедания», ставшего богословской основой для лютеран. [2, с. 113].

Характерной чертой реформации была её политическая направленность. Так, в Англии, она способствовала укреплению абсолютизма. Поводом к реформам церкви был развод короля Генриха с первой женой, который не приняла римская церковь [3, с. 9]. В результате король стал главой церкви, а вся церковная собственность перешла в собственность казны. В этих событиях важная роль принадлежала королеве Елизавете, при которой парламент в 1571 году принял «39 статей», ставших основой англиканской церкви [4, с. 28]. Изменения в религиозной практике нашли поддержку у буржуазии.

Политическую окраску имела реформация и во Франции. Здесь имели место страшные и жестокие события. В среде дворян появились два религиозных общества – гугеноты и католики, которые вели между собой кровавые войны, самым известным из которых стала Варфоломеевская ночь 1572 года. Страна была разделена на отдельные регионы, имевшие ту или иную принадлежность, находившиеся в состоянии непримиримой войны между гугенотами и католиками [5]. С целью прекращения войны, королевской властью был издан Натский эдикт 1598 года – закон о свободе вероисповедания, призванный ослабить конфликт между противоборствующими сторонами. Но кардинал Ришелье своей политикой ограничил права и свободы гугенотов, борьба вновь обострилась.

Более спокойно реформация проходила в Швеции, при этом страна не осталась в стороне европейских реформационных событий. Здесь новая религиозная мысль насаждалась «сверху». Значительная роль в реформации принадлежала деятельности Олауса и Лаурентиуса Петри [6, с. 57]. Им принадлежит создание многочисленных духовных произведений на

шведском языке, таких как месса или перевод Священного писания. Благодаря их деятельности, все богослужения и проповеди стали вестись на родном, шведском языке.

Частью Шведского королевств была Финляндия. Все реформационные события, происходившие в Швеции, влияли и на финскую церковь. Города Финляндии находились в сильной зависимости от шведских монархов зависела экономическая, духовная и политическая жизнь финнов. В Финляндии, так же, как и в Швеции, были распространены идеи библейского гуманизма и реформированного католицизма, которые были особенно популярны среди членов кафедрального капитула Турку. Этот город станет главным духовным и организационным центром финской реформации.

Для Финляндии не были характерны массовые народные восстания, протестовавшие против налоговых сборов, церковных владений и т.п. [7]. Население страны в значительной степени было неграмотно, при этом сохранялись традиции язычества, несмотря на развитие процесса христианизации. Здесь незначительной, по сравнению с европейскими государствами, была и роль монастырей.

Таким образом, финская Реформация, находившаяся под влиянием европейской и шведской реформацией, условно исследователями разделяется на два периода: первый период с 1520-х по 1550-е года и второй с 1560-х по 1620-е года.

В конце 1523 года епископом в Турку стал Эрик Свенсон [8, с. 54]. Он считается представителем «старокатолической партии» Швеции, то есть противником Реформации Лютера. Римская курия критически относилась к данному выбору. Причиной этому спор между Густавом Вазой и Святым престолом о замещении епископских вакансий. Это привело к разрыву отношений между противоборствующими сторонами. Конфликт отразился на Эрике Свенсоне, ему не был присужден титул канонического признания, что свидетельствовало об ущемлении прав епископа. В последствии описанные события сыграют роль в развитие новых реформ в Финляндии. Так, например, в допущении деятеля Пиетари Сяркиляхти на церковную службу, который признаётся первым распространителем идей Реформации в Финляндии.

Сяркиляhti призывал к «очищению евангельского учения от папского идолослужения». Занимая должность ректора кафедральной школы, он способствовал распространению новых идей среди своих учеников, проповедовал новое учение населению Турку. В 1524 году Пиетари Сяркиляhti составил завещание, что противоречило каноническим законам, духовное лицо не имеет право завещать свою собственность частному лицу.

В 1529 году личность Сяркиляhti была известна не только населению, но и светской власти, его популярность росла, что повлияло на назначение его архидиаконом в соборе в Турку, то есть он стал вторым по значению лицом в капитуле. В том же году Сяркиляhti сопровождал в поездке по епархии нового епископа Мартина Шютте. Епископ известен как один из важных деятелей в Реформации Финляндии.

Следует отметить, что капитул в Турку во второй половине 1520-х годов не был единым целым. Исследователь Макаров И. В. отмечает, что в этом капитуле Сяркиляhti был «человеком короля», он выполнял его поручения. По мнению автора, именно общение церкви и светской власти являлось одной из главных направлений новых течений [8, с. 79].

В 1528 году новым епископом Турку король назначил Мартина Шютте, что противоречило консервативным идеям, согласно которым епископа должны избирать на капитуле. Мартин Шютте был сторонником католических традиций, отстаивал идеи реформирования католической церкви изнутри.

В 1530-е – 1540-е годах Шютте способствовал отчуждению большей части собственности церкви в пользу короны, постепенно вносил изменения в богослужebную практику [8, с. 88].

Значительные изменения происходили в кафедральной капитуле Турку, она становится коллегиальным орган епархиального управления.

В 1530 году упразднена должность архипресвитера, полученные от этого средства поступали короне. Инициатором реформирования церкви всего королевства, в том числе и княжества Финляндского, был Густав Ваза. Он опирался на соглашения 1527 года. Во второй половине 1530-х годов политика Густава Вазы в отношении реформирования церкви стала более радикальной.

Церковная собственность стала отходить короне, начали возникать экономические проблемы, которые ограничивали епархию. С 1528 года в Турку специально для духовенства стали проводиться занятия по Священному писанию. При этом в 1530 году Шютте получил от короля разрешение на получение образования за рубежом для духовенства, в частности в Виттенберге – городе, в котором царили идеи Лютера [7]. В 1536 году туда был отправлен родоначальник письменного финского языка – Микаэль Агрикола. Полученное образование за пределами страны в значительной степени повлияло на настроения и представления священников, что отразилось на деятельности церкви.

В Виттенберге были особенно популярны идеи Лютера, кроме них значительную роль в преподавании новых идей играл Филипп Меланхтон. Он отличался от Лютера своим отношением к гуманистической составляющей образования и к церковной традиции. По его словам, Реформация, прежде всего, является процессом, который восстановит традиции ранней Церкви. Меланхтон пользовался большой популярностью среди учащихся, обладая способностями психолога, излагал студентам оригинальные богословские идеи, чем производил сильное впечатление. Однако, для финских реформаторов авторитетным мнением было мнение Лютера. Идеи обоих немецких реформаторов нашли отражение в деятельности и трудах финских служителей церкви, в том числе у Микаэля Агриколы.

Важным событием реформационного процесса был проведенный в 1536 году Упсальский синод. На нём было принято решение о распространении лютеранских церковных книг, как обязательных для всей Швеции, в том числе и для Финляндии [9, с. 160]. Решения синода и последовавшие за ним распоряжения Густава Вазы являлись обязательными для выполнения во всех епархиях королевства, ответственность за их соблюдение возлагалась на епископов и членов капитулы.

Все богослужебные писания осуществлялись на латинском языке (финский язык в то время не являлся официальным языком, и считался разговором простолюдинов). Позже, богослужебная литература писалась на шведском языке, и лишь незначительная её часть на финском.

Известность Микаэлю Агриколе принесло создание “письменного языка” Финляндии. Он написал “ABC-kirjä”, а также перевел многие Священные книги на финский язык. Микаэлю Агриколе посвящены ряд исследований, в том числе работа Хейнинена С., которой автор оценивает данное событие, как начало зарождения у финнов национального самосознания. Агрикола начал переводить Ветхий Завет на финский язык, где в предисловии описал ряд языческих божеств, которым не следует поклоняться [10].

В начале 1540-х годов усиливается государственный контроль за финской церковью. Инициатором этого выступил немецкий юрист Георг Норман. В результате шведская власть получала право назначать священников и контролировать деятельность епископов. Этот период принято называть «немецким периодом» в истории Швеции и Финляндии. Цель Нормана заключалась в стремлении ослабить административное и экономическое влияние высшего епархиального духовенства, что привело к тому, что с 1540 г. все духовенство Финляндии было обязано выплачивать дополнительный налог в пользу короны.

Вернувшись на родину в 1542 году, Микаэль Агрикола стал ректором кафедральной школы, канцлером и главным советником престарелого епископа Шютте. В это время он получил из Стокгольма поручение – составить отчет о доходах членов капитула. Работа был выполнена. Отчёт свидетельствовал, что все ведущие должности в церкви Финляндии находились в руках поколения, которое пришло в епархиальное руководство до начала Реформации. Им были ближе умеренные реформы, основанные на библейском гуманизме.

Политика королевской власти в лице Густава Вазы в отношении капитула Турку сохранялась прежней, что и в других епархиях королевства. По мнению короля, смерть членов капитула приводит к немедленному сокращению должности умершего, а его доходы должны быть причислены короне.

Роль государственной власти укреплялась, это отразилось на деятельности епархиального управления и на кафедральном капитуле. По мнению исследователя А. Маграт, высказанное автором в работе «Богословская мысль Реформации», в отличие от средневекового периода,

капитул утратил право избрания епископа [7]. Однако, капитула сохраняла свои полномочия в отношении кафедральных школ, что имело большое значение для преобразования церкви. [11, с. 327].

Капитуле принадлежало право назначения новых священников. В то же время, экономическое ослабление церкви существенно отразилось на авторитете ее служителей. По мнению Агриколы, государственная политика может привести к тому, никто не пойдет больше в священники. Особенно беспокойство было связано с утратой большей части церковного хозяйства, которая отходила к государству.

В 50-х годах XVI века положение королевской династии Ваза несколько укрепилось. Наследником престола официально был признан старший сын короля Эрик XIV. В 1556 г. король объявил о создании герцогства Финляндского с центром в Турку. На место правителя был определен другой сын короля Густова – Иоанн. В состав нового образования вошли юго-западные и южные районы страны, наиболее обжитые и развитые [9, с. 234].

Как отмечает И.В. Макаров, в этот период взаимоотношения Густава Вазы с финским духовенством были напряженными [8, с. 102]. В 1550 г. умирает Мартин Шютте. Решением королевской власти новый епископ Турку не был утвержден вплоть до середины 1554 г. В эти годы управление церковными делами Финляндии осуществлялось кафедральной капитулой, который значительно уменьшился, по сравнению с предыдущим периодом.

Перемены в церковном управлении наступили в 1554 г. По приглашению короля все члены капитула были собраны в Турку. Король сообщил о роспуске капитула как церковного института и разделил епархию на две отдельные «области» с центрами в Турку и Выборге, каждая из которых подчинялась архиепископу Уппсальскому и королю. Во главе отделения в Турку был поставлен Микаэль Агрикола, Выборгское отделение возглавил Паавали Юстен. Официально глава епархии Турку именовался епископом, а глава новой Выборгской епархии – ординарием. Хотя Микаэль Агрикола недолго занимал это пост, однако деятельность его на поприще развития основ евангелического вероучения и нового отношения к духовной жизни среди широких масс населения была вполне успешной. С целью активизации деятельности приходов крупные были

разделены на более мелкие приходы.

Значение создания Выборгской епархии оценивается неоднозначно. С одной стороны, это привело к ослаблению епископской власти и раздроблению доходов церкви [11, с. 329]. В тоже время, церковное влияние стало распространяться на новые районы страны, например, такие как область Саво. Тем самым, новые учения получили широкое распространение среди населения Финляндии.

По оценкам историков, в частности Макарова И. В. [8] и Магратома А. [7], одним из самых сложных в Реформации Финляндии был условный второй период. В это время обостряются отношения между сыновьями Густава Вазы Эрика XIV и Иоанном. В стране не было единой епархии. В 1558 году главой епархии в Турку стал Петер Фоллингиус, не прошедший посвящение в епископы, что отразилось на нестабильности его деятельности. Кроме того, началась открытая война между двумя сыновьями Густава Вазы. В результате во главе практически всей финской церкви был назначен Паавали Юстен, он осуществил реформы по реорганизации церкви.

Юстен руководил двумя финскими епархиями, так как капитул отсутствовал. Это дает основание предполагать, что происходило определенное укрепление финской епископской власти, после более столетнего ослабления. Представители церкви стремились заручиться поддержкой королевской власти, пытаясь наладить отношения как с Иоанном, так и с Эриком. Целью такой политики было стремление объединить разделенную епархию. Однако, представители правящей династии с недоверием относились к священнослужителям, предполагая неверность последних, что приводило к частым сменам руководителей церкви, снятию их с постов и к другим подобным действиям. Тем не менее, видные церковные деятели Финляндии 1560-х-гг. следовали шведской линии церковных реформ, при этом, сохраняя свои убеждения.

После прихода к власти в 1568 г. шведского короля Иоанн III, церковь Финляндии снова была разделена на две епархии. В самом начале правления монарха ослабло управление епархией Турку, ввиду того, что Паавали Юстен в 1569 году был отправлен в Москву для ведения переговоров с Иваном Грозным. Юстен вернулся в 1572, а во время его

отсутствия епархией управляли несколько церковных лиц, что фактически напоминало средневековый капитул. Однако, отличие заключалось в том, что находясь под давлением и контролем со стороны монаршей власти, капитулу нельзя было назначать лиц на должности [7].

При Иоанне III, особенно в 60-80-е годы XVI, заметно активизировалось строительство церквей. Для этого времени была характерна тенденция возведения скромных деревянных храмов, похожих на каменные. Такие постройки характерны были для Лоппи и Моухиярви.

Церкви всего королевства в 1572 году в своей деятельности опирались на провинциальный синод, который принял новое Уложение. Документ свидетельствовал о единообразии богослужебной практики для всех епископств королевства. Этому способствовало издание Юстеном «Синодального статутаха» на латыни, который был адресован рядовым священникам, являвшимися посредниками между верующими и духовной элитой.

Король Иоанн III стал проявлять интерес к римскому престолу и, после смерти Паавали Юстена, не назначал главу епархии Турку, ожидая благословения от папы. В 1579 году он назначил Хенрика Кнутсона временно исполняющим обязанности епископа. После смерти епископа Выборгского Эрика Хяркяпя в 1578 году, Кнутсон взял этот пост под свой контроль. Снова имеет место тенденция к объединению двух епископств.

Следует обратить внимание на важное событие – присягу 1578 года, которая была принята всеми епископствами новому религиозному курсу богослужения. Согласно присяге, службы должны идти на двух языках Финляндии. Благодаря деятельности Кнутсона, побывавшего в различных городах герцогства, к присяге было приведено местное духовенство. Тем, кто пытался отказаться от присяги, король угрожал экономическими санкциями.

В 1583 году, король окончательно прекратил все контакты с Римом, духовенству пришлось заново давать присягу на новый курс богослужения. Был создан новый служебник, но он не был переведен на финский язык, что осложняло ведение проповедей в финских церквях, поэтому местное духовенство продолжало пользоваться служебником Паавали Юстена. Эти события послужили началом «литургической

реформы», инициатором которой был король Швеции Иоанн III. «Литургическая реформа» заключалась в идеи сохранения традиции и обычаев религиозных направлений, таких как католицизм и протестантизм, которые могли существовать вместе. В Финляндии реформа прошла намного спокойнее, чем в Швеции. Как отмечалось выше, народ еще мало был информирован о Реформации и в нем сохранялись традиции язычества. К 1583 году курс «литургической реформы» укрепился в Финляндии, это факт подтверждается призыванием на пост епископа епархии в Турку Эрика Соролайнена.

Эрик Соролайнен участвовал в Уппсальском соборе. Став епископом, он активно включился в обсуждение основных пунктов постановления церковного собора, особенно «устаревших церемоний» [10]. Например, возношение Святых Даров, звон колокольчиков после священной евхаристии и т.п. После долгого обсуждения было принято решение об их устранении. [12, с. 200]. Последствия этого события оцениваются исследователем Хейниненом С. в работе «Эрик Соролайнен» [10], как свидетельство того, что лютеранство стало укрепляться в Финляндии; появилось стремление четко определить различия между духовными направлениями.

Важно отметить, что в целом во время правления Иоанна III финская церковь окрепла как институт. Более того, после разрыва отношений с Римом, в духе Нового церковного уложения 1575 года король поощрял все возможные шаги для развития финского языка. Важная роль в этом вопросе принадлежит Яакко Финно, который при поддержке Иоанна перевел на финский язык Катехизис, а также создал свои уникальные труды «Малую книгу финских молитв» и «Малую книгу финских песнопений».

В этот период кафедральная школа в Турку сыграла заметную роль в подготовке новых священников, а также в распространении грамотности среди простого народа.

После смерти Иоанна III, положение финской церкви значительно осложнилось. В 1593 году состоялся Уппсальский собор. На нем шведское лютеранство стало практически единственной конфессией в королевстве. С этого момента начинается новая эпоха церкви Швеции и Финляндии,

наступает период «чистого учения». На первый план выходит лютеранство и протестантизм, хотя ученые не отрицают внедрение и католических идей.

На Уппсальском соборе Новое церковное уложение 1575 года подверглось критике и было практически отменено. Хотя Финляндия далеко находилась от мест зарождения религиозных течений, но священники отправлялись на учебу за границу, часть учений они познавали там и внедряли их в своих епархиях. В период после Уппсальского собора, получивший название «ранней ортодоксии», с одной стороны, многие ведущие церковные деятели в Финляндии по-прежнему следовали принципу библейского гуманизма, чтити свое патриотическое наследие, но при этом они ужесточали доктринальные суждения, а также враждебно относились к другим конфессиям [13]. В обществе прочно укреплялись основы евангелической нравственности, в частности коллективистские начала религиозности.

Однако со стороны высших чинов духовенства росло недовольство. Дворянская элита страны попыталась использовать подобные настроения в собственных интересах.

Король Сигизмунд III заявил, что не будет мешать евангелическо-лютеранскому движению. В ответ на это народ склонился перед ним. Нового короля признало финское дворянство. Представитель финляндского дворянства Клаус Флеминг взял на себя ответственность за выполнения решений Уппсальского собора, при этом известно, что он не был удовлетворен решениями собора. Так как в окружении Флеминга находились священники, недодерживающие данное решение, между светской и церковной властью появились серьезные разногласия.

В результате внутреннее единство кафедрального капитула Турку и его твердость в осуществлении литургических изменений обернулись для церковного руководства утратой доверия значительной части населения Финляндии.

После Крестьянской войны, названной в истории «Дубинная война», и падения замка Турку в сентябре 1597 г. верное Сигизмунду финляндское дворянство окончательно перестало доверять епископу и его окружению. Эрика Соролайнена сместят с поста и после победы Карла над финскими дворянами в 1599 году, посадят в замок [10].

Если в Швеции окончательная победа Реформации в лютеранской форме пришлась на первую половину XVII века, то в Финляндии окончательное оформление лютеранства произошло значительно позже [14]. Причинами тому были экономические проблемы: голод, неурожаи, война. Важно и то, что Эрик Соролайнен, вернувшись на свою должность в 1602 году сохранил её до 1625 года. Только после его смерти в финской церкви произошли значительные перемены.

По мнению Ю. Пихкала, епископ в Турку мог теперь совмещать свое духовное правление с Выборгской епархией [11, с. 330]. Также, многие священники стали объединяться, тем самым не допускали сокращения своих должностей. Вскоре после объявления на риксдаге в 1604 году решения о том, что кафедральные капитулы будут заниматься только образованием священников, Эрик Соролайнен, как и его приемники, стал управлять делами епархии единолично, имея при этом большие полномочия.

В епископство Эрика Соролайнена, в 1611 году в Финляндии было принято Школьное уложение, которое укрепило школьную систему образования. В 1602 году он возглавил Библейский комитет. Однако значение данного органа до конца не ясно. Как считает И.В. Макаров, создание данного органа оставило множество неясностей. Во-первых, не сохранилось полного перевода Библии. Полный перевод Библии, который дошел до наших дней, был сделан в 1642 году, когда комитета уже не было [8, с. 157]. Следовательно, можно предположить, что комитет так ничего и не создал за время своего существования. Тем не менее, проведенный анализ Псалмов, которые содержатся в Постиле Эрика Соролайнена, свидетельствует о том, что есть некоторое сходство с переводом Библии 1642 года. Соролайнен часто цитирует в своем труде Ветхий завет, возможно, перевод он делал не сам, и ему помог в этом Библейский комитет.

Новая эпоха для церкви в Финляндии началась после смерти Эрика Соролайнена в 1625. Через два года на эту должность был назначен Исаак Ротовиус. Он не владел финским языком и питал ненависть к своему предшественнику. Его назначение было решением светской власти. Однако стоит отметить, что именно с приходом Ротовиуса, в Финляндии началось

возведение монолитной и строго регулируемой культуры протестантизма, причем финский протестантизм развивался в сторону лютеранской ортодоксии. Этот этап характеризуется особенностью сближения церкви и светской власти, что исключало какие-либо разногласия между ними. Появляется крепкая община во главе с пастором, его власть значительно возросла, но он также должен следовать указаниям епархиального начальства. В этот период полностью меняется религиозная жизнь общества, а также начинается контроль над частной жизнью человека.

Таким образом, реформация в Финляндии проходила в контексте общеполитических событий Швеции и других скандинавских стран. Влияние на этот процесс оказала реформация в Европе. Реформационные события, происходившие в Швеции, касались и финской церкви. Возможно выделение двух периодов в истории финской реформации, каждый из которых был связан с положением народа в составе Швеции, от политики шведских королей и их позиции в отношении церкви и капитулы. Финская церковь делилась на епархии. Положение церкви во многом зависело от руководителей епархий, епископов, их смелости и самостоятельности. Многие деятели финской реформации внесли вклад в развитие языка и духовной литературы, в формирование национального самосознания и культуры финского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Реформация. История Нового времени. Век религиозных войн (1500–1650). Т. I. / Бранди К., Бригер Т. [и др.]. СПб.: Просвещение, 1912.
2. **Порозовская Б.Д.** Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность.: Фонд «Лютеранское наследие». 2000.
3. **Гладков А.К.** «Общее благо», прерогативы короля и статус церкви в эпоху Реформации: парадигмы европейской политической мысли XVI–XVII вв. // Реформация и «Новая идеология» в Европе Средние века XVI–XVII вв. 2010. №5.
4. **Руденко О.А.** Стефан Гардинер и его политический трактат // Реформация и «Новая идеология» в Европе Средние века XVI- XVII вв. 2010. №5.
5. **Юрченко Н.И.** Влияние реформации на формирование демократических институтов Европы // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2017. № 5(35). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-reformatsii-na-formirovanie-demokraticeskikh-institutov-evropy> (дата обращения: 15.04.2020 г.).
6. **Щеглов А.Д.** Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
7. **Маграт А.** Богословская мысль Реформации. 1994. [эл. доступ] URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/McGrath> (дата обращения: 13.01.2020).

- 8. Макаров И.В.** Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: ИП Генкин Д. А. 2007.
- 9.** Религия и церковь Швеции. От эпохи викингов до начала XXI века. / сост. Чернышева О. В.; Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2015.
- 10. Heininen S.** Agricola, Mikael (noin 1510–1557) Turunpiispa, reformaattori, raamatunsuomentaja [фин.] // Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. StudiaBiographica 4. Helsinki Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. (дата обращения: 20.01.2020).
- 11. Пихкала Ю.** Евангелическо-лютеранская Церковь Финляндии и ее экуменические отношения // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А. Ю. Прилуцкого. СПб., 2014. № 3. С. 327.
- 12. Чедвик О.** Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII вв.: [пер. с англ.] / Оуэн Чедвик. Москва: Центрполиграф, 2011. С. 200.
- 13.** Postilla 1988–1990: Eerik Sorolainen Ericus Erici Postilla, I–II (toim. M. Parvio), näköispainos, Jyväskylän, 1988–1990.
- 14. Rautio P.** Reformaation vaikutukset näkyvät nykyyhteiskunnassa: [фин.] // Helsingin yliopisto [эл. доступ] URL: <https://www.helsinki.fi/fi/uutiset/kielikulttuuri/reformaation-vaikutukset-nakyvat-nykyyhteiskunnassa> (дата обращения: 23.02.2020).

BELOKOZ Yelizaveta R. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: belokoz.er@edu.spbstu.ru

PAVLOVA Olga K. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

REFORMATION IN FINLAND. SOME ASPECTS OF HISTORY

The article is devoted to the study of the reformation history in Finland. The political and economic conditions that influenced the reformation in the country are examined. The features of the reformation in Finland related to the national mentality and the historical fate of the people are analyzed. The role of the state and the impact of the political and religious figures on the reformation processes are revealed. The stages of the Finnish reformation and their content are studied. The results and significance of the reformation for the status of the Finnish people, the formation of national identity and development are determined.

HISTORY; REFORMATION; EUROPE; FINLAND; SWEDEN;
BACKGROUND; STAGES; FEATURES; POLITICS; LEADERS OF THE
REFORMATION

УДК: 316.7

В. М. Дианова, Э. Энхсайхан

ПЛАКАТ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ XX ВЕКА

ДИАНОВА Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9. E-mail: v.dianova@spbu.ru

ЭРДЭНЭБИЛЭГ Энхсайхан – аспирант факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9. Преподаватель Монгольского государственного университета культуры и искусств. Улан-Батор, Монголия. E-mail: enkhsaikhan.e@gmail.com

Статья носит ретроспективный характер и раскрывает некоторые стороны взаимных отношений России и Монголии в советский период. Исходя из признания значительного влияния Советской России на становление независимого монгольского государства, избравшего путь социалистического развития, рассматриваются отдельные аспекты этого процесса. Предметом анализа является плакат, получивший большое распространение в России в качестве эффективного средства пропаганды и агитации, востребованный в Монголии. Показана историческая эволюция этого вида творческой деятельности, истоки которой относят к западным странам, вступившим на путь индустриализации. Рассматриваются особенности революционного плаката, местом рождения которого считается Россия. Плакат характеризуется как вид творчества, содержащий художественно-эстетическую компоненту и лаконичный смысл пропагандистской идеи; раскрывается его связь с традициями народного творчества. Проводится мысль о том, что революционный плакат, обладая качествами особой доступности и зрелищности, стал средством широкого информирования людей и тем самым способствовал осуществлению революции 1921 г. в Монголии. Распространение в монгольской культуре этого вида творчества расценивается как факт воспринятого через посредство России плодотворного западного влияния, касающегося не только художественного творчества, но и социальной жизни в целом. Плакат пропагандировал приоритеты оседлого образа жизни, демонстрировал успехи социалистического общества, его политической жизни, способствовал формированию новых демократических ценностей. Приводятся выдержки из опубликованных архивных документов, а также суждения монгольских современных исследователей о востребованности разнообразных средств советской агитации и пропаганды в процессе формирования национальной культуры социалистической Монголии.

МОНГОЛИЯ; МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ; ПОЛИТИКА; СОВЕТСКАЯ РОССИЯ; РЕВОЛЮЦИЯ; ПЛАКАТ; АГИТАЦИЯ; ИДЕОЛОГИЯ

В многовековой истории российско-монгольских отношений исследователи различают периоды, в которых взаимные контакты между народами в социально-политической, экономической и культурной сферах при всем их разнообразии и неоднородности, характеризовались разной степенью интенсивности. Предлагают условно выделить пять больших исторических периодов: 1) дочингисхановские времена; 2) Великая империя Чингисхана в XII–XIII вв.; 3) «китайская» Монголия – период владычества Цинской империи на монгольских землях и развитие Монголии в рамках китайской политической системы с XVII – до начала XX вв.; 4) «советская» Монголия – период развития политических институтов и культуры Монголии в условиях доминировавшего политического и идеологического влияния Советской России, впоследствии СССР в 1921–1990 гг.; 5) постсоветская, демократическая Монголия – с 1990 года по настоящее время [1, с. 294]. Наиболее интенсивные контакты между странами сложились в советский период. В наступивший постсоветский период, спустя несколько лет после радикальных изменений в обеих странах и ослабления былого советского влияния, вновь стали налаживаться взаимные российско-монгольские отношения. В этой связи появилась возможность пересмотра оценок недавнего прошлого и анализ ранее малоизученных тем. Открывшаяся возможность может способствовать восстановлению объективной картины взаимных отношений, адекватному освещению истории.

Период политических, экономических, социальных и культурных отношений с Советской Россией расценивается в современной Монголии как период приобретения и накопления богатого и полезного опыта, способствующего приобщению к западным ценностям. При этом не замалчиваются и некоторые отрицательные моменты тех времен, наличие светлых и темных сторон в истории российско-монгольских отношений. Публикация архивных документов, осуществляемая в последние годы, как в России, так и в Монголии, позволяет пролить свет на характер взаимоотношений между странами, понять механизмы политического влияния, оказываемого советской идеологией, и одновременно свидетельствовать о тесных культурных связях, сложившихся между Советской Россией и МНР.

Стремление обрести национальный суверенитет и сохранить собственную идентичность, попираемую в течение нескольких столетий со стороны Китая, побудили монголов обратиться за поддержкой к внешним силам: вначале это была царская Россия, затем советская. После победы в 1921 г. национально-демократической революции у монгольских революционеров не было другого выбора, кроме опоры на помощь более сильного и развитого соседнего государства – Советской России. Монголия, находившаяся в многовековой зависимости от Китая и стремясь к национальному освобождению страны вначале от китайских, а затем белогвардейских оккупантов, сама обратилась за помощью к советской России, которая провозгласила поддержку угнетенных народов Востока [2, с. 410]. Внешнеполитический курс Советской России 20–30-х гг. был направлен на распространение идей мировой революции и борьбы с международным империализмом. Ввиду поражения революционного движения в Европе реализация этого курса на азиатском направлении казалась наиболее перспективной. Монголия рассматривалась как плацдарм для дальнейшего продвижения революции на Восток, поэтому работа по обретению ею национальной независимости началась задолго до 1921 г. Со своей стороны монгольские революционеры придерживались курса на сближение с Советской Россией, в ней они видели гарант своей государственной независимости. Таким образом, стремление к тесному сотрудничеству и взаимодействию были взаимными. "После революции 1921 года Монголия прочно вошла в орбиту советского влияния. По линии Коминтерна в Монголию была направлена группа военных и партийных инструкторов, и, по сути, вся работа правительственных и партийных органов проходила под их жестким контролем" [3, с. 124].

Среди обширного комплекса идей, артефактов и разнообразных способов, возникших и используемых при реализации этих отношений, обратим внимание на характер проводимой в то время пропагандистской работы. Богатый российский опыт в ее осуществлении свидетельствовал о значимой роли в идеологической борьбе наглядной агитации (распространение листовок, вывешивание лозунгов). Обращаясь к анализу ее истоков, рассмотрим одну из ее неперенных составляющих – революционный плакат, появившийся в монгольском обществе ввиду

испытываемого им влияния Советской России. В России уже в начальный период формирования этого способа революционной пропаганды и агитации сложилось не только весьма ясное представление об эффективности его воздействия на массы, но и теоретическое обоснование. Одна из первых книг об этом была написана В.Полонским. В своей книге "Русский революционный плакат" автор теоретически обосновывает значимость плаката для революционного преобразования общества, сравнивает его по степени доходчивости с искусством лубка, способного стать носителем народных чаяний и устремлений. Он подчеркивает художественно-просветительскую миссию плаката и отмечает, что именно в революционные годы этот вид творчества переживает невиданный период расцвета [4, с. 3]. В годы гражданской войны (1918–1922) автору довелось руководить редакционно-издательской работой, частью которой было создание плакатов. Опыт и наблюдательность побудили его к некоторым выводам и систематизации фактических сведений, которые оказались чрезвычайно важными для понимания этого двойного вида деятельности – как своеобразного художественного средства выразительности и как лаконичного высказывания, отвечающего духу времени. Он рассматривал плакат как результат, рожденный индустриальным городом, упоминает Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, поясняя, что "плакат является живописным выразителем формулы, которой подчинена вся коммерческая, торгово-промышленная жизнь индустриальных стран: "время-деньги" [4, с. 8]. Полонский перечисляет имена западных художников, работавших над плакатом, тем самым подчеркивая его неотъемлемую художественную составляющую и одновременно то, что высокое искусство может быть на службе торговли и промышленности. Автор анализирует живописную конструкцию плаката, заключающуюся в чрезвычайном схематизме: в живописи не должно быть лишнего мазка, в тексте – лишнего слова. Присущие плакату особенности на заре его возникновения, так называемому старому плакату (не исключая театральные плакаты или плакаты-кино), удачно были использованы в промышленный век, но ввиду промышленной и торговой конкуренции, были усовершенствованы. Этот небольшой исторический экскурс необходим автору для того, чтобы однозначно заявить о приоритете иного

плаката – революционного. Полонский разъясняет, что и старый плакат, и плакат-реклама, радикально отличны от революционного плаката, поскольку лишены идейной насыщенности и не связаны с общественными интересами. Совсем иное революционный плакат: "Рекламный плакат стремился лишь забить гвоздь памяти в сознание потребителя; революционный не ограничивается информацией. Он требует, призывает, приказывает, повелевает. Плакат – орудие массового внушения, средство организации коллективной психологии" [4, с. 13–14]. Последнему посвящена данная книга, в которой не только комментируется представленная подборка плакатов, аргументируются необходимые, отвечающие насущному моменту средства выразительности и эстетические достоинства, но дается развернутая систематизация плакатной тематики. Воспроизведем несколько удачных авторских слоганов, характеризующих необходимые условия функциональности плакатов: "Плакат – удар набатного колокола, созданный с помощью живописных средств", "Искусство плаката – искусство уличное, тишина для него непереносима", "Плакат груб, как уличный мальчишка, его и следует принимать таким, каков он есть", "Он оскорбляет изысканный вкус эстета – что ж делать: такова улица, особенно улица революционной эпохи" [4, с. 16].

Полонский касается проблемы преемственности, объясняя, что поскольку в предреволюционной России искусство плаката находилось в состоянии младенчества, его мастерам пришлось в короткий срок пройти тот путь, который был пройден западными художниками. История внесла свои коррективы в развитие плаката. С началом войны 1914 г. в России возникает военный плакат, который становится предшественником предвыборного, партийного, политического и революционного плаката. "Революция открыла шлюзы, через которые хлынул на улицу революционный плакат. Это знаменовало демократизацию политики, сближение партий с уличной толпой, на суд которой плакат выносил партийные лозунги и призывы" [4, с. 20–21]. Расцвет революционного плаката пришелся на время, в котором возникли условия, потребовавшие исключительного напряжения сил и подбор эффективных средств для защиты революции. Совершенствование техник производства плаката и

оттачивание его выразительных средств осуществлялось постепенно, высот оно достигло в период гражданской войны в России. С переходом к мирной жизни, поскольку плакат тех лет реагировал и откликался на многие требования повседневности, возникло множество разновидностей плакатов, что побудило Полонского к составлению их типологии [4, с. 82]. Со временем сформировались собственно российские художники, проявившие себя в создании плакатов разного типа: В. Н. Дени, Э. Лисицкий, Д. С. Моор, А. М. Родченко. Монголия стала преемником российского опыта, а через него усвоила западный.

Процессу распространения плакатов в Монголии предшествовал период изготовления листовок и пропагандистских картинок, появившихся еще до народной революции, т.е. в период с октября 1917 г. по 11 июля 1921 г. [5]. Листовки, среди которых различали около 60 видов, распространяли члены Революционного тайного общества и Центрального народного партийного комитета [6, с. 10]. Первая пропагандистская картина была опубликована в газете Монголын унэн /Монгольская правда/ 10 ноября 1920 г. Публикация в газете была эффективным способом доставления пропагандистской информации людям, потому к ней прибегали неоднократно [7, с. 6]. Анализируя характер пропагандистской работы тех лет, профессиональные художники отмечают, что не следует отождествлять пропагандистские картины, которые печатались в газетах, с плакатом, поскольку плакат – это особый вид изобразительного искусства [7, там же]. Исследователь Л.Батчулуун в связи с публикацией на первой странице газеты “Уриа” /Лозунг/ картины художника Б.Шарав “Уриа” в своих комментариях использовал словосочетание “печатные чертежи или печатный рисунок”. Отсюда следует, что производству плакатов предшествовало создание иных агитационных и пропагандистских материалов, среди которых следует различать листовки, пропагандистские картинки, печатные рисунки, прочее.

Темы монгольских революционных плакатов и творчества отдельных художников стали предметом исследования как монгольских, так и российских авторов. Художники Б. Шарав, Л. Намсрай, Б. Гонгоржав, Д. Аюурзана и др. начали свой творческий путь именно с плакатов [8, с. 153]. Некоторые из них получили специальную подготовку, были среди

них и художники-самоучки [9]. В период первых десятилетий XX века в их творчестве преобладала тема революции, что сыграло незаменимую роль в пропаганде партийной политики и консолидации общества. В то же время следует признать, что по своим художественным качествам их творчество не отличалось в те годы высоким профессиональным уровнем. Вместе с тем монгольская графика и революционные плакаты возвестили о появлении совершенно нового искусства, освободившегося от канонических предписаний и религиозной идеологии, что способствовало осуществлению поворота монгольского общества к новой жизни.

Когда с 30-х гг. началась развернутая агитация за достижение всеобщей грамотности, пропаганда здорового образа жизни и деятельности, связанной с оседлостью (работа на производстве), в монгольском обществе опять оказались востребованными плакаты. Придерживаясь основного принципа – лаконичный текст и ясное содержание, плакаты широко тиражировались. Пути распространения были разнообразными: издавались отдельно плакаты, размещались пропагандистские рисунки в периодической печати. Советские исследователи истории Монголии с удовлетворением отмечали продуктивные изменения в культуре того времени: "Графика и плакат как боевые формы изобразительного искусства заняли важное место. Монгольские художники создали немало острых политических плакатов и карикатур" [10, с. 505].

Процессу формирования навыков в создании собственно монгольских плакатов, активно содействовала деятельность по поставке пропагандистской продукции из России. Об этом свидетельствуют ныне опубликованные архивные документы. Так, в письме Полномочного посла СССР в МНР А.Я. Охтина, адресованному руководителю сектора Востока всесоюзного общества культурной связи Лебедеву (09.08.1930), речь идет о поставке для советского клуба разнообразной агитационной продукции и технических средств: портретов, листовок, киноаппарата. В этом документе высказывалась благодарность за полученные ранее листовки и было отмечено, что такую раздаточную продукцию важно иметь и использовать с той целью, чтобы монгольский народ шире участвовал в разных целенаправленных мероприятиях и тем самым принял и поддержал

политику СССР [11, с. 157–158]. Особая доступность плакатов в качестве средства информации отмечена в документе, адресованном Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (19.05.1933 г.). В нем речь идет о развитии культурного сотрудничества с Министерством просвещения МНР и написано следующее: чтобы познакомить монгольские народы с культурными достижениями СССР надо использовать простые способы, поскольку необходимо, чтоб всем все было понятно. Для этой цели следует прислать монгольскому Министерству просвещения материалы с рисунками /плакаты. Здесь же разъясняется, что поскольку плакаты создаются так, чтобы людям было понятно, поскольку в них рисуются обычные сюжеты, имеющиеся минимальный словесный текст, то это самый лучший способ распространения культуры и возможности поддержания ее на должном политическом уровне [12, с. 215–216]. В записке посла СССР в Монголии К.В.Русакова "О мероприятиях по усилению нашей пропаганды на Монголию в связи с текущей обстановкой" от 22.11.1963, адресованной в ЦК КПСС, приводится целый перечень предполагаемых мероприятий, среди которых предлагается "в ближайшее время по линии культурного сотрудничества организовать в МНР выставку советской политической книги и выставку советской изобразительной продукции (плакаты, репродукции с картин, эстампы, гравюры, открытки, марки и т.п.)" [13, с. 71–72]. Ввиду того, что в Монголии среди населения были распространены китайские лубочные плакаты, исполненные в ярких привлекательных красках, которые украшали не только юрты скотоводов, но и встречались в помещениях монгольских организаций, делается вывод о необходимости "продумать вопрос о более широком распространении в Монголии советской изобразительной продукции" [12, с. 72.]

Кроме архивных документов, свидетельствующих о передаче пропагандистских и информационных материалов, доказательства о действительно важной роли плаката в монгольской культуре того времени приводятся в исследовательских работах. В одном из наиболее обстоятельных трудов, посвященных этой теме, монгольскими авторами отмечалось, что "события, происходящие на каждом этапе развития общества и жизнь наших людей, были запечатлены именно плакатами, что

плакат является зеркалом времени” [7, с.13]. Здесь же приводится воспоминание Б.Ринчена о первых революционных плакатах, где сообщается, что первый плакат монгольской народной революции был написан советским художником и напечатан в виде литографии в Ленинграде [7, с. 3]. Обычно монгольские плакаты крупного размера и с большим текстом печатались либо в Иркутск, либо в Ленинграде, поскольку типографские возможности в Монголии были весьма скромны. Ученый Л.Сономцэрэн написал следующее: “Когда наши плакаты начали выпускаться, невозможно представить, чтобы этот процесс происходил без участия советских художников. Благодаря им, особенно тем, кто работал в МНР, монгольские плакаты развивались как один из видов изобразительного искусства. Среди них, хочу подчеркнуть Л. Шенацера и популярного художника Бурятия Цыренжапа Сампилова” [7, с. 11]. Значительное влияние советского искусства на монгольскую живопись детально освещает в своих работах современный монгольский исследователь Б. Баяртуур [13].

Заимствование опыта советской России в деле построения социалистического общества и создание монгольской социалистической культуры вполне объяснимы, поскольку Советская Россия выступала для Монголии в качестве гегемона. Эта гегемония вначале сложилась лишь в отношении идеологии, но позже, когда Советский Союз достиг зримых достижений в индустриализации, распространилась на другие сферы. Создаваемая в России пролетарская культура была призвана поддерживать идеологию и политику. Гегемония России в сфере культуры отчетливо осознавалась Монголией, что подтверждается многими фактами. Достаточно лишь упомянуть о том, что монгольские писатели обратились в письме за советом к Максиму Горькому, получившему титул пролетарского писателя, какую литературу стоит переводить в стране на монгольский язык. Понятно, что лидерство, к которому стремилась держава-гегемон, было не только политико-экономическим, но и культурным, причем не только в искусствах, но и в структурах знания. Напомним, что изучение русского языка в монгольских школах было повсеместным, что содержание философии и общественно-политических дисциплин, преподаваемых в вузах, было адекватным. Тем самым механизм гегемонии

позволил просуществовать несколько десятилетий социалистической системе. Россия поддерживала свою гегемонию во всех странах социалистического лагеря, что помогало ей закрепить завоевания социализма и сохранять своих сторонников весьма длительное время.

Итак, обладая качествами особой доступности и зрелищности, плакат стал средством широкого информирования людей, пропагандировал приоритеты оседлого образа жизни, способствовал формированию новых ценностей, тем самым способствовал осуществлению революции 1921 г. в Монголии. Потребность в создании и тиражировании плакатов как средства широкого информирования масс, вступившего на путь социалистического строительства монгольского общества, была одним из побуждающих стимулов к налаживанию культурных связей с Россией. Усвоение монгольской культурой этого вида творчества расценивается современными монгольскими исследователями как факт воспринятого через посредство России плодотворного западного влияния, касающегося не только художественного творчества, но и социальной жизни в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Лузянин С.Г.** Эволюция политической системы и политической культуры Монголии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток – Запад, 2006. – 599 с.
- 2. История Монголии.** XX век. М., ИВ РАН, 2007. – 448 с.
- 3. Батунаев Э.В.** Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий // Гуманитарный вектор, 2018. Т.13, №6, с.123–127.
- 4. Полонский В.** Русский революционный плакат. М.: ГИЗ, 1925. – 192 с. + 55 л. ил.
- 5. Бадрах Б.** Хувьсгалын эхэн уеийн зурагт ухуулах хуудсын тухайд /О листовках в начале революции // Туух судлал. 1990. №24. С.50–63.
- 6. Сономцэрэн Л.** Монголын ухуулах зурагт хуудасны хөгжлийн товч тойм / Краткий обзор истории развития монгольских плакатов /Дүрслэх урлаг / Изоб. искусство / УБ., 1973.
- 7. Эрдэнэцог Ц., Саруулбуян Ж.** Монголын зурагт хуудас / Плакаты Монголии / – каталог. УБ.: 2011. – 146 с.
- 8. Сумъяа Б.** Монголын соёл / Культура Монголии. УБ. 2009. – 176 с.
- 9. Вяткина К.В.** Монгольские революционные плакаты (О плакатах художника-самоучки Шарба. 1922–1923 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии (Институт этнографии им. Миклухо-Маклая). Т. 16. 1955. С. 5–23.
- 10. История Монгольской Народной Республики.** М.: Наука, 1983.
- 11. Монгол – Зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа / Монголо-Советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов /1921–1960/. Т. I. УБ. 2000.**

12. Монгол – Зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа /Монголо-Советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов /1961–1975/. Т. II. УБ-М. 2004.

13. Баяртур Б. Влияние советского искусства на монгольскую живопись // Россия-Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие. Сб. статей международной научной конференции. Отв. ред. В.М. Дианова. СПб., 2011. С. 281–289.

DIANOVA Valentina M. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: v.dianova@spbu.ru

ERDENEBILEG Enkhsaikhan – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. Mongolian State University of Culture and Arts. Baga toiruu – 26, Chingeltei district, Ulaanbaatar, Mongolia, 15140. E-mail: enkhsaikhan.e@gmail.com

POSTER AS A SUBJECT OF STUDY OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS OF THE TWENTIETH CENTURY

The paper is retrospective and reveals peculiarities of Russian-Mongolian relationships during Soviet times. It is generally accepted that Soviet Russia had contributed a lot to formation of the independent state of Mongolia, which had chosen socialist way of development. The paper focuses on the steps of this development. The subject of analysis is a phenomenon of poster which became wide-spread as a type of propaganda and agitation first in Russia and later in Mongolia as well. The paper shows a succession of the poster displaying tradition. The roots of poster-making are traced back to the industrialization period in western countries; its historical evolution leading to revolutionary posters, first appeared in Russia, is shown as well. Poster-making is analyzed as a creative activity, uniting aesthetic elements with laconically put propaganda ideas. The paper shows connection of poster-making art with traditions of amateur and folk arts of both countries, which explains the successful impact of political posters on people. The paper shows that revolutionary poster being accessible and spectacular had become the source of information and contributed to the success of revolution Mongolia in 1921. The need to produce and distribute posters became a reason for building cultural relations with Russia, which became a mediator in the process of Mongolian adaptation of some ideas and values of western culture. Poster-making art helped in formation of new values, propagated advantages of the settled way of life, showed Mongolian socialist society and its political life. The archive documents and modern Mongolian research are used to illustrate the idea that poster-making and other soviet ways of agitation were in great demand in the time of national socialist Mongolian culture formation.

MONGOLIA; INTERCULTURAL RELATIONS; POLITICS; SOVIET RUSSIA; REVOLUTION; POSTER; IDEOLOGY

УДК: 338

А. А. Драч, А. Ю. Мохорова

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ДРАЧ Анастасия Артуровна – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: drach.aa@edu.spbstu.ru.

МОХОРОВА Анна Юрьевна – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: mohorova_ayu@spbstu.ru.

Статья посвящена исследованию моделей государственного регулирования экономики с целью определения направлений изменений основных концептов социально-экономического развития КНР, установления влияния выбранной государством модели на уровень экономического состояния и перспектив его улучшения. В качестве основных методов исследования были использованы исторический ретроспективный метод, аналитический метод, формально логический метод, с помощью которых были изучены и интерпретированы нормативно-правовые акты, касающиеся вопросов регулирования экономики, установлены причины изменений экономической политики и взаимосвязи между последовательно применяемыми моделями, оценено их влияние на экономическое состояние государства.

ЭКОНОМИКА; ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ; ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Государственное регулирование экономических отношений является неотъемлемой частью функционирования экономики каждой страны. За 71 год существования КНР подход к государственному регулированию экономики претерпел множество изменений, которые носили, как положительный, так и губительный характер для социально-экономического развития. Однако, в конце XX века с помощью проведения модернизации и реформ, Китаю удалось выйти на путь неуклонного и качественного развития. Благодаря китайской модели

госрегулирувания экономики, разработке определенных мер экономической политики, а также уникальной форме социалистической рыночной экономики, сегодня КНР – страна с полутора миллиардным населением, занимающая второе место в мире по ВВП и первое по вкладу в мировую экономику. Для анализа модели госрегулирувания экономики, следует обратиться к истории ее развития.

Рассматривая историю развития модели государственного регулирования экономики в КНР, проанализируем периодизацию социально-экономического развития, изложенную китайскими исследователями (Линь Ифу, Ху Аньганом, Цай Фаном и др.) [1]. Подход руководства страны к регулированию экономических отношений во многом определял уровень развития государства, отсюда следует вывод о том, что необходимо рассматривать эти факторы, как единое целое. Китайские исследователи выделяют следующие этапы развития страны: I этап (1949 г. – первая треть 1950-х гг.), II этап (вторая половина 1950-х гг. – 1970-е гг.), III этап (1978 г. – 1990-е гг.), IV этап (начало 2000-х гг. – настоящее время).

К моменту прихода КПК к власти Китай находился в изнуренном состоянии после нескольких военных столкновений, в том числе гражданских, а также после полувековой нестабильной социально-политической ситуации. Основная цель руководства страны на первом этапе – восстановление экономики Китая, существовала необходимость вывести страну на новый уровень развития, сельскохозяйственную отсталую страну превратить в индустриальную.

В основу подхода к регулированию экономики государством легла усовершенствованная теория «новой демократии» Мао Цзэдуна 毛泽东, идеи которой отразились во Временной Конституции КНР – «Общей программе НПКСК 1949 года» [5]. Данный документ провозглашал курс на неуклонное развитие экономики.

Временная Конституция отменяла все привилегии империалистических стран, бюрократический капитал конфисковался, а вся феодальная собственность переходила в собственность крестьян. Руководство страны наделялось широкими контролирующими полномочиями, а именно: правами на регулирование государственной

экономики, кооперативной экономики, индивидуальной экономики, а также частной и национальной капиталистической экономик в областях технического оборудования, фискальной и финансовой политики, сырьевых поставок и рынков сбыта.

Проводилась и национализация банковской системы, по которой право на централизованное регулирование отводилось Народному Банку Китая. Таким образом, все финансовые предприятия оказывались под строгим контролем со стороны государства.

С 1950 года активно шел процесс наделения крестьян земельными участками и их освоения в рамках проведения земельной реформы. Процесс шел быстрыми темпами, и по окончании реформы в Китае более 300 млн. крестьян были наделены 46,7 млн. га земель для обработки [2].

Таким образом, данный действия по регулированию экономических отношений позволил руководству страны заложить прочный фундамент для дальнейшего развития страны. Более того, Китаю удалось за короткий срок восстановить экономику.

После завершения восстановительного этапа в 1952 году, руководство страны перешло к строительству социализма, данный курс был юридически закреплен в Конституции 1954 года [6]. Основная задача руководства страны на втором этапе социально-экономического развития заключалась в постепенном осуществлении социалистической индустриализации, а также в социалистическом преобразовании капиталистической промышленности.

Для осуществления данной задачи Основной закон КНР определял экономику страны как социалистическую, принадлежащую всему народу. Также, ЦК КПК был разработан первый пятилетний план развития народного хозяйства в КНР 1953–1957 гг. Основной упор данного плана делался на развитие тяжелой промышленности, что свидетельствует об ориентированности китайского руководства на советскую модель строительства социализма. К 1957 году первая пятилетка успешно завершилась закреплением социалистических производственных отношений в КНР.

Поворотным моментом в социально-экономическом развитии страны стала политика «трех красных знамен». Направленный на ускоренную

модернизацию данный курс привел к массовому голоду и предкризисному состоянию в стране. Такой итог был вызван тем, что руководство страны не рассчитало собственные силы, посчитав, что страны вышла на стабильный уровень развития за последние годы, однако Китай оказался не готов к «большому скачку» в экономических показателях. Данную ситуацию также усугубил разрыв отношений с Советским Союзом, который оказывал незаменимую поддержку КНР в строительстве социализма.

Предкризисное состояние страны привело к формированию оппозиции в КПК, а лидирующие позиции Мао Цзэдуна ставились под вопрос. Для устранения инакомыслия в стране началась масштабная репрессивная кампания «Культурная революция». Последствия данной кампании оказались разрушительными, приведя страну к глубокому кризису, закрытости от внешнего мира и международной торговли.

На первых этапах формирования модели государственного регулирования руководству страны удалось найти верный путь восстановления экономики в короткие сроки. Однако, переоценив свои силы и уровень развития, стремясь обогнать развитые страны с ускоренным темпом, Китай не только не достиг поставленных целей, но и вовсе нанес урон экономической и политической жизни населения.

Следующий этап социально-экономического развития Китая связывают с 1978 годом, в котором был проведен третий пленум ЦК КПК 11-го созыва. Данный пленум ознаменовал собой полное осознание наличия серьезных проблем в экономике Китая и положил начало новому этапу реформ, который был выражен в новом курсе «четырёх модернизаций» – модернизация промышленности, сельского хозяйства, науки и техники. Главной задачей руководства страны стало повышение уровня жизни населения, посредством повышения эффективности и ускорения темпов роста экономики, а также ее полного обновления.

Основными средствами проведения модернизации Китая с конца 1970-х годов стали реформы и политика открытости внешнему миру. Реформы были направлены на развитие производства, а открытая политика призвана «включить Китай в глобальную экономику, привлечь иностранный капитал и вывести страну на международную арену» [4].

В 1982 года была принята Конституция КНР [7], которая действует по сей день. В данный документ несколько раз вносились поправки, в частности касающиеся экономических отношений. Так, в 1988 году первая группа поправок фактически легализовывала частный сектор экономики [8]. Вторая группа поправок закрепляла новую форму кооперации, семейный подряд, которая в ходе реформ заменила коммуну и производственные кооперативы [9]. Данный шаг привел к росту производительности и эффективности сельского хозяйства.

Также, на законодательном уровне был закреплён правовой режим иностранных инвестиций, как новый сектор экономики КНР в рамках политики «открытости внешнему миру». Также это привело к созданию свободных экономических зон, которые являются «окнами» для иностранных инвестиций и зарубежных инноваций. Данные территории с льготным режимом по сей день играют важную роль в развитии экономических отношений с зарубежными странами в Китае.

В ходе проведения реформ Дэн Сяопина сформировалась идея «социалистической рыночной экономики», которая занимает важнейшее место в развитии модели государственного регулирования экономики в Китае. Данная концепция позволила безболезненно перейти от административно-командной экономики к экономике рыночной. Экономика страны получила качественное развитие в рамках модернизации и реформ вплоть до начала XXI века. Таким образом, Китай сделал огромный скачок в экономическом развитии, прочно утвердившись на мировой арене, как сильный и влиятельный игрок.

На протяжении длительного времени Китай реформировал механизмы регулирования социально-экономической жизни, на современном же этапе руководство страны отводит должное внимание созданию благоприятных условий социальной жизни населения, а также развивает ведущие отрасли экономики.

С началом XXI века, программы социального развития являются неотъемлемой частью пятилетних программ развития страны, а социальные показатели теперь стоят на равне с экономическими и носят обязательный характер [3]. Основная цель КНР на современном этапе – построение «среднезажиточного» общества.

Основной формой экономических отношений по-прежнему является социалистическая рыночная экономика, которая продолжает совершенствоваться и оказывать значительное влияние на достижение поставленных целей и развитие страны.

С целью создания полноценной рыночной системы, уже в конце XX века были изменены механизмы управления предприятиями общенародной собственности и корпорациями. Таким образом, все корпорации существовали в условиях рыночной конкуренции и освобождались от прямого административного вмешательства [3].

Помимо пятилетних планов развития, регионы стали издавать среднесрочные и долгосрочные планы развития на 10 и 15 лет, соответственно. Государственное планирование носило для регионов направляющий характер, а плановые показатели – прогнозирующий характер.

Также, влияние на систему планирования оказало вступление КНР в ВТО в 2001 году. Отныне, главным показателем темпов экономического роста для Китая выступает ВВП. Помимо этого, Китай становится вовлеченным в мировой рынок, происходит развитие технологий, научно-технического прогресса, увеличение число транснациональных компаний.

В 2004 году четвертая группа поправок к Конституции КНР закрепила понятия «тройного представительства» и «строителей социализма» [10]. Данные идеи отражают изменения, которые произошли в социальной и организационной структурах. Отныне, предприниматели воспринимаются как неотъемлемая часть китайского общества, которая необходима для дальнейшего социального-экономического развития страны. Более того, в изменениях к Основному закону говорится о том, что государство поддерживает, поощряет и направляет развитие частного сектора экономики [10].

На сегодняшний день наблюдается замедление экономического роста в КНР, однако, это связано с тем, что страна постепенно переходит от форсирования экономики к политике качественного развития. Для того, чтобы модель госрегулирования экономики соответствовала современным реалиям, в 2017 году КПК приняла новый социально-экономический курс и лозунг «Китайской мечты», которая все так же учитывает специфику страны и ставит перед собой цель построения «могучей модернизированной

социалистической державы». В связи с этим, руководство КНР постепенно меняет свой курс с активного экспорта на внешние рынки на модернизацию производства и снабжение внутреннего рынка.

Таким образом, пройдя через несколько этапов реформирования подхода к регулированию экономики, КНР вышла на путь устойчивого развития, и уверенно занимает лидирующие позиции на мировом рынке и международной арене. Несмотря на высокие темпы экономического роста и модернизацию экономики, Китай, как и любая другая страна, продолжает сталкиваться с серьезными проблемами социально-экономического развития. КНР имеет большой опыт в преодолении проблем такого рода путем механизмов и рычагов экономического регулирования. Можно сделать вывод о том, что китайскую модель госрегулирования экономических отношений в будущем ждет дальнейшее качественное развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Карлусов В.В.** Моделирование государственного регулирования экономики в Китае: ретроспективный анализ в мировых сопоставлениях / Карлусов В. В., Кудин А.П. // Мировое и национальное хозяйство. – 2014. – № 1(28). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014-01/modelirovanie-gosudarstvennogo-regulirovania-ekonomiki-v-kitae-retrospektivnyj-analiz-v-mirovyh-sopostavleniah> (дата обращения: 20.10.2020).
2. **Макарова Е.П.** Земельная реформа в Китае / Макарова Е.П., Чжу Цинь Ань // Вестник РУДН. – 2010. – № 4. – С. 27-34.
3. **Островский А.В.** Модернизация китайской модели перехода от плановой экономики к экономике рыночной в ходе экономической реформы. // Философские науки. – 2015. – № 1. – С. 135-152.
4. **Регзенова Д. Б-О.** Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 189-193
5. Чжунго жэньминь чжэнчжи сешан хуэйи гунтун ганлин 中国人民政治协商会议共同纲领 [Общая программа Народного политического консультативного совета Китая 1949 г.] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всекитайское собрание народных представителей]: [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4236.htm (дата обращения: 20.10.2020).
6. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа 1954 нянь 中华人民共和国宪法1954年 [Конституция Китайской Народной Республики 1954 года] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всекитайское собрание народных представителей]: [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/26/content_4264.htm (дата обращения: 20.10.2020).
7. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа 1982 нянь 中华人民共和国宪法1982年 [Конституция Китайской Народной Республики 1982 года] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всекитайское собрание народных представителей]: [сайт]. –

URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4421.htm (дата обращения: 20.10.2020).

8. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа сючжэнань 1988 нянь 中华人民共和国宪法修正案1988年 [Поправка к Конституции Китайской Народной Республики 1988 г.] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всеитайское собрание народных представителей]: [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4498.htm (дата обращения: 20.10.2020).

9. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа сючжэнань 1993 нянь 中华人民共和国宪法修正案1993年 [Поправка к Конституции Китайской Народной Республики 1993 г.] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всеитайское собрание народных представителей]: [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1993-03/29/content_1481290.htm (дата обращения: 20.10.2020).

10. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа сючжэнань 2004 нянь 中华人民共和国宪法修正案2004年 [Поправка к Конституции Китайской Народной Республики 2004 г.] // Чжунго жэньминь дайбяо дахуэй 中国人民代表大会 [Всеитайское собрание народных представителей]: [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/201412/03/content_1888091.htm (дата обращения: 20.10.2020).

DRACH Anastasia A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: drach.aa@edu.spbstu.ru.

МОКХОРОВА Анна Ю. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: mohorova_ayu@spbstu.ru.

MODELS OF STATE REGULATION OF THE ECONOMY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The Article is devoted to the study of state regulation models of economy in order to determine the directions of changes of the basic concepts of socio-economic development of China, establishing the influence of selected government model on the level of economic state and prospects of its improvement. The main research methods used were historical retrospective method, analytical method, and formal logical method, which were used to study and interpret legal acts related to economic regulation, identify the reasons for changes in economic policy and the relationship between consistently applied models, and assess their impact on the economic state of the state.

ECONOMY; STATE REGULATION; ECONOMIC POLICY

УДК: 339.924

Е. И. Кравчик

**ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ
КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОГРАММЫ
ПС 2014–2020 РОССИЯ – ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ФИНЛЯНДИЯ**

КРАВЧИК Елена Ильинична – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: kravchik.ei@edu.spbstu.ru

В статье рассматриваются приграничные отношения России и Финляндии в период с 19 века по настоящее время. Дан краткий анализ значимости экономических отношений в 19ом и 20 веке. Также в статье рассмотрены все существовавшие программы приграничного сотрудничества между Россией и Финляндии, обозначены их задачи. Особое внимание уделяется программе ПС 2014–2020 Россия – Юго-Восточная Финляндия. Проанализированы приоритеты программы, её финансирование, бюджет и структура.

ИНТЕГРАЦИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; РОССИЯ; ПРОГРАММА ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА; РОССИЯ – ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ФИНЛЯНДИЯ; ППС

Введение. Необходимость в развитии приграничных регионов считается одной из приоритетных задач для государства, так как отвечает потребностям в формировании взаимовыгодных отношений с приграничными странами и обеспечивает поддержку национальных интересов и экономических связей на международной арене. Благодаря общим границам Российской Федерации со страной Европейского Союза, Финляндией, стало возможным проведение трансграничной международной интеграции. Этот факт способствует осуществлению процесса экономического и культурного взаимодействия регионов, обеспечивает обоюдное развитие приграничных территорий двух стран. Для реализации вышеперечисленных процессов была разработана программа приграничного сотрудничества, финансируемая Европейским Союзом, Российской Федерацией и Финляндской Республикой.

Актуальность данной работы обеспечена тем, что на фоне нестабильной политической ситуации и введения экономических санкций, негативно влияющих на отношения России и Европейского Союза, данная программа способствует развитию сотрудничества Российской Федерацией и члена ЕС, Финляндии, являясь стратегией развития их взаимоотношений в приграничной зоне.

Целью работы является исследование исторических интеграционных процессов России и Финляндии, а также анализ деятельности программы ПС 2014–2020 Россия – Юго-Восточная Финляндия, как следствия активной политики приграничного сотрудничества.

Для достижения данной цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Рассмотреть историю развития приграничного сотрудничества стран;
2. Определить процесс создания программы;
3. Проанализировать основные положения программы.

Взаимодействие двух государств возможно благодаря множеству факторов. В частности, можно выделить общее историческое и культурное прошлое, схожесть климатических и географических условий, а также возможность быстрого доступа к экономическим центрам государств. Так, с 12го века по 1809 год, Финляндия являлась административной частью Швеции, не имела возможности осуществлять собственное экономическое развитие. С 1809, в результате Русско-шведской войны (1808–1809) Финляндии был присвоен статус автономии в Российской Империи, сохранившей при этом собственную границу и пункты её пересечения [1].

Уже в это время происходила активная интеграция регионов в приграничной зоне, создание торговых связей и совместных проектов, например, строительство Сайменского канала (1856) и появление железнодорожной сети. Развитие приграничных зон также поощрялось беспрепятственным судоходством и беспошлинным ввозом в Финляндию заграничных товаров [2]. К 1917 году экономические отношения между двумя регионами находились на своём пике, что способствовало усилению интеграции Российской Империи и Великого Княжества Финляндского.

События 1917 года существенно повлияли на отношения между странами. Доля российского рынка во внешней торговле Финляндии в

довоенный период составляла 30–40%. В 1920 годы произошло резкое уменьшение доли российского рынка, она составляла уже 3%, а в 1930 года она упала до 1% [1]. Накануне военных действий 1939 года торговые отношения почти исчезли, что негативно повлияло на существующие в трансграничной зоне предприятия. Официально торговые отношения приграничных регионов были возобновлены только в 1958. В конце 1970 образуются совместные советско-финские предприятия, обеспечивающие технический и торговый секторы межгосударственных отношений (Konela, Koneisto и тд.), осуществляется строительство газопровода и АЭС в Ловиисе.

Распад Советского Союза вызвал сильный экономический спад в обоих государствах. «После распада СССР объем финского экспорта сократился на 84% за три года. Импорт нефти упал почти на 7 млн т. за тот же период. ВВП Финляндии снизился на 11%, реальное потребление – на 10%, объем инвестиций – на 55%. Фондовый рынок потерял 60% своей капитализации» [3]. Такие глубокие изменения в экономиках двух стран ещё раз подчёркивают важность совместной торговли для России и Финляндии, что приводит глав государств к необходимости выдвигать инициативы по возможному укреплению этих отношений и усилению экономических взаимосвязей, подписанию двусторонних договоров, развивающих экономическое взаимодействие.

Так, в 1992 году появился документ, давший начало отношениям между Россией и Финляндией: «Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений». В 1994 году было подписано «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны». Эти документы стали отправной точкой в создании и развитии программ приграничного сотрудничества.

В 1996 свою работу начала программа приграничного сотрудничества (далее ППС) «Юго-Восточная Финляндия». Период её действия составлял всего 4 года. Основным источником финансирования ППС стал ИНТЕРРЕГ (Трансьевропейское сотрудничество для сбалансированного развития II А), тогда как российская сторона получала

финансирование по программе технической помощи Содружеству Независимых Государств (ТАСИС). В её задачи входило:

1. «Улучшение деятельности пропускных пунктов на границах, а также создание необходимых условий для осуществления последующих проектов;

2. Повышение показателей экономической рентабельности;

3. Создание новых рабочих мест и повышение конкурентоспособности уже существующих предприятий» [4].

С 2000 по 2006 годы появилась усовершенствованная версия прошлой ППС – ИНТЕРРЕГ III A «Юго-Восточная Финляндия – Россия». Продолжительность этой программы возросла до 6 лет. ППС обозначила 4 приоритета, направленных на: упрощение транспортных операций, охрану окружающей среды, развитие межгосударственного сотрудничества, техническую поддержку [5]. В дальнейшем эти приоритеты будут переформулированы и изменены на более конкретные задачи, что, вместе с увеличенной продолжительностью программы, подтверждает полезность и потенциал ППС, заинтересованность государств в её модернизации.

Новым этапом в развитии ППС стала программа Европейского инструмента соседства и партнёрства (ЕИСП ПС) «Юго-Восточная Финляндия – Россия». Она начала свою работу в 2007 году и длилась 6 лет, до 2013 года. Главными приоритетами стали:

1. «Устойчивом экономическом росте и развитии социально-экономической сферы;

2. Взаимном обучении;

3. Стимулировании делового сотрудничества, развитии транспорта и логистики;

4. Смягчении экологических рисков и уменьшении негативного воздействия на окружающую среду» [6].

Данная программа больше всего похожа на современный вариант ППС и во многом стала прототипом для разработки ППС 2014–2020, благодаря чему в последней версии учли ошибки в организации, структуре, порядке финансирования т.д.

В 2014 году в силу вступила современная программа ПС Россия – Юго-Восточная Финляндия. Наряду с ней, при поддержке Европейского

Союза, существуют программы ПС Коларктик (2014–2020), Karelia CBC (2014–2020). Среди них ППС Россия – Юго-Восточная Финляндия 2014–2020 имеет самый большой бюджет, включает в себя масштабные инфраструктурные проекты, имеющие крупное финансирование, имеет большую территорию действия. Также к участию в программе приглашены территории, являющиеся приграничными зонами государств.

Данная программа охватывает территории площадью 117 538 км² и распространяется на следующие регионы и города: «Кюменлааксо, Южная Карелия, Южное Саво, Санкт-Петербург и Ленинградская область» [7]. Регионы Уусимаа, Пяйят-Хяме, Северное Саво, Северная Карелия, Турку в Финляндии и Республика Карелия в России имеют статус прилегающих территорий [7].

Существование программы стало возможным благодаря составлению общего бюджета суммой 77,5 млн. евро, который делится между ЕС, Российской Федерацией и Финляндской республикой в следующей пропорции: 50%, 25% и 25% соответственно. По состоянию на 2020 год финансирование было утверждено девятью крупными инфраструктурным проектам, на реализацию которых отведено от 30 до 36 месяцев. Первые результаты работы будут объявлены не раньше 2022 года [8]. Договоры по остальным, менее крупным проектам, подписываются до декабря 2021 года. Программным документом предусмотрено, что мероприятия по реализации ППС могут продолжаться до сентября 2024 года.

Возможность финансирования проектов обеспечивается за счёт их соответствия приоритетам или тематическим целям. Выделяют 4 тематические цели, утверждённые программным документом ППС.

Первая цель – это развитие экономики приграничных регионов, повышение их конкурентоспособности. Это подразумевает создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, поддержку малого и среднего бизнеса. Проекты первого приоритета должны создать новые рабочие места, снизить уровень безработицы.

Вторая тематическая цель – развитие сферы инноваций и образования. Это направление позволит людям приграничных регионов

получить достойное и конкурентоспособное образование, позволит вовлекать их в международную торговлю.

Третья цель направлена на охрану окружающей среды, поддержку биоразнообразия, утилизацию отходов. В центре внимания данного приоритета – состояние Финского залива и прочих пресных водоёмов, находящихся на территории действия программы.

Четвёртый приоритет создаёт хорошо связанный регион. Он подразумевает под собой развитие систем пограничного контроля, улучшение безопасности границ. Для осуществления данного приоритета необходимо увеличить пропускную способность приграничных пропускных пунктов, создать непрерывное транспортное сообщение между регионами.

Данные темы были выбраны исходя из наиболее сильных и слабых сфер деятельности стран, работу которых представляется возможным улучшить посредством взаимного сотрудничества и обмена информацией. Также в программном документе отмечаются проблемные направления, которые могут быть решены посредством приграничного сотрудничества. Программа считается успешной при достижении поставленных целей.

В сфере бизнеса это: повышение конкурентоспособности малого и среднего бизнеса (улучшение условий работы предприятий, обеспечение выхода на международные рынки, развитие взаимной интеграции), поиск квалифицированных кадров для работы в проектах, организованных в рамках ППС, создание условий для туризма, сохранение окружающей среды, создание транспортных коридоров.

В сфере образования и научных исследований необходимо достичь поддержки и поощрения научных исследований, использования новейших технологий на промышленных предприятиях, создание образованных кадров для работы на этих предприятиях.

Приоритетными целями в сфере экологии являются следующие пункты: рациональная и эффективная эксплуатация природных ресурсов, модернизация программ по утилизации отходов, сокращение выбросов в атмосферу.

Для выполнения приоритета хорошо связанного региона необходимо обеспечение защищённых границ, совершенствование пропускных

пунктов и таможенных процедур, содействие обмену информации между пограничными службами [7].

Каждая тематическая цель получает своё собственное финансирование, определённое программным документом. Так, на первый приоритет выделяется 18,6 млн евро, на второй – 9,1 млн, на третий – 15,6 млн, на четвёртый – 21,6 млн [7].

ППС Россия – Юго-Восточная Финляндия имеет хорошо организованную структуру, состоящую из нескольких компетентных и управляющих органов. Это обеспечивает высокий уровень скоординированной работы ППС, быстроту принятия решений по распределению бюджета, одобрению проектов и сводит к минимуму возможные риски мошенничества при распределении финансирования.

На рисунке 1 представлена схема, иллюстрирующая структуру проекта ППС Россия – Юго-Восточная Финляндия.

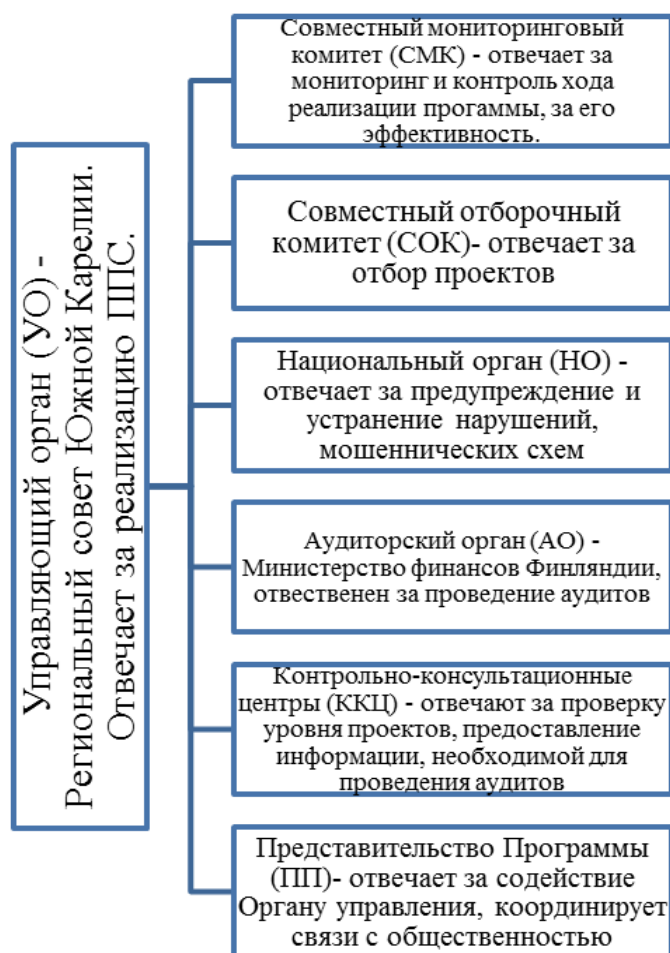

Рис.1 – Схема структуры ППС Россия – Юго-Восточная Финляндия [7]

Заключение. В ходе анализа исторического фона взаимоотношений стран становится очевидной глубокая экономическая и культурная взаимосвязь России и Финляндии, что обуславливает необходимость дальнейшей развития взаимодействия стран и их интеграции. Прослеживается также продолжительный опыт двух стран в ведение программ приграничного сотрудничества. С 1996 года по настоящее время непрерывно создаются ППС, которые постоянно обновляются, улучшаются, задачи которых носят всё более конкретный и продуманный характер. Рассмотрев основные пункты настоящей программы ПС 2014-2020, можно прийти к выводу, что на современном этапе государства заинтересованы в совместном развитии в экономической, научно-исследовательской, экологической и таможенной сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Heistonen Viola. *Autonomia Valmisti Tien Itsenäisyyteen*. [Электронный ресурс] // Uusi Suomi. 12.10.2017 URL: <https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/viovio/244317-autonomia-valmisti-tien-itsenaisyyteen> (Дата обращения: 10.11.2020).
2. **Тетерина Е.Е.** Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского в первой половине XIX века // Правоведение. – 1995. – № 1. – С. 108 – 114 (Дата обращения: 10.11.2020).
3. **Елисеева И.** Конец СССР и Великая финская депрессия. [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ 2009.26.11. URL: <https://iq.hse.ru/news/177674827.html> (Дата обращения: 10.11.2020).
4. Уроки, извлеченные из реализации предыдущих Программ // Программа Приграничного Сотрудничества «Европейский инструмент соседства (ППС ЕИС) «Юго-Восточная Финляндия – Россия» 2014–2020. [Электронный ресурс] URL: http://www.vbglenobl.ru/sites/default/files/yugo-vostochnaya_finlyandiya-rossiya.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
5. Action Priorities. South-East Finland – Russia Neighbourhood programme // European Comission. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/european/south-east-finland-russia-neighbourhood-programme (дата обращения: 13.11.2020).
6. Introduction to the programme // South-East Finland – Russia ENPI CBC Programme 2007–2013. [Электронный ресурс] URL: <https://europa.eu/capacity4dev/cbc/document/enpi-cbc-joint-operational-programme-south-east-finland-russia-2007-2013> (дата обращения: 13.11.2020).
7. South-East Finland – Russia CBC 2014-2020. Joint Operational Programme [Электронный ресурс] // European Commission. 18.12.2015 URL: https://cbcprojects.eu/wp-content/uploads/2016/02/South-East-Finland-Russia-CBC-2014-2020-JOP_EN.pdf (Дата обращения: 13.11.2020).

8. Promotion of border management and border security // SOUTH-EAST FINLAND – RUSSIA CBC 2014–2020 PROGRAMME | List of contracted Large Infrastructure Projects (LIP). 30.09.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sefrcbc.fi/wp-content/uploads/sites/6/2019/09/List-of-contracted-Large-Infrastructure-Project-30092019-SEFRCBC.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

KRAVCHIK Elena I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: kravchik.ei@edu.spbstu.ru

RUSSIAN AND FINNISH CROSS-BORDER COOPERATION AS AN EXAMPLE OF INTERNATIONAL INTEGRATION PROCESS EXEMPLIFIED BY SOUTH-EASTERN FINLAND – RUSSIA CBC 2014–2020

The article examines cross-border relations between Russia and Finland in the period from the 19th century to the current time. The article provides a brief analysis of the economic relations in the 19th and 20th centuries. All existing cross-border cooperation programs between Russia and Finland, their tasks are examined and outlined. Particular emphasis is placed on the South-Eastern Finland – Russia CBC 2014-2020 program. The priorities of the program, its funding, budget, and structure are analyzed.

INTEGRATION; FINLAND; RUSSIA; CROSS-BORDER COOPERATION PROGRAM; SOUTH-EASTERN FINLAND – RUSSIA; CBC

УДК: 316.4

Д. О. Кушниренко

ФАКТОРЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ КАРШЕРИНГА)

КУШНИРЕНКО Дарья Олеговна – магистрант Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: kushnirenko.do@edu.spbstu.ru

В статье анализируются процессы структурирования социального пространства современного города на примере развития технологии каршеринга и сформировавшихся социальных практик, подчеркивается его сущность как общественного блага. Использование каршеринга призвано облегчить транспортную загруженность на дорогах агломераций и улучшить экологическую ситуацию в городе. В работе дан анализ рынка каршеринга в Санкт-Петербурге и представлена оценка возможностей его развития. На материале социологического опроса делается вывод о потребительских предпочтениях и закреплении повседневных практик пользователей в контексте возникающих новых элементов структуры городской жизни.

КАРШЕРИНГ; ШЕРИНГОВАЯ ЭКОНОМИКА; СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ;
ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

В Российской Федерации развитие общественного транспорта характеризуется многочисленными проблемами, связанными с недостаточно высоким уровнем развития пассажирского транспорта, его мобильностью и доступностью. Во многом эти проблемы определяются высоким износом транспортных средств, слабой дорожно-транспортной инфраструктурой, убыточностью муниципального транспорта и отсутствием научно-обоснованного транспортного планирования в городских условиях. Также стоит отметить рост нагрузки на городскую инфраструктуру: при планировании и строительстве дорог отсутствовало такое количество транспорта и людей, которое наблюдается сегодня.

Там, где нет соответствующих услуг общественного транспорта, проблемы мобильности преимущественно решаются с помощью введения новых практик потребления услуг общественного городского транспорта,

таких как маршрутные такси и каршеринг, в ином случае людям приходится преодолевать большие расстояния пешком.

Цель исследования: анализ возможностей каршеринга как современного вида общественного транспорта в Санкт-Петербурге.

Теоретические и методологические основы исследования сферы услуг, к которой относится деятельность городского общественного транспорта, изложены в трудах таких зарубежных и отечественных ученых, как: Белл Д., Блэкуэлл Р., Кенэ Ф., Котлер Ф., Лавлок К., Миронова И.В., Николайчук Н.Е., Песоцкая Е.В., Сосунова Л.А., Хаирова С.М., Хаксевер К., Хилл Н., Чернова Д.В., Шеховцов Р.В., Шоул Дж.

Для получения эмпирических данных применялись такие методы социологических исследований, как анкетирование, метод экспертных оценок, анализ статистических данных, описание рынка. Последнее производилось с помощью актуальных данных о рынке каршеринга в России и Санкт-Петербурге.

Сфера услуг является составной частью хозяйственного комплекса общества, участвующего в общей системе экономических отношений и подчиняющегося общим экономическим законам, которые действуют в данном обществе [1, с. 28]. Особенности функционирования сферы услуг и возможности развития социальной среды потребления всегда находились в поле зрения исследователей [2; 3; 4; 5].

Экономика совместного потребления – это экономическая модель, часто определяемая как одноранговая P2P («peer-to-peer») деятельность по приобретению, предоставлению совместного доступа к товарам и услугам. Этот термин необходим для описания нового способа распределения товаров и услуг – способа, который отличается от традиционной модели корпораций, нанимающих сотрудников и реализующих товары потребителям [6].

Сегодня можно наблюдать, как бурно развивается шеринговая экономика через сферу общественного транспорта, а именно через внедрение системы каршеринга в крупных городах. Об этом свидетельствует мировая тенденция вложения капитала в данный рынок со стороны компаний из различных сфер бизнеса – лизинговых и транспортных [7, с. 23].

Стоит отметить привлекательность системы каршеринга для пользователей, города, бизнеса и мира [8]:

- Для пользователей:

- 1) Экономия на бензине; 2) Замена 8–22 личных автомобилей одним прокатным автомобилем; 3) Освобождение 33–99 метров парковки; 4) Обслуживание до 45 человек.

- Для города:

- 1) Улучшение экологической ситуации в городе; 2) Уменьшение транспортных заторов на дорогах города; 3) Оптимизация и упорядочивание мест для парковки; 4) Помощь городской транспортной системе перевозки пассажиров; 5) Уменьшение транспортных расходов государственными служащими.

- Для бизнеса:

- 1) Пункты выдачи авто работают круглосуточно; 2) Бронирование происходит через мобильное приложение; 3) Аренда авто занимает от одной минуты; 4) Пункты аренды – возле остановок, метро и в жилых кварталах; 5) Страхование и бензин включено в стоимость аренды.

- Для мира:

- 1) На 50% повысить скорость городского движения; 2) На 15% сократить выброс углекислого газа.

Одна из целей услуг каршеринга – решение потенциальных владельцев автомобилей отказаться от идеи владения машиной. Несмотря на то, что каршеринг позволяет людям получить доступ к автомобилю без оформления собственности, большинство до сих пор считает его лишь вторым вариантом решения вопроса собственной мобильности.

Если рассматривать каршеринг как социально-экономическое явление, то следует отметить, прежде всего, одну ключевую особенность, характерную для него – однократность заключения договора о предоставлении услуги. Это обуславливается тем, что последующая аренда происходит уже в автоматическом режиме, посредством использования специального мобильного приложения. Создаваемая возможность бронирования, эксплуатации и возврата транспортного средства благодаря использованию автоматизированного приложения способствует спросу на каршеринг в случаях срочных поездок.

Для того чтобы иметь четкое понимание того, каким образом организована деятельность в области предоставления услуг данного вида, стоит упомянуть, что существует три основные формы предоставления услуг каршеринга.

Первая форма – это «business-to-customer» или сокращенно «B2C» – закупка автомобилей для последующей сдачи их в аренду клиентам. Это и есть классическая модель каршеринга.

Вторая форма – «peer-to-peer» или «P2P». Данная модель подразумевает существование компании, выполняющей посреднические услуги между частными владельцами транспортных средств, которые хотят предложить услуги проката, и теми, кто заинтересован в получении во временное пользование данного транспортного средства.

Третья форма – «non-profit or co-op» или сокращенно «NFP». Данная форма каршеринга предполагает осуществление проката транспортных средств с благотворительными целями [9].

За период 2018 года пользователями каршеринга было потрачено около 3,5 тысяч рублей ежемесячно или около 261,5 рубля за одну поездку. Здесь же стоит отметить, что автолюбители в среднем имеют расходы на каршеринг около 4,5 тысяч рублей и пользуются как минимум услугами 4-6 каршеринговых компаний [10].

Можно сказать, что гражданам более близка позиция аренды автомобиля, нежели использования такси, поскольку динамика востребованности данного вида аренды за второе полугодие 2019 года резко возросла по отношению к первому [11]. Более того, суммарные затраты на каршеринг пользователями в январе 2019 года перевалили за 1 миллиард рублей, а к концу года выручка данного рыночного сектора была уже более 7,3 миллиарда рублей. Тут же стоит упомянуть, что ежемесячное число активных водителей составляет более двухсот тысяч человек [12].

В Санкт-Петербурге каршеринг имеет тенденцию роста [13]. В данной сфере деятельности смогли закрепиться только те компании, которые достаточно подготовлены к жесткой конкуренции со стороны остальных. Если говорить о 2020 годе, то в Санкт-Петербурге закрепились 7 наиболее конкурентоспособных каршеринговых компаний.

Таблица 1

Каршеринговые компании на рынке в Санкт-Петербурге

Название компании	Стоимость аренды / ожидания (за минуту)	Требования мин. возраст/стаж	Доступные автомобили
ЯндексДрайв	5 руб. / 1.5 руб.	21/2	Audi A3, Renault Kaptur, Skoda Rapid, Volkswagen Polo, Nissan Qashqai, Volvo XC60, Citroen Jumpyc АКПП, Citroen Jumpyc МКПП, Volkswagen Transporterc АКПП, Volkswagen Transporterc МКПП
Делимобиль	7 руб. / 2.5 руб	19/1	BMW 320i, Hyundai Solaris, Volkswagen Polo, Renault Kaptur, Kia Rio, Nissan Qashqai
Carenda	6.5 руб. / 2 руб.	21/2	Ravon R2, Hyundai Solaris, Kia Rio, Renault Logan
YouDrive	8 руб. / 3 руб.	20 /2	Smart ForTwo, Smart ForFour, Nissan X-Trail, Mercedes-Benz A-Class, BMW 218i Active Tourer, BMW X2, MINI Cooper, Kia Picanto
CarSmile	6.5 руб. / 2.5 руб.	21/2	Renault Kaptur
Rentmee	6 руб. / 2 руб.	20/2	Hyundai Solaris, Ravon R2
МатрёшCar	5 руб. / 2 руб.	21/2	Mazda 3, BMW 3 Series, BMW 2 Series, Smart ForTwo, Smart ForFour, Kia Stinger, MINI Countryman, Jaguar XE, Mercedes C-class, Land Rover Discovery Sport

Источник: составлено автором статьи

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день услуги каршеринга предоставляются 7 компаниями, которые в данной сфере работают достаточно длительный промежуток времени. Для того чтобы в полной мере ощутить удобство каршеринговых услуг, необходимо соответствовать требованиям компании и пройти простую регистрацию в специальном мобильном приложении. Что

касается автопарка, то в Санкт-Петербурге операторы по краткосрочной аренде предоставляют клиенту достаточно большой выбор автомобилей различных габаритов и характеристик, в том числе и автомобили категории премиум. Но всё же, несмотря на наличие большого автопарка каршеринга в городе, автомобилей все равно не хватает, поэтому с уверенностью можно сказать, что каршеринг в Санкт-Петербурге пользуется спросом и активно развивается.

Для того чтобы социологический анализ рынка каршеринга был наиболее полным и наглядным, было проведено анкетирование в период с апреля по май 2020 г. на территории города Санкт-Петербург. В исследовании использовался метод онлайн-опроса. Выборку составили 240 респондентов от 18 до 45 лет как мужского, так и женского пола. Всего анкета опроса содержала 30 вопросов и состояла из 3 блоков. Опрос проводился на различных сайтах и форумах, посвященных каршерингу.

Важным было выяснить про отношение респондентов к общественному транспорту в целом. Большинство респондентов, а именно 57%, отметили, что положительно относятся к общественному транспорту, и лишь 12% выразили недовольство.

На вопрос, касающийся периодичности использования общественного транспорта, респонденты, в основном, сообщали о ежедневном пользовании данной услугой. Результаты ответов представлены на *рисунке 1*.

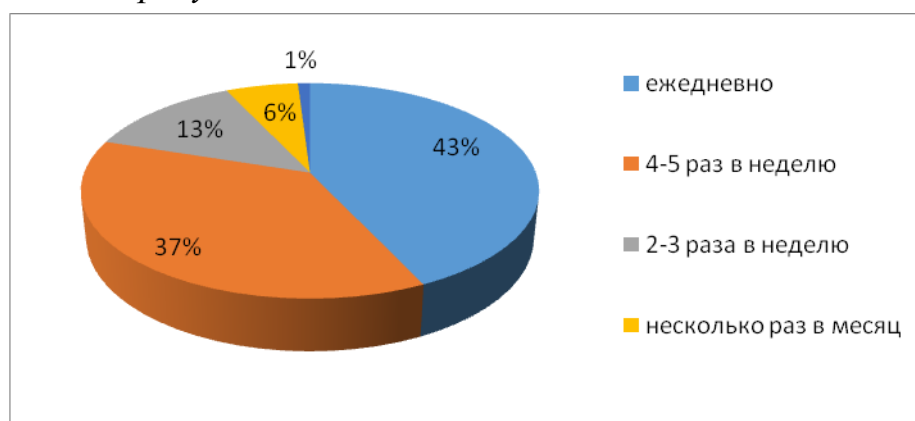

Рисунок 1. распределение ответов на вопрос «Частота использования общественного транспорта» (в % от числа опрошенных, n = 240)

Стоит отметить, что общественный транспорт является важной составляющей мобильности граждан, поскольку лишь 7% опрошенных используют его несколько раз в месяц либо не используют вообще.

На вопрос о том, какой именно вид общественного транспорта используется респондентами чаще всего, были получены следующие результаты, представленные на *рисунке 2*.

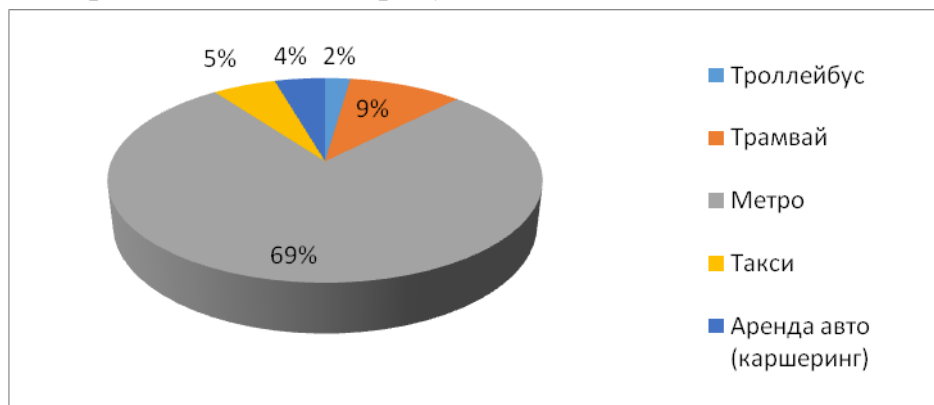

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Используемые виды общественного транспорта в Санкт-Петербурге» (в % от числа опрошенных, n = 240)

Вполне ожидаемым результатом явилось то, что 69% опрошенных чаще всего прибегают к использованию метро, поскольку Санкт-Петербург является вторым городом по количеству населения в России, и многие респонденты преодолевают большие расстояния ежедневно, что связано с отдаленность современных жилых кварталов от центральной части города. Также интерес представляет то, что лишь 4% опрошенных на постоянной основе используют в качестве средства передвижения арендованные автомобили (сервис каршеринга). Это означает, что более 200 тыс. человек (в расчет берется население Санкт-Петербурга, составляющее 5 млн. 400 тыс. человек на 2020 год) выбирают каршеринг общественному транспорту, что соответствует статистике, изложенной выше.

Для исследования важен тот факт, что 67% респондентов на вопрос о том, знают ли они, что такое каршеринг, ответили утвердительно и лишь 13% опрошенных впервые столкнулись с таким термином. Также интерес представляет и то, что на вопрос о том, пользовались ли когда-либо респонденты услугами каршеринга, лишь 22% ответили отрицательно. Данный факт свидетельствует о том, что преобладающая часть респондентов зарегистрирована в сервисах краткосрочной аренды и пользовалась арендованным автомобилем хотя бы раз.

На вопросы, касающиеся частоты использования данного сервиса краткосрочной аренды и классического проката автомобиля в целом, были получены следующие результаты (*рисунк 3*). Суммируя проценты, можно

сделать вывод о том, что в месяц сервис краткосрочной аренды используют 50% респондентов, что является половиной от общего количества опрошенных.

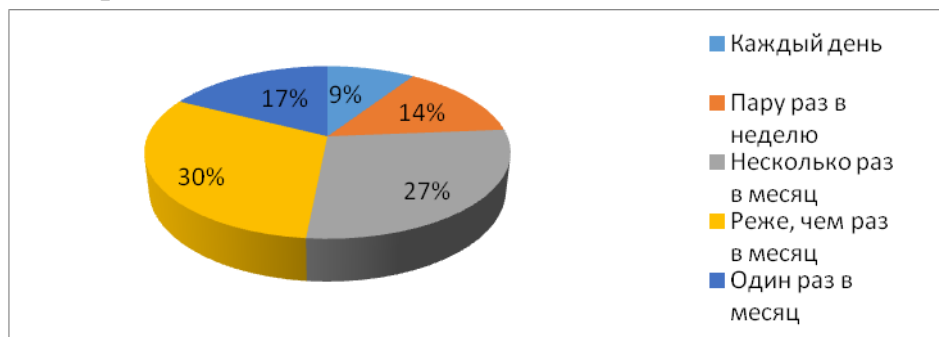

Рисунок 3. Распределение ответов «Как часто Вы арендуете авто/пользуетесь услугами каршеринга» (в % от числа опрошенных, n = 240)

Из преимуществ арендованного автомобиля перед использованием личного в тех же целях 34% опрошенных выделили то, что арендованным автомобилем пользоваться удобнее, нежели своим. 21% отметил, что такое допустимо в определенных случаях, а около 33% – что арендованный автомобиль не является удобной альтернативой личного. По результатам анализа было выявлено, что большинство опрошенных готово использовать только каршеринг при соответствующих возможностях. Конечно же, это обуславливается положительным или более-менее неплохим опытом использования данного сервиса до анкетирования.

Главными недостатками каршеринга, по мнению 48% респондентов, является необходимость предоставления личных данных компании, время, тратящееся на всесторонний осмотр автомобиля в момент начала и завершения аренды, отсутствие сведений о технической исправности арендуемого транспортного средства. Более того, 39% опрошенных считает существенными недостатками частое отсутствие автомобилей поблизости, небольшой перечень моделей автомобилей для выбора и штрафные санкции, прописанные в договоре. Мнения респондентов разнятся, и это очевидно, поскольку на территории города Санкт-Петербург на сегодняшний день услуги каршеринга предоставляют 7 операторов, условия использования автомобилей которых не идентичны друг другу.

Таким образом, возможности, которые представляются сервисами, функционирующими на данный момент в данном сегменте, позволяют

говорить о том, что разрастание каршеринга как финансового элемента городской инфраструктуры неизбежно. Более того, поскольку мы считаем каршеринг, в первую очередь, методом рационального использования транспортного средства [14], то соответственно можем утверждать, что он является одним из способов разрешения экологической проблемы не только отдельно взятого города, но и всей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Герасимов Б.И., Иода Ю.В.** Введение в экономику: Основы экономического анализа: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. унта, 2004.
- 2. Степанова А.Ю., Танова А.Г.** Роль коммуникационных технологий в распространении идей устойчивого потребления. Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, С.-Петербург, 2020 г. Том 1. / отв. ред. М. С. Арканникова. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 407-412.
- 3. Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И.** Социальный и личностный потенциал модернизирующегося общества. Глобальные социальные трансформации XX-начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения. Отв. редактор Ю.В. Асочаков. Издательство: ООО "Скифия-принт" (Санкт-Петербург). 2017. С. 360-363.
- 4. Евсеев В.В., Матвеевская А.С.** SMM-деятельность по продвижению компании в индустрии туризма. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 137-141.
- 5. Тараканова Т.С.** Интернет-коммуникации в продвижении социально-ориентированных проектов. Технологии PR и рекламы в современном обществе Печатается по решению Совета по издательской деятельности Ученого совета Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 212-216.
- 6. Ильин В.И.** Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность / Ильин В. И. // Мир России. – 2015. – Т. 14. – № 2. – С. 3–40.
- 7. Меньшикова Е.А.** Сфера услуг и проблемы ее развития в современных условиях. [Электронный ресурс] / Меньшикова Е.А.// Студенческий электрон. научн. журн. – 2018. – № 2 (9). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11715148> (дата обращения: 15.10.2020).
- 8. Адактилос А.Д., Чаус М.С., Молдован А.А.** Шеринговая экономика // Economics. 2018. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sheringovaya-ekonomika> (дата обращения: 24.10.2020).
- 9. How The Sharing Economy Is Transforming Business** [Электронный ресурс] // Washington State University. – URL: <https://onlinemba.wsu.edu/blog/how-the-sharing-economy-is-transforming-business/> (дата обращения: 15.10.2020).

10. Forbes: Надо делиться: как шеринг-экономика превращает потребителя в предпринимателя [Электронный ресурс] // URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoibiznes/360815-nado-delitsya-kak-shering-ekonomika-prevrashchaet-potrebitelya-v> (дата обращения: 15.10.2020).
11. Аналитический материал на портале Tadviser [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tadviser.ru/> (дата посещения: 18.10.2020).
12. Исследования на основе данных ПАО Сбербанк [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sberbank.ru/ru/about/issledovaniya> (дата обращения: 18.04.2020).
13. Маркетинговые исследования рынка Discovery Research Group [Электронный ресурс] // URL: <https://drgroup.ru/sfera-uslug-28/gruzovye-i-passazhirskie-perevozki-44.html> (дата обращения: 20.10.2020).
14. Пастухов А.Л. Ускорение развития сферы услуг как необходимое условие модернизации экономики // ТТПС. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uskorenie-razvitiya-sfery-uslug-kak-neobhodimoe-usloviemodernizatsii-ekonomiki> (дата обращения: 20.10.2020).

KUSHNIRENKO Daria. O. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytehnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: kushnirenko.do@edu.spbstu.ru

**THE FACTORS OF THE CITY SPACE SOCIAL STRUCTURING
(ON THE EXAMPLE OF CAR SHARING)**

The article analyzes the processes of structuring the social space of a modern city on the example of the development of car-sharing technology and established social practices, emphasizes its essence as a public good. The use of car sharing is designed to ease the traffic congestion on the roads of agglomerations and improve the environmental situation in the city. The paper analyzes the car-sharing market in St. Petersburg and provides an assessment of the possibilities for its development. Based on the material of a sociological survey, a conclusion is made about consumer preferences and the consolidation of everyday user practices in the context of the emerging new elements of the structure of urban life.

**CAR SHARING; SHARING ECONOMY; SHARED CONSUMPTION;
TRANSPORT INFRASTRUCTURE**

УДК: 327.56

Д. Е. Любина, М. А. Саблина, Е. В. Кучумова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ЛЮБИНА Дарья Евгеньевна – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: lyubina_de@spbstu.ru

САБЛИНА Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: sablina_ma@spbstu.ru

КУЧУМОВА Екатерина Валентиновна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: kuchumova_ev@spbstu.ru

В современном мире, где существует большое количество конфликтов, является очевидным, что многие завершенные или действующие конфликты имели или имеют этнический базис. Для государств постсоветского пространства имеющих многонациональный и полиэтничный состав населения, вопросы изучения возникновения и методов урегулирования конфликта имеют большое значение.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНФЛИКТЫ; СНГ; ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Проблема анализа теоретических подходов к изучению конфликтов широко представлена в отечественной и зарубежной науке, но на наш взгляд недостаточно систематизирована. Это объясняется потребностью в анализе исторических и современных политических, социально-политических и этнополитических процессов, а также необходимостью изучения и классификации причин возникновения конфликтов и методов их урегулирования и в тоже время комплексностью причин приводящих к возникновению этнополитических конфликтов.

На сегодняшний момент история исследования конфликтов включает в себя несколько парадигмальных подходов. На наш взгляд наиболее полно они были описаны в работе [1] по исследованию современного состояния и проблем российской политической конфликтологии. На основе их исследования состояния мировой и российской политической конфликтологии была предпринята попытка систематизации подходов к изучению и пониманию сути конфликта представителями различных подходов (таб. 1). Большинство из этих подходов могут быть применены и к исследованию этнополитических процессов на постсоветском пространстве.

Таблица 1.

Подходы к рассмотрению этнополитических конфликтов

<i>Структурализм</i>		
<i>К. Маркс</i>	При анализе сопряжен с выделением основного противоречия. Оно играет главную роль при анализе конкретного политического конфликта и выборе способов и методов его урегулирования («доминантное размежевание»)	
<i>Р. Дарендорф</i>	В так называемых «союзах господства» происходят процессы, создающие отношения авторитета и поддерживающие общественный порядок.	
<i>А. Турен</i>	Общество является историческим движением, историчностью. Оно рассматривается через призму социальной динамики, а не через социальную структуру.	дихотомическая модель общества
<i>Й. Галтунг</i>	«Конфликты становятся следствием структурных диспропорций (неравного распределения ресурсов и неравных жизненных шансов), порождающих напряжения и насильственные воздействия» [1]	концепция структурного насилия и структурных конфликтов
<i>Функционализм</i>		
<i>Г. Зиммель</i>	В основе любого конфликта лежит инстинкт враждебности. Столкновение интересов не является основной причиной конфликта.	
<i>Л. Козер</i>	Напряженность и конфликтные притязания являются взаимосвязанными структурными элементами социального мира.	конфликтный функционализм
<i>С. Липсет</i>	анализ способов, при которых ценностные системы и политические институты противостоят конфликтам	

<i>Бихевиоризм</i>	
<i>К. Боулдинг</i>	Несовместимость потребностей конкурирующих сторон является главной причиной конфликта (scarcity – недостаток и ограниченность ресурсов, на которые направлено стремление к обладанию)
<i>К. Митчелл</i>	Причина конфликтов в нехватке источников удовлетворения потребностей, а также в природе человеческих потребностей.

В конце 19 – начале 20 века были сформулированы три теоретических подхода к пониманию политического конфликта. Первый подход основывается на функционализме и признает неизбежность конфликтов в процессе развития общества. Представителями этого подхода являются Г. Спенсер, Л. Козер, К. Боулдинг, М.Бакунин. Представители второго подхода (Э. Дюркгейм, В. Соловьев, Т. Парсонс) видят в конфликтах отклонение в сфере общественного развития. По их мнению, конфликты разрушают равновесие политической системы. Суть третьего подхода заключается в понимании конфликта как одного из видов социального взаимодействия (Ч. Миллс, М. Вебер).

Научное направление этнополитической конфликтологии является одним из самых молодых отраслевых ответвлений науки о конфликтах и занимает в ее теории и практике важное место. Во многом этноконфликтология приобрела актуальность для изучения политических процессов протекающих на пространстве СНГ в начале 90-х годов двадцатого столетия. Именно на этот период приходится наработка отечественных конфликтологических концепций. В современной России изучением вопросов этнополитологии занимаются такие авторы как Эмиль Паин [2], Михаил Губогло [3] [4], Валерий Тишко [5; 6], Веналий Амелин [7] и другие. В зарубежной литературе вопросы этнополитических конфликтов исследовались Еллисом (D.G. Ellis) [8; 9], Корнелом (S. Cornell) [10], Гурром и Харф (T. R. Gurr, B. Harff) [11]. Обширный аналитический обзор существующей литературы по этнополитическим конфликтам осуществлен Д. Ю. Соиным [12].

Этнополитические конфликты следует выделять в отдельную группу среди большого разнообразия различных по своему происхождению и типологии конфликтов, т.к. они являются наиболее сложными, трудноразрешимыми и затяжными. В современном мире большинство государств на политической карте являются полиэтничными, что приводит

к возникновению различных по своим триггерным факторам этнополитических конфликтов.

В конфликтологии исследователи используют различные термины для обозначения различных типов социальных конфликтов.

В политическом конфликте акценты переносятся на содержательный компонент конфликта, а предметом конфликта являются определенные ресурсы в сфере политики, такие как политический статус социальных групп, принципы и механизмы распределения государственной власти и т.п. Одно из широко используемых определений политического конфликта было сформулировано В. П. Пугачевым: «Политический конфликт представляет собой конкурентное взаимодействие, борьбу двух и более сторон с целью реализации своих интересов в сфере государственной власти» [13].

При рассмотрении этнических конфликтов акцент смещается на специфику участвующих в конфликте сторон. Одна из сторон в таком конфликте является этнической группой/общностью. Согласно Большой Российской Энциклопедии «этническая общность – это группа людей, обладающих общим самосознанием (этническая идентичностью), а также обычно общими языком и чертами культуры. Наличие этнической идентичности считается гл. признаком этнической общности, на основе которого складывается сама общность и отличающие её те или иные характеристики» [14]. Рассматривая во взаимосвязи эти два понятия Д. Ю. Климин делает вывод о том, что «понятие «этнический конфликт» употребляется для описания различных внутригосударственных конфликтов, которые не обязательно носят чисто этнический характер» [15, с. 7]. При этом в данной точке зрения акцент делается на внутригосударственной сфере, а не межгосударственной.

Известный социолог Родольфо Ставенхаген отмечал, что этнического конфликта как такового не существует. Этнические характеристики политических, экономических и социальных конфликтов между группами людей зачастую маскируют совершенно иные социальные или политические интересы [16, с. 22].

В российской конфликтологии схожую позицию выражает В. А. Тишков: «Этнический конфликт – это любые формы гражданских

противостояний на внутригосударственном и межгосударственном уровне, в которых хотя бы одна из сторон организуется или мобилизуется по этническому принципу или от имени этнической общности» [6, с. 9].

Таким образом, синтез различных факторов возникновения конфликта и интересов, преследуемых сторонами, вовлеченными в конфликт, при условии, что одна из сторон представляет из себя этническую общность, позволяет говорить о развитии этнополитического конфликта.

Как отмечает в своей статье посвященной анализу этнополитических конфликтов как конфликтов идентичности В. А. Ачкасов, «этнополитические конфликты могут быть выражены как в качестве конфликта идентичностей, поскольку групповые интересы субъектов этнополитического противостояния базируются на этнической идентификации, так и конфликта экономических интересов» [17].

«Этнополитические конфликты представляют собой столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением её символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа» [17, с. 25].

Как мы видим, понятие этнополитического конфликта несет в себе сложный многомерный характер, сочетая в себе политическую, этническую, экономическую и социальную составляющую.

В своей работе по изучению теоретико-методологических подходов к рассмотрению этнополитических конфликтов Д. Ю. Климин под этнополитическим конфликтом понимает «конфликт субъектов политики с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны с целью реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которой этнические различия

становятся принципом политической мобилизации и по крайней мере одним из субъектов конфликта является этническая группа» [15, с. 8].

В конфликтологии существует несколько подходов к рассмотрению феномена этничности. Эссенциалистский подход представляет этничность первичной категорией, существующей непрерывно на всем протяжении времени. Инструменталистский и конструктивистский подход рассматривают этничность и национализм как современное явление. Для эссенциалистов этнический конфликт представляет собой борьбу за господство между конкурирующими этническими идентичностями, основанную главным образом на общности истории, языка и территории. С точки зрения эссенциализма этнические группы формируются под влиянием внешних факторов. Религия и язык, приобретенные при рождении, являются определяющими факторами этнической принадлежности. Соответственно элементы осмысленности, интереса и необходимости исключаются из понятия этничности при эссенциалистском подходе. При эссенциалистском подходе проявляется диффузия в трактовке понятий этноса и нации при трактовке понятий этнонациональных процессов. В данном подходе можно выделить такие направления как социобиологическое и эволюционно историческое. В отечественной науке социобиологической позиции придерживался Л.Н. Гумилев считая этнос «биосоциальным организмом» формирующимся под воздействием географических факторов.

В то время как эссенциалисты трактуют этничность как зависимое разнообразие факторов за пределами этнической группы, представители инструментализма видят этничность как явление, зависимое от внешних факторов. Инструменталисты считают этническую принадлежность термином, прежде всего используемым для получения политической выгоды. Основным их постулатом является тезис о роли элит в мобилизации населения по этническому признаку для конкретных политических целей.

Исходя из вышесказанного, этнический конфликт, по своей сути, не отличается от других видов политической деятельности и соответственно должен быть подвержен политическому влиянию.

Институционалисты говорят о взаимозависимости между устойчивостью политических институтов и возможностью возникновения этнического конфликта. С точки зрения институционализма политические институты увеличивают вовлеченность различных этнических групп в политическую и экономическую жизнь, в то же время эксклюзивная институциональная система по причине неравенства увеличивает шанс на возникновение этнических конфликтов. Поэтому, в рамках институционализма политические институты являются как причиной, так и решением этнических конфликтов.

С точки зрения конструктивистского подхода этничность определяется как организация форм культурных различий. При этом особую значимость приобретает субъективная сторона понимания этнических феноменов, а не их трактовки. Этничность формируется у индивида вследствие его членства в этнических группах. В этом случае акцент ставится на понимании этничности как социальной идентичности и результате социального взаимодействия, а не на интересах элиты и индивидуальном выборе. Данный подход широко распространен среди исследователей в Северной Америке и Австралии в связи с исторически обусловленными широкими миграционными процессами в эти страны. При этом «этничность может быть принята группой как коллективный ответ на дискриминацию на основе групповой идентичности» [18, с. 5-6].

В результате попыток исследователей классифицировать этнические конфликты с использованием сравнительных методов и анализа конкретных прецедентов с целью сформулировать набор стратегий по их урегулированию сформировался ряд таксономий (вид классификации конфликтов на основе систематизации их совокупности, обычно имеющих иерархические взаимосвязи). Наиболее сложные таксономии выделяют от восьми до пятидесяти стратегий по урегулированию этнонациональных различий [19, с. 1-40] [20].

В литературе можно встретить следующее деление основных форм проявления этнополитических конфликтов: «горизонтальные конфликты, основанные на противоречиях разных этнических групп на определённой территории (осетино-ингушский конфликт); вертикальные конфликты, связанные с противоречиями между этнической группой и государством

(чеченский конфликт); международные, вызванные этнополитическими противоречиями, обретающими геополитическое измерение» [21].

Среди существующих на данный момент научных исследований конфликтов на постсоветском пространстве можно условно выделить три основные группы:

Во-первых, существует довольно разрозненная система описательных исследований этнических и региональных конфликтов. В этих исследованиях можно найти богатую базу эмпирических данных, но они не имеют тесной связи с теоретическими аспектами [22]. Во-вторых, в настоящее время существует большой объем исследований по вопросам построения государственности на постсоветском пространстве. Главным тезисом этих исследований является предположение, что этническая принадлежность и, в частности, вопрос о русской диаспоре, представленной по всей территории бывшего Советского Союза является ключевым фактором конфликтогенности на постсоветском пространстве [23; 24]. В-третьих, существуют исследования, опирающиеся на теоретические разработки в области теории регулирования этнических конфликтов, теории демократического перехода и теории национализма, а иногда в исследованиях можно встретить и сочетание всех трех этих подходов [25; 26].

Так, например, американский политолог Стивен ван Эвера, приходит к выводу, что государства бывшего Советского Союза и Восточной Европы являются потенциальными конфликтогенными зонами. Ван Эвера использует "шкалу опасности" (danger scale), отражающую вероятность перехода национализма в открытый конфликт на основе «трех типов факторов: 1. факторов, вытекающих из национального самосознания и имиджа других народов; 2. факторов политической среды и 3. структурных факторов, обусловленных географическим расположением и демографическими показателями населения» [27, с. 34].

Профессор Колумбийского Университета Джек Снайдер рассматривает динамику исторического процесса демократизации как основную причину этнических конфликтов. В работе по посткоммунистическим конфликтам он высказывает мнение о том, что они

являются следствием этнофедерализма советской эпохи и региональной автономии [28].

В работах Филипа Роедера [29, с. 854-882] можно встретить критику предположения о том, что основой этнических конфликтов такие основы этнической идентичности как этническая принадлежность, территория, язык, историческая память. Он высказывает сомнение о стабильности демократических режимов в этнически разделенных обществах и эффективности институциональных рычагов управления этнической принадлежностью. Роедер считает, что основой этнического конфликта является требование суверенитета, связанного с оспариваемыми территориальными притязаниями. Такие разногласия могут быть обусловлены эндогенными факторами, или включать в себя вмешательство экзогенных факторов или субъектов. Также, взаимные притязания могут быть обоснованы как этно-историческими особенностями, а также социально-экономическими причинами. По мнению Роедера, если данные притязания и разногласия не регулируются политическими инструментами или иного рода институциональными компромиссами, то недовольства в результате могут перерасти в радикализованные конфликты с «нулевой суммой», которые, в дальнейшем, нивелируют возможности политического компромисса.

Суть данного регулирования сформулировал Брубейкер в понятии трехсторонней взаимосвязи между отечеством (homeland state), национальным государством и национальным меньшинством. Согласно Брубейкеру «национальные меньшинства являются ключевым аспектом национально-государственного строительства, что подразумевает определенную степень политической мобилизации этих сообществ, но, в тоже время, не исключает высокой роли международных организаций и других политических акторов в вопросе управления/разрешения этнических конфликтов. Иногда крупные диаспоры также могут оказывать значительное влияние на процесс национально-государственного строительства родного государства» [25, с. 23-54, 55-76].

По мнению политолога Аренда Липхарта, «принадлежность к различным группам в настоящее время рассматривается как ключевой механизм сдерживания политических конфликтов и минимизации

этнического фактора в политике. Этот механизм может быть закреплён через институционализацию политических партий» [30]. Как отмечалось выше, смягчающий эффект от включённости в различные этнические и этнополитические группы является важным объектом для последующего изучения. На включённость субъекта в те или иные общности могут влиять такие факторы как, например, общий социально-экономический аспект, степень пересечения или несовпадения интересов группы, а также уровень интенсивности расхождений [19].

С распадом Советского Союза эффект единой советской идентичности перестал существовать в подавляющем большинстве государств образовавшихся на постсоветском пространстве. Эти новые государства находятся в процессе формирования идентичности и связывают этот процесс с разрывом с предшествующей доминирующей идентичностью.

Однако, по мнению Джеймса Хьюза и Гвендолин Сассэ «в регионах, где сохранились остатки советской идентичности, она, как правило, действует в качестве стабилизирующей силы в потенциальных конфликтах путем ограничения или сдерживание этнополитической мобилизации, как в случае Крыма, и, в меньшей степени, Приднестровье» [31].

В западной литературе, как считают Д. Хьюз и Г. Сассэ, можно проследить тенденцию считать региональные процессы основанные на «наследии» советской эпохи (экономическая политика, закономерности расселения) этническими конфликтами. При этом, при анализе постсоветских конфликтов следует учитывать степень влияния этнической принадлежности на этнические и региональные противоречия. В ряде постсоветских конфликтов она действительно является основной причиной и движущей силой развития конфликта.

Сепаратизм в той или иной мере является неременным атрибутом большинства постсоветских конфликтов. Как считают Д. Хьюз и Г. Сассэ «основной характеристикой отделения является то, что оно представляет собой политический акт, совершенный против существующего государства» [31]. В результате отделения государство может приобрести фактическую независимость. Возможность же полного или частичного

международного признания зависит от имеющейся у государства политической поддержки.

В настоящее время государство не рассматривается как единственный актор на международной арене. Возросла роль международных, межрегиональных и региональных организаций и блоков. Так же, как одни из возможных негосударственных акторов международных отношений в исследованиях стали фигурировать и этнические группы [32]. Часто в реальной практике государства и международных организации, непосредственно не входящие в зону конфликта, преследуют собственные интересы, и не могут рассматриваться только в качестве посредников урегулирования конфликта.

Существует большое количество типологий конфликтов, предложенных как российскими, так и зарубежными учеными. На основе классификации конфликтов Г. Лапидуса и типологий У. Юри и Я. Этингера данной в работе В. Амелина [7] с определенной долей условности была предпринята попытка определить основные типы конфликтов постсоветского пространства и причины их возникновения.

Этнополитические конфликты могут происходить как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровне. В этнополитические конфликты могут быть вовлечены национальные (этнические) меньшинства или насильственно перемещенные меньшинства. Также, применительно к постсоветскому пространству, этнополитический конфликт может быть спровоцирован попыткой пересмотра отношений между бывшими автономными республиками в рамках государств-преемников.

Среди причин возникновения этнополитического конфликта можно выделить следующие: исторические причины; экономические причины; политические причины (стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение, последствия произвольных территориальных изменений, осуществляемых в советский период); этнические причины (сильное притеснение этнической группы, социальное расслоение по национальному признаку); социальные причины (нарастание столкновений между конкурирующими этносами);

внешнеполитические причины (связанные с территориальной экспансией и геополитической выгодой).

В рамках исследования было принято решение остановиться на межгосударственных конфликтах на постсоветском пространстве, так как причины их возникновения на наш взгляд представляют наибольший потенциал с точки зрения попытки определения и изучения сути этнополитических конфликтов.

Таблица 2.

Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве

Конфликт	Стороны конфликта	Причины конфликта предмет спора	Этнический состав	Посредники процесса урегулирования
Приднестровский конфликт	Молдавия, Приднестровская Молдавская Республика	Самоопределение Приднестровья с выходом из состава Молдавии/ политические, территориальные, экономические, этнические	Молдаване 33,0% Русские 34,0% Украинцы 26,7%	Россия, Украина, ОБСЕ
Грузино-абхазский конфликт	Грузия, Абхазия	Самоопределение бывших автономных республик/ политические, этнические	абхазы (более 51%), грузины (почти 18%), армяне (более 17%), русские (более 9%)	ООН, СНГ, ОБСЕ, Россия
Грузино-югоосетинский конфликт	Грузия, Южная Осетия	Самоопределение бывших автономных республик/ политические, этнические	осетины 89,9 % грузины 7,4 %	Россия, ОБСЕ
Нагорно-Карабахский конфликт	Азербайджан, Армения	Самоопределение Нагорного Карабаха с последующим присоединением к Армении/ политические, территориальные, этнорелигиозные	99% армян	Россия, Минская группа, ОБСЕ
конфликт на востоке Украины	Украина, ЛНР+ДНР, Россия	Самоопределение с получением особого статуса (ЛНР+ДНР),	украинцы 52% русские 44%	Украина, ОБСЕ, Россия,

		самоопределение с выходом из состава Украины и присоединением к России (Крым)/ политические (внешнеполитические), территориальные, этнические		«Нормандская четверка»
--	--	---	--	------------------------

В целом, при рассмотрении конфликтов этнополитического характера можно согласиться с выводом, что «различные социологические подходы к феномену этничности и методология дисциплины влияют на достаточно широкий спектр интерпретации этнических конфликтов. Сложность заключается в том, что то, что обычно классифицируется как этнополитический конфликт довольно часто имеет более сложный характер по своей природе» [33].

При рассмотрении межгосударственных конфликтов на постсоветском пространстве наиболее полной и отражающей суть происходящих явлений является типологизация по целям и притязаниям инициатора конфликта/этнического противостояния [34, с. 74]. В этом случае становятся наиболее понятны целеполагания сторон конфликта. Будет ли это борьба за особые политические права этноса/национальности, утверждение коллективной идентичности и право на поддержку на уровне государственных институтов, но все это в рамках существующего государства. Или же это будут требования по изменению территориального/институционального строя государства. С точки зрения роста политических притязаний российские исследователи И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин выделяют три основных типа конфликтов: политико-управленческий конфликт, политико-институциональный конфликт и политико-территориальный конфликт. В своем исследовании они дают, на наш взгляд, наиболее исчерпывающее понятие этнополитического конфликта [34, с. 71], в котором акцент делается на этнической идентичности как ресурсе политической мобилизации. «Политическое использование этнической идентичности является ключевой сущностной характеристикой такого конфликта, а

возобновляемый характер этого ресурса и высокая степень эмоциональной наполненности затрудняет его систематическое и эффективное регулирование и локализацию противостояния в рамках конституционно-правового поля» [34, с. 71].

Нельзя отрицать, что распад Советского Союза высвободил достаточно большой конфликтный потенциал этнической направленности. Многие из постсоветских государств пережили этнические и региональные войны друг с другом или внутри самих себя в рамках своих проектов национального и государственного строительства.

В то же время, несмотря на то, что подавляющее большинство постсоветских конфликтов имеют в своей основе исторические или этнические корни, нельзя отрицать и тот факт, что многие конфликты несут в себе факты политического использования этнической идентичности. Зачастую, можно наблюдать как фактор исторической памяти и факторы религиозных и межэтнических противоречий являются триггерами для начала или возобновления «тлеющего» конфликта. Многие исследователи считают, что на современном этапе «отчетливо прослеживается тенденция к политизации большинства современных конфликтов – от производственных до этноконфессиональных, от межгрупповых до межорганизационных, включая межгосударственные» [1, с. 15].

Таким образом, события, происходящие на современном этапе на международной арене, показывают, что возможности расширения и углубления межэтнических и межнациональных конфликтов только нарастают. Для государств постсоветского пространства анализ причин возникновения конфликтов и способов их урегулирования является одним из важных факторов обеспечения национальной безопасности. А выявление методов сдерживания и управления этнополитическими конфликтами становится одним из условий успешности реализуемых интеграционных усилий в евразийском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Глухова А.В., Тимофеева Л.Н.** Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. – 2016. – 2. – С. 13-37.

2. **Паин Э.А.** Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – №1-2 (122). – С. 126-142.
3. **Губогло М.** Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора. – 2006. – №4. – С. 60-81.
4. **Губогло М.** Этносоциология и этнополитология в орбите социологического знания // Русин. – Русин. – №3. – С. 5-13.
5. **Тишков В.А.** Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник Российской нации. – Москва: ОСОО «Российская нация», 2018. – 6.
6. **Тишков В.А.** О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – 4.
7. **Амелин В.** Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности // CREDO NEW теоретический журнал. – 1997. – URL: <http://credonew.ru/content/view/46/49/> (дата обращения: 18.12.2019).
8. **Ellis D.** Communicative Contact and the Transformation of Ethnopolitical Conflicts. – 2017.
9. **Ellis D.G.** Building a theory of communication and ethnopolitical conflict. – 2018. – DOI: 10.1080/03637751.2018.1507044.
10. **Cornell S., Jonsson M.** Conflict, Crime, And The State In Postcommunist Eurasia. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2014.
11. **Gurr T., Harff R., Harff B.** Ethnic Conflict in World Politics. – Boulder: Westview Press, 1994.
12. **Соин Д.Ю.** Этнополитические конфликты: аналитический обзор // Социологический журнал. – 1998. – №3-4.
13. Введение в политологию: Словарь-справочник / Сост. Г.Л. Купряшин Т.П. Лебедева, Г.И. Марченко, под ред. В.П. Пугачева. – М.: Аспект Пресс 1996. – С. 98.
14. Этническая общность // Большая российская энциклопедия. – 2019. – <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916954>.
15. **Климин Д.Ю.** Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Ученые записки казанского государственного университета. – Казань: Ученые записки казанского государственного университета, 2007. – Т. 149, 3. – С. 5-18.
16. **Stavenhagen R., Bangura Y.** Racism and Public Policy. – Palgrave, Macmillan, 2005.
17. **Ачкасов В.А.** Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник СПбГУ. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2015. – Т. Сер.6, 1. – С. 37-43.
18. **Lake D. A., Rothchild D.** The International Spread of Ethnic Conflict. Fear, Diffusion, and Escalation. – Princeton : Princeton University Press, 1998.
19. **O’Leary B., McGarry J.** The Politics of Ethnic Conflict Regulation. – London: Routledge, 1993.
20. **Heraclides A.** Ethnicity, secessionist conflict and the international society: towards a normative paradigm shift // Nations and Nationalism. – 1997. – 3, 4. – С. 493-520.

21. **Ульянов Г.М.** Проблема формирования современной модели урегулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе. – 2013. – № 1. – С. 178-181.
22. **Arbatov A.** *Managing Conflict in the Former Soviet Union.* – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.
23. **Bremmer I., Taras R.** *Ethnic Conflict at the International Level: An Appraisal of Theories and Evidence // Wars in the Midst of Peace. The International Politics of International Conflict / авт. книги James D. Carment and P..* – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997.
24. **Laitin D.** *Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad,* Ithaca. – Cornell University Press, 1998.
25. **Brubaker R.** *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
26. **Linz J. J., Stepan A.** *Problems of Democratic Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe.* – Baltimore : John Hopkins University Press, 1996.
27. **Van Evera S.** *Hypotheses on Nationalism and War // International Security.* – 1994. – Т. 4, 18. – С. 5-39.
28. **Snyder J.** *From Voting to Violence. Democratization and Nationalist Conflict.* – New York : W. W. Norton & Co., 2000.
29. **Roeder P.G.** *Peoples and States after 1989: The Political Costs of Incomplete National Revolutions // Slavic Review.* – 1999. – Т. 4, 58. – С. 854-882.
30. **Lijphart A.** *Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration.* – New Haven : Yale University Press, 1977.
31. **Hughes J., Sasse G.** *Comparing Regional and Ethnic Conflicts in Post-Soviet Transition States: An Institutional Approach.* – Grenoble: ECPR Joint Sessions, 2001.
32. **Carment D., James P.** *The International Politics of Ethnic Conflict: New Perspectives on Theory and Policy // Global Society.* – 1997. – 11. – С. 205-232.
33. **Tishkov V.A.** *Ethnic conflicts in the context of social science theories // Ethnicity and power in the contemporary world / авт. книги Kumar Rupesinghe Valery A. Tishkov.* – The United Nations University, 1996.
34. **Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.** *Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы “большой теории” // Полис.* – 2016. – 6. – С. 69-94.
35. **Ласария А.О.** *Специфика современных этнополитических конфликтов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал).* – 2017, №3. – URL:www.vestnik-mgou.ru (дата обращения: 18.12.2019).
36. **Акляев А.Р.** *Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент.* – Москва : Дело, 2005.
37. **Lipset S., Rokkan S.** *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Party Systems and Voter. Cross-National Perspectives.* – New York, 1967.

LYUBINA Daria E. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: lyubina_de@spbstu.ru

SABLINA Marina A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: sablina_ma@spbstu.ru

KUCHUMOVA Ekaterina V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: kuchumova_ev@spbstu.ru

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE

In the modern world, there is a large number of conflicts, it is obvious that many completed or active conflicts had or have an ethnic basis. For the post-Soviet States that have a multi-ethnic and multi-ethnic composition of the population, the issues of studying the origin and methods of conflict resolution are of great importance.

ETHNOPOLITICAL CONFLICTS; CIS; POST-SOVIET SPACE; THEORETICAL APPROACHES

УДК: 339.923

А. А. Павлова, Л. И. Евсеева, С.Н. Погодин

ПРОБЛЕМА И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

ПАВЛОВА Анастасия Александровна – магистрант Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: shivonova123@icloud.com

ЕВСЕЕВА Лидия Ивановна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: evseeva_li@spbstu.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Данный проект посвящен исследованию проблем и перспектив развития российско-китайских отношений в энергетической сфере. Исследованы основные понятия энергетического сотрудничества. Проведены исследования о текущем состоянии рынка энергетики на территории РФ и КНР. Проанализированы основные проблемы и дальнейшие перспективы сотрудничества РФ и КНР в энергетической сфере.

ЭНЕРГЕТИКА; ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА; НЕФТЬ; ГАЗ;
СОТРУДНИЧЕСТВО; ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО; ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭНЕРГЕТИКИ

В XXI веке энергетическое сотрудничество является неотъемлемой частью экономики любого государства. Благодаря энергетическому сотрудничеству происходит сближение государств как в экономическом, так и в политическом отношениях. При анализе энергетического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской народной республикой очевидно, что для обеих сторон сотрудничество в данном направлении играет важную роль для укрепления и увеличения влияния государств на международной арене.

Необходимость изучения данной темы обуславливается, прежде всего, тем, что Российская Федерация является государством с огромным запасом энергетических ресурсов. Для того, чтобы поддерживать статус одного из крупнейших экспортеров энергетических ресурсов правительству России пришлось искать стабильные рынки сбыта. Именно по этой причине Москва начала активное развитие восточного направления.

Со стороны Китайской народной республики актуальность заключается в том, что на протяжении длительного времени данное государство является крупнейшим в мире импортёром нефти и газа. Благодаря географической близости России и Китая, а также длительной дружеской политике между государствами, между странами завязалось тесное энергетическое сотрудничество.

Таким образом, благодаря активному межгосударственному сотрудничеству Китай стал важнейшим партнёром РФ в энергетической сфере. Подтверждением данному высказыванию может служить документ об энергетическом сотрудничестве Российской Федерации до 2035 года.

Понятие сотрудничества и конкурентоспособности в энергетической сфере

Так, сотрудничество можно определить, как определенную деятельность, при которой происходит объединение двух и более людей (или же организаций) для достижения поставленных целей, при которых все участники получают определенную выгоду. По данному определению можно понять, что «сотрудничество» в энергетической сфере тесно переплетается с термином «энергетическая политика» и «энергетическая стратегия».

Можно найти множество понятий и определений термину «энергетическая политика», однако самое лаконичное, на наш взгляд, это определение Ю. К. Шафранника в книге «Новая энергетическая политика России». Так, Ю. К. Шафранников (бывший министр топлива и энергетики РФ) определяет энергетическую политику, как «систему мониторинга энергетической ситуации в стране и в мире, прогноза возможных экономических и ресурсных тенденций, а также, это – формирование и непрерывное совершенствование организационных, экономических и

правовых механизмов, которые обеспечивают стабильное и надежное энергосбережение и рациональное использование природных топливно-энергетических ресурсов» [1]. Иначе говоря, основной задачей энергетической политики является отстаивание государственных интересов в области энергетики.

Характеристика современного состояния энергетического рынка в Российской Федерации

Российская Федерация располагается практически на 11% поверхности всего земного шара. Таким образом, благодаря огромным территориям в государстве произошло причудливое сплетение выдающихся стратегических достоинств и недостатков.

На территории России проживает лишь 2% населения мира, которое производит около 2,9% от мирового ВВП. Таким образом, при обладании большого количества территорий и малого количества населения, Российская Федерация занимает первое место среди развитых стран по количеству душевой обеспеченности энергетическими ресурсами. А благодаря удачному географическому расположению во владении государства имеется выход к трём океанам и двенадцати морям, что обеспечивает дополнительные возможности для экспорта российских энергетических ресурсов.

Для наращивания и урегулирования энергетического рынка в 2009 году в России была утверждена «Энергетическая стратегия РФ до 2035 года» [2].

Всего на территории Российской Федерации находится около 45% мировых запасов природного газа, 13% нефти, 23% от мировых запасов угля и 14% урана [3].

Большой спрос из всех вышеперечисленных энергетических ресурсов приходится на угольную промышленность. Для его добычи на территории государства находятся большое количество угледобывающих организаций, например: СУЭК (одна из крупнейших, в 2018 году добыча угля достигла 42 миллионов тонн), Кузбассразрезуголь (в 2018 году добыча угля достигла 48,3 миллионов тонн) и Южкузбассуголь (в 2018 году добыча угля достигла 11 миллионов тонн) [4; 5].

Помимо угольной, нефтяная сфера также является приоритетной для Российской Федерации. Так, основополагающим принципом энергетической политики является наращивание ресурсной базы. При изучении рисунка 2.3 можно увидеть ежемесячный прирост показателя в добыче нефтяных ресурсов.

Экспорт российской нефти является одной из важнейших отраслей на международном рынке. Долгие десятилетия Российская Федерация является одним из крупнейших экспортеров нефтяных ресурсов, а также обладательницей 12-14% от общего мирового рынка [6, с. 36]. С 2005 года рост экспорта начал постепенное снижение, так как внутренний ценник в РФ за баррель оказался конкурентоспособным по отношению к международным рынкам [7]. По этой причине многие организации перенесли нефть, принадлежавшую экспорту на внутренний рынок. Согласно статистике Министерства энергетики РФ (Рис. 2.4) в 2018 году показатель экспорта сырой нефти составил 353 312.90 тысяч тонн, что составило 78,1 миллиардов долларов, а на начало 2019 87 808.40 тысяч тонн [8].

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что текущее состояние энергетического рынка Российской Федерации находится на одной из лидирующих позиций. Правительство государства активно развивает партнерские международные отношения в целях поиска новых партнёров и рынков сбыта.

*Основные черты современного состояния энергетического рынка в
Китайской Народной Республике*

На сегодняшний день из энергетической стратегии Китайской Народной Республики следует, что главные её задачи заключаются в сохранении низких цен на нефтегазовое сырье, проведение стабильной политики поставок энергетических ресурсов в Китай из-за рубежа, а также развитие отечественной добычи энергетических ресурсов (в преимуществе нефти) с последующим их изучением для углубления знаний в данной сфере. Таким образом можно выделить две сферы деятельности энергетической политики КНР:

1) Внутренняя сфера – попытки снижения зависимости от иностранных энергетических ресурсов;

2) Внешняя сфера – попытки укрепления взаимовыгодного сотрудничества со странами-поставщиками энергетических ресурсов.

Главная правовая база энергетической сферы была заложена 90-х годах XX века. Так, за один год правительством было разработано 206 нормативно-правовых документов, которые заложили основу энергетической политики КНР.

С учетом быстрого экономического роста и совершенствования отрасли народного хозяйства в Китае ежегодно растет спрос на энергетические ресурсы, в особенности на нефть и газ. Согласно статистике транснационального нефтегазового агентства BP Global, КНР считается одним из немногих государств, чье производство и потребление является самым большим в мире.

Также стоит упомянуть, что на сегодняшний день одна из основных черт развития современного энергетического рынка КНР заключается в реализации «Стратегии по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ)», что на перспективу должно привести к возрастанию части «зеленой энергетики» в общей картине энергетического баланса государства. Так, согласно Китайскому национальному исследованию института по энергетике, доля генерации на ВИЭ к 2030 году составит 53% от общего объема, а к 2050 – 86% [4].

Согласно внешней части энергетической стратегии сотрудничество государств с Китаем придерживаются двух главных принципов: международное сотрудничество (взаимоотношения иностранных государств с КНР) и комплексность (в нее входит диверсификация энергетических ресурсов у государств-импортеров, ресурсов и транспортировки).

Основные проблемы энергетического сотрудничества РФ и КНР

Энергетическое сотрудничество между РФ и КНР носит стабильный и динамично развивающийся характер. Благодаря данному сотрудничеству отношения между государствами укрепляются в экономическом и политическом аспектах [9]. Помимо этого, сотрудничество РФ и КНР в энергетической сфере стимулирует повышение влияния Российской Федерации и Китайской народной республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Однако, несмотря на такое динамичное развитие, между государствами существует ряд проблем, которые препятствуют прогрессивному развитию энергетического сотрудничества государств.

Первая проблема, мешающая развитию сотрудничества в энергетической сфере между РФ и КНР, заключается в отсутствии договоров и нормативных актов о долгосрочном партнёрстве государств. Подтверждением данному высказыванию следует считать принцип правительства РФ об охране национальных интересов. Данный принцип выделяют как главный фактор дипломатических отношений [3, с. 4].

Так, согласно энергетической стратегии РФ, главной целью энергетической политики является «максимально эффективное использование природных топливно-энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для экономического развития и повышенного качества жизни народа государства» [10]. Таким образом можно сделать вывод, что сотрудничество России с другими государствами в энергетической сфере придерживается принципа национальных интересов.

Вторая проблема в энергетическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной республики заключается в отсутствии доверия.

Как упоминалось ранее, все межгосударственные отношения с Китаем и Россией основываются на общих потребностях и интересах. Однако не стоит забывать, что помимо общих интересов и дружеской политики государства являются не только товарищами, но и конкурентами.

С ежегодным ростом геополитического влияния КНР преобразуется в один из важнейших факторов международных отношений и экономического развития мира [11]. По этой причине многие исследователи начинают выдвигать теории о возрастании «китайской угрозы». Свои опасения в данном вопросе высказал и президент Российской Федерации Владимир Путин еще в 2000 году. По его мнению, из-за близкого географического положения, российские организации подвергаются всяческим влияниям со стороны Китая, что может привести к тому, что вскоре население Дальнего Востока будет говорить на китайском и японском языках [7, с. 3-6].

Третьей проблемой между РФ и КНР в энергетическом сотрудничестве можно считать проблему ценообразования. Данная проблема обуславливается ростом внешней конкуренцией на мировом энергетическом рынке. Из этого следует, что при завышении цены на энергоресурсы государство может потерять ранее установленные связи и будущие договоренности [5, с. 21].

Однако стоит отметить, что для Китая уменьшилась привлекательность европейских энергетических рынков после поддержки правительством США сланцевой революции в Европе в 2012 году, из-за которой произошел разлад в отношениях России и Европы. Из-за этого у правительства КНР появился рычаг давления на энергетические организации России в сфере ценообразования [7].

Четвертая проблема, состоит в отсутствии инновационного сотрудничества в области новейшей энергетики между КНР и РФ.

На протяжении длительного времени энергетическое сотрудничество между РФ и КНР связывало обмен исключительно классическими ископаемыми – нефтью, природным газом и углём. Со временем этот список дополнился ядерной и гидроэнергетикой. На сегодняшний день происходит активное развитие в области возобновляемой энергетики.

Пятая проблема в энергетическом сотрудничестве между Россией и Китаем заключается в конфликте интересов между государствами.

Так, согласно статье «Центральная Азия – конфликт интересов между КНР и Россией», автор уточняет, что в Центральной Азии находится более 22% разведанных территорий с залежами природного газа, что составляет 12% от общего мирового объема [12]. Так, если в дальнейшем Центральная Азия решит экспортировать природный газ на мировой рынок в обход России, Российская Федерация понесет огромные убытки не только в экономическом, но и в политическом аспектах [13].

Перспективы развития энергетического сотрудничества в энергетической сфере между РФ и КНР

Таким образом, если говорить о дальнейших перспективах сотрудничества РФ и КНР в энергетической сфере, необходимо отметить их схожие стратегические интересы как в политической, так и в экономической сферах.

Схожесть в экономической сфере между государствами заключается в том, что Российская Федерация является главным экспортером энергетических ресурсов на Дальнем Востоке, а Китайская Народная Республика является ее главным стратегическим партнером.

Так, для того, чтобы удовлетворить возникшие потребности Китая, китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) совместно с энергетическими организациями России подписали ряд договоров о создании межгосударственных нефте- и газодобывающих предприятий [14, с. 52-63].

Также перспективным направлением для развития сотрудничества между государствами является угольная сфера торговли. Так, согласно исследованию Thomas Reuters, в сентябре 2017 года объем экспорта угля в Китай достиг 2,35 миллионов тонн, что на 83% больше, чем в сентябре 2016 года. А в 2018 году объем поставок достиг 27,2 миллионов тонн [15]. А в начале 2019 года данный показатель равнялся 729 тысяч тонн [16].

Помимо угольной сферы между государствами происходит активное развитие атомной энергетики. Так, производство на Тяньваньской атомной электростанции (ТАЭС) производится благодаря заключенным в декабре 1997 года договором между ЗАО «Атомстройэкспорт» и Цзянсунской Ядерно-энергетической корпорацией. Так, в Тяньваньская ТАЭС состоит из 2 блоков с реакторной установкой, оба из которых находятся в коммерческой эксплуатации государствами и показывают стабильную, безопасную работу. Длительное экономическое и культурное сотрудничество гарантирует стабильность и развитие [17; 18; 19; 20; 21; 22].

Главным двигателем Китайской атомной энергетики является Российская Федерация. Таким образом, во время проведения 12ой пятилетки, правительство КНР рассчитывало на помощь правительства РФ, которая бы заключалась в преодолении недостатков 11ой пятилетки.

Главным направлением сотрудничества правительств РФ и КНР является сотрудничество в сфере энергетики. Так, в мае 2014 года, между организациями CNPC и ОАО «Газпром» был подписан договор о «купле-продаже природного газа по «восточному маршруту»». Так, по мнению китайских аналитиков, данный договор являлся ключевым шагом в развитии сотрудничества государств в сфере энергетики после успешного

введения в эксплуатацию проекта нефтепровода, о котором говорилось во второй главе данной выпускной квалификационной работы.

В своем интервью президент РФ В.В. Путин выразил свое удовлетворение нынешним состоянием как экономическим, так и торговым сотрудничеством между РФ и КНР. Также В.В. Путин рассказал о будущем сотрудничестве между государствами, выразив надежду на продолжение продвижения крупных проектов сотрудничества в сферах нефти и газа, ядерной энергетики, авиации, финансов и строительстве инфраструктурных объектов. Данный проект является взаимовыгодным для РФ и КНР [9].

Благодаря укреплению энергетического сотрудничества в газовой сфере между РФ и КНР отношения между государствами являются взаимовыгодными и взаимодополняющими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Захаров А.Д., Турбина В.А.** Оценка сотрудничества России и Китая в рамках БРИКС по приоритетному направлению – энергетика. Благовещенск: Изд-ва БГПУ, 2011. – С. 187-190.
- 2.** Интегрированный отчет СУЭК 2018 [Электронный ресурс] // URL <https://ar2018.suek.com/ru#about> (Дата обращения: 15.10.2020).
- 3. Кречун Р.** Сотрудничество – это комплекс взаимовыгодных отношений [Электронный ресурс] // URL: https://www.syl.ru/article/275684/new_sotrudnichestvo-eto-kompleks-vzaimoviygodnyih-otnosheniy (Дата обращения: 15.10.2020).
- 4. Клименко А.Ф.** Россия и Китай в системе безопасности Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-v-sisteme-bezopasnosti-severo-vostochnoy-azii> (Дата обращения: 15.10.2020).
- 5. Королев А.** «Станет ли 2019-й годом роста мирового спроса на нефть? Прогнозы» [Электронный ресурс] // URL: <https://365info.kz/2019/02/stanet-li-2019-j-godom-rosta-mirovogo-sprosa-na-neft-prognozy> (Дата обращения: 15.10.2020).
- 6.** «Китайцы подписали нефтегазовые соглашения с Россией» [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/news/2013/03/22/sign/> (Дата обращения: 15.10.2020).
- 7.** «Китай «подсел» на российский уголь» [Электронный ресурс] // URL: <https://topcor.ru/3907-kitaj-podsel-na-rossijskij-ugol.html> (Дата обращения: 15.10.2020).
- 8. Лузянин С.Г.** Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005 – 412 с.
- 9. Линн Чу.** «Политические и экономические аспекты сотрудничества между КНР и РФ в сфере энергетики» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.twirpx.com/file/2214353/> (Дата обращения: 15.10.2020).

10. **Ломанов А.** Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения / А. Ломанов // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №1. 231 с.
11. **Мозиас П.М.** Экономический рост в Китае в 2014 г. и прогноз на 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/43358792> (Дата обращения: 15.10.2020).
12. **Махин А.** Энергетическая стратегия Китая [Электронный ресурс] // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=489#top (Дата обращения: 15.10.2020).
13. **Онуфриева О.А.** «Энергетическая стратегия России как основа развития ТЭК» [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-strategiya-rossii-kak-osnova-razvitiya-tek> (Дата обращения: 15.10.2020).
14. **Парамаонов В., Строков А.** Современный формат российско-китайского энергетического сотрудничества: основные проблемы и перспективы России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.twirpx.com/file/519788/> (Дата обращения: 15.10.2020).
15. **Печуркин Н.С.** Энергетическая направленность развития жизни на планете Земля [Электронный ресурс] // URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=xtx&from> (Дата обращения: 15.10.2020).
16. **Петров М.Б.** Энергетическая политика России: реалии и возможности // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 3 (27).
17. **Погодин С.Н., Ли Цзинчэн.** К истории российско-китайских торгово-экономических отношений (на примере русской духовной миссии в Пекине). Евразийский юридический журнал, 2018, № 3 (118), С. 441-445.
18. **Ermolina M.A., Matveevskaya A.S., Zeleneva I.V.** Dialogue Of Civilizations – New Model Of World Politics The european proceedings of social and behavioural sciences. Future Academy. 2017. pp. 829-836. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.98.
19. **Погодин С.Н., Чжоу Цзюнь.** Политическое измерение взаимодействия КНР со странами Центральной Азии в европейских интеграционных структурах. Монография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 128 с.
20. **Павлова О.К.** Реформация в Европе и в России. Предпосылки, реалии, последствия. Философия международных отношений. От теории к практике /Отв.ред. С.Н. Погодин, И.Д. Осипов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 115-146.
21. **Ли Цзинчэн, Погодин С.Н.** Восточный экономический форум - 2018 в контексте китайско-российского регионального сотрудничества. Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект Материалы III Международной научно-практической конференции. Под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. Издательство: Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), 2019. С. 111-113.
22. **Погодин С.Н., Тараканова Т.С.** Стратегическое партнерство России и Китая на площадке ШОС. Геополитика и безопасность. 2017. № 4 (40). С. 62-66.

PAVLOVA Anastasia A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: shivonova123@icloud.com

EVSEEVA Lidiya I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: evseeva_li@spbstu.ru

POGODIN Sergey N.– Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

PROBLEM AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN THE ENERGY SPHERE

This project is devoted to the study of the prospects for the development of Russian-Chinese relations in the energy sector at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. Conducted research on the current state of the energy market in the territory of the Russian Federation and the PRC. The main problems and future prospects of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the energy sector are analyzed.

ENERGETICS; ENERGY POLICY; OIL; GAS; COOPERATION;
ENERGY PARTNERSHIP; ENERGY PROSPECTS

УДК: 327

Е. Н. Плотникова, А. С. Степанян

ТРАНСФОРМАЦИИ В КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ ГЕРМАНИИ В СВЯЗИ С РОСТОМ МИГРАЦИИ

ПЛОТНИКОВА Евгения Николаевна – старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: plotnikova_en@spbstu.ru

СТЕПАНЯН Александра – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: stepanyan.alexandra@gmail.com

В данной статье проанализированы и охарактеризованы изменения, произошедшие в культурно-религиозной сфере современной Германии в результате миграционного кризиса. Несомненная актуальность представленной темы подтверждается значимостью этой сферы в формировании социально-политической повестки дня в ФРГ. Миграционная политика правительства Германии затрагивает все сферы жизни немецкого общества, однако представляется, что трансформации в культурной и религиозной областях приведут к необратимым, сложно контролируемым явлениям. Очевидно, что облик Германии станет совсем другим, что заставляет одних исследователей и экспертов говорить о том, что Германия, по сути, самоликвидируется, а других утверждать, что страна обретет новые элементы национальной идентичности.

ГЕРМАНИЯ; МИГРАЦИЯ; МУСУЛЬМАНЕ; ИСЛАМ; ИСЛАМОФОБИЯ; ТУРЦИЯ; ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В ФРГ наличествуют представители различных конфессий: иудаизма; буддизма; индуизма; сикхизма; ислама. Основной религией в Германии является христианство, но следует отметить, что политика открытых дверей, реализация концепции мультикультурализма, постоянно увеличивающийся рост миграционных потоков привели к тому, что самой большой нехристианской конфессией на территории Германии стал ислам.

На данный момент население Германии составляет более 81 миллиона человек, при этом по численности мусульманского населения

она занимает второе место в Западной Европе после Франции (с популяцией около 67 миллионов человек). Более половины немецких мусульман, 3 миллиона из 5, – потомки иммигрантов из Турции, которых приняла Германия в 1960-х годах. За последние 10 лет число мусульман значительно выросло, если в 2010 году оно составляло 3,3 миллиона человек (4,1% населения), то последние годы приблизилось к 5 миллионов человек (6,1% соответственно). Это объясняется во многом тем, что около 86% беженцев, прибывших в страну с 2015 года, приверженцы ислама. Среди прочего эта тенденция отражается в том, что нет такого крупного города в Германии (а в ряде земель и города поменьше), где бы не было мечети.

Возникает вопрос, что же ждёт немецкое государство в дальнейшем. В частности, есть три различных сценария развития страны к 2050 году, учитывающие разные уровни миграции мусульман, смоделированные исследовательским центром Pew¹. Первый вариант предполагает полное прекращение миграции в страну и при этом подразумевает, что число мусульман продолжит увеличиваться в дальнейшем. Объясняется это тем, что согласно статистике, средний немец-мусульманин намного моложе и имеет больше детей (в среднем 1,9), чем представители других религиозных воззрений, проживающие на территории Германии (1,4 соответственно) [1].

Следующий сценарий построен на предположении, что регулярная миграция продолжится, а число мусульман составит 8,5 млн человек (10,8% населения Германии в 2050 году согласно прогнозу), учитывая, что с середины 2016 года прекратился поток беженцев, проповедующих ислам. Согласно сценарию «высокой» миграции и регулярная миграция, и большие потоки беженцев, в том числе с Ближнего Востока, не прекратятся; и как следствие, к 2050 году мусульманское население Германии увеличится более чем втрое, с 5 млн (6,1%) до 17,5 млн (19,7%). С большой долей вероятности в Германии будет реализован промежуточный между вторым и третьим сценарий в свете существования соглашения между ЕС и Турцией, а также потому, что по инициативе

¹ Центр Pew проводит опросы общественного мнения, демографические изыскания, анализ медиаконтента и другие эмпирические исследования в области социальных наук.

канцлера Ангела Меркель были введены ограничения на количество просителей убежища [1].

Подводя итог выше сказанному, отметим, что по какому бы пути не пошло немецкое государство, очевидно, количество мусульман в стране все равно останется значительным.

Обратимся к опыту выстраивания отношений между местными мусульманами и государством. Процесс был запущен еще в 1980-х с момента, когда прошла масштабная самоорганизация мигрантов на территории Германии, результатом которой стало появление различных исламских организаций. Эти организации до сих пор продолжают свою деятельность [2]. Самой крупной является Турецко-исламский союз по делам религий (Türkisch-Islamische Union der Anstalt für Religion, DITIB). Союз берёт своё начало в 1984 году и включает в состав почти 900 общин мечетей по всей стране. Контролирует и координирует их деятельность Президиум по религиозным делам Турции, что фактически означает, что имамы и религиозные учителя приезжают в Германию непосредственно оттуда. В сферу подчинения DITIB входит религиозная, социальная и культурная деятельность связанных с организацией мечетей. Закономерно, данный союз систематически критикуют за прочные связи с Турцией, в отличие от Центрального совета мусульман Германии (Zentralrat der Muslime in Deutschland, ZMD) [2]. ZMD объединяет наиболее этнически разнообразных граждан страны и представляет в основном нетурецких мусульман. Центральный совет называет себя открытым и заинтересованным в диалоге сообществом, поэтому мнение его представителей в настоящее время наиболее востребовано в общественных обсуждениях и слушаниях. В свою очередь, ZMD ранее подвергался критике за взаимодействие с Исламским объединением Германии (Islamische Gemeinschaft in Deutschland, IGD) – немецким ответвлением широко известной организации «Братья-мусульмане», выступающим не только за чрезвычайно консервативные ценности, но и носящим статус исламистского согласно мнению Федерального ведомства по защите конституции Германии (Bundesverfassungsschutz) [2]. Учитывая всё выше сказанное, можем рассматривать ZMD как некий противовес DITIB, а также другим ассоциациям, испытывающим сильное влияние

специфически турецкого ислама, в числе которых отметим консервативный Исламский совет Федеративной Республики Германия (Islamrat für die Bundesrepublik Deutschland, IR). Данная организация была создана в 1986 году для координации деятельности тридцати семи менее крупных организаций, в числе которых Исламская ассоциация Milli Görüş (Islamicische Gemeinschaft Milli Görüş, IGMG). В своей деятельности ассоциация придерживается «справедливых» правил, основанных на «божественном откровении». Как следствие, до 2014 года уже упоминавшееся ранее Федеральное ведомство по защите Конституции Германии характеризовало IGMG как ведущую явно исламистскую деятельность, однако в последние 5–7 лет было отмечено некоторое «снижение экстремизма IGMG». Таким образом можно отметить, что немецкая IGMG стремится освободиться от системного влияния Турции [2]. Среди менее значительных и менее многочисленных организаций следует отметить два заметных объединения – Либерально-исламскую ассоциацию (Liberal-Islamischer Bund, LIB) и Турецкое сообщество Германии (Türkische Gemeinde in Deutschland, TGD). Первая была основана сравнительно недавно, а именно в начале 2010 года в городе Кельн, и именуется себя голосом либеральных мусульман Германии, цель которых быть представленными вне более консервативных организаций, о которых шла речь выше. Представители организации среди прочего говорят о «безоговорочном толковании» ислама, гендерном равенстве, создании семей однополыми парами, а также о противодействии религиозному обязательству для женщин носить головной платок. Вторая, созданная в 1995 году, специфически представляет интересы немцев турецкого происхождения и турок, проживающих в Германии. Представители данной организации особо подчёркивают свою независимость от религиозного и политического влияния различных руководящих органов и объединений. Они также говорят о своей прочной связи с ФРГ, которая, как они отмечают в заявлении о миссии своей организации, была и остаётся их общим домом [2].

Далее необходимо отметить, что приведённый выше список исламских сообществ Германии нельзя считать ни исчерпывающим, ни в полной мере репрезентативным. Об этом говорят и их представители и

мусульмане, не входящие в подобные организации. Приверженцы Ислама ФРГ – группа неоднородная, с разными культурными и национальными корнями, о представителях которой при этом зачастую делаются стереотипные заявления как в медиа, так и на обывательском уровне. Очевидно, что единственным по-настоящему универсальным критерием этой неоднозначной части населения является, собственно, религия, которую они исповедуют. Тем важнее преодолевать предвзятое отношение как к каждому отдельному мусульманину, так и организациям их объединяющим. Взять хотя бы список вопросов, которые услышит от журналистов или аналитиков во время публичной беседы представитель любой исламской организации, неважно насколько радикальной или религиозной. А именно: рассуждения относительно уместности / необходимости ношения головного платка в любой социальной ситуации, споры об актуальности обрезания, распространение информации об исламе и его течениях и степень её достоверности и непредвзятости, расспросы об отношении конкретного объединения к теме терроризма и экстремизма и т.д. Немецкий Фонд Бертельсманн, регулярно проверяющий значение религии для социальной сплоченности в ходе репрезентативных опросов общественного мнения в отчете «Монитор религии», высказывает предположение, что негативное восприятие мусульманской общины возникло не враз, а «последовательно укоренилось» в течение ряда лет. Интересно также отметить, что предвзятое отношение более заметно в восточном регионе, где мусульманское население менее представительно. Для сравнения: количество тех, кто считает ислам угрозой, составляет 57% на востоке Германии, против 50% в западной части страны. Примерно треть восточных немцев заявили, что не готовы к близкому соседству с мусульманами, в то время как на западе количество таких ответов составило менее значительные 16% [3]. «Существует тенденция воспринимать ислам как идеологию, а не как религию», – говорит в этой связи Ясмин эль-Менуар из Фонда Бертельсманна [4]. При этом власти Германии классифицируют как радикалов менее одного процента мусульман из тех, кто регулярно встречается в мечетях и молитвенных домах по всей стране. Закономерно, подобное разительное различие в

восприятию представителей ислама ведёт к росту исламофобии в немецком обществе.

По оценкам экспертов, восприятие мусульман в Германии никогда не было таким негативным, как в наше время. Об этом, в частности, говорит статистика Министерства внутренних дел ФРГ: количество нападений на почве исламофобии остаётся на прежнем уровне с 2017 года. В число преступлений на почве исламофобии входят нападение на мусульман и мечети, оскорбления – устные и в письмах, в том числе, с угрозами, а также физические расправы с нанесением телесных повреждений различной степени тяжести. Несколько цифр для сравнения. В 2018 году было совершено около 100 нападений на мечети и другие религиозные учреждения, а полицией было зарегистрировано 813 преступлений на почве ненависти к мусульманам. В 2019 году число таких преступлений составило 871 [5].

Исламофобия – это не только нападения, но также дискриминация, предвзятость и практика отчуждения на работе и в школах. Быть мусульманином в Германии значит иметь сложности с поиском работы по причине твоих религиозных убеждений и этнической принадлежности. Если ты успешно устроился на работу, приготовься к борьбе с дискриминацией на рабочем месте, в том числе к отказу в удовлетворении религиозных просьб, включая соблюдение пятничной общинной молитвы, ношение хиджаба и т.д. С одной стороны, в немецком государстве нет законодательного ограничения на ношение головных платков на национальном уровне. С другой по результатам исследований, работодатели в массе своей предвзято относятся к приёму на работу женщин, которые придерживаются этой религиозной традиции. В частности, оказалось, что, только 3% предприятий направляли приглашения на собеседования претенденткам, носящим хиджаб, против 18% в случае с представителями других религиозных течений и конфессий. В 2003 году по постановлению Федерального конституционного суда Германии учителя вправе носить хиджаб, поскольку это не противоречит ценностям Конституции, однако в отдельных федеральных землях может быть введён запрет на его ношение. Этим правом уже воспользовались в половине из 16 федеральных земель

страны, а в Гессенской области он коснулся не только учителей, но и всех государственных служащих. Позднее, в 2015 году конституционный суд отменил своё решение 2003 года, с формулировкой, что подобные запреты нарушают конституционное право на свободу вероисповедания, в том числе, будучи подкреплены представлениями относительно «абстрактного риска» ношения головного платка. Согласно постановлению суда, запрет 2003 года – это не только нарушение права на свободу вероисповедания, но и нарушение норм о защите от религиозной дискриминации, указанных в Конституции Германии [6].

Теперь рассмотрим ситуацию в образовательных учреждениях на примере одной из школ и одного из вузов. В октябре 2011 года постановлением Федерального административного суда Германии, учащимся-мусульманам было запрещено совершать свои полуденные молитвы на ее территории школ. По утверждению данного судебного органа, публичное произнесение молитвы, пусть даже за пределами класса, несёт с собой угрозу безопасности, а также не вписывается в установленный в учебном заведении распорядок дня. В качестве аргумента был назван тот факт, что в предыдущие годы учащиеся разных мусульманских общин вступали в конфликты на почве разногласий относительно точных требований Корана к молитвам. Также стоит отметить, что решение Федерального административного суда лишило законной силы постановление нижестоящего административного суда, который, напротив, подтвердил право школьников на произнесение молитвы. Характерно, что именно поддержка учащихся-мусульман вызвала волну критики, в том числе со стороны политических лидеров Христианско-демократического союза, Социал-демократической партии и "зеленых", которые в целом выступают за сильную интеграционную политику. Однако в ситуации с правом на исламскую молитву прозвучали заявления, что подобная религиозная деятельность станет препятствием для усилий по интеграции. В данном случае можно предположить, что причиной значительной части возражений послужил публичный характер молитв. В частности, один профессор в ходе слушаний заявил, что такие молитвы традиционно совершаются в группе и произносятся вслух (в отличие от христианских молитв, которые совершаются в одиночку и

происходят в молчании), а следовательно, по его мнению, несут бóльшую угрозу безопасности и благополучию других учащихся и педагогического состава. В случае с вузами на себя обращает внимание ситуация в Техническом университете Дортмунда, где была закрыта так называемая «комната молчания» – место, изначально предназначенное для чтения, релаксации и проведения встреч в небольших группах. Выяснилось, что это помещение было востребовано студентами-мусульманами в качестве молельной комнаты, что и послужило причиной для закрытия. По утверждению пресс-секретаря вуза, университет как государственное учреждение связан Основным законом, который провозглашает право на равное обращение мужчин и женщин; а значит, именно это право должна защищать администрация, и, следовательно, не может поощрять гендерное разделение. С большой долей вероятности, заявление было сделано на основании того, что помещения, где проходят мусульманские молитвы, по традиции разделены на две части по половому признаку [6].

От молитвенных комнат к молельным домам. В ходе постройки мечетей и в процессе их функционирования также возникают некоторые сложности. На данный момент в Германии их числится около 200. Часть затруднений возникает по причине получения некоторыми исламскими объединениями иностранной финансовой поддержки, поскольку большинство из них зарегистрированы и финансируются за счет сборов и пожертвований. Кроме того, немецкая политическая оппозиция нередко требует от мусульман, чтобы они пошли на различные уступки во время постройки мечетей, хотя на законодательном уровне не существует ограничений, влияющих на их деятельность или архитектурные требования к ним. Так, на мечети города Пфорцхайм дали разрешение установить минарет только при условии, что он будет не выше ближайшего церковного шпиля. Конфликты по поводу проектов строительства мечетей нельзя отнести к недавно возникшему явлению.

Однако существуют и более радикальные позиции: в программе своей партии «Альтернатива для Германии» выступает с инициативой полного запрета на строительство минаретов мечетей и призывов муэдзинов к молитве с уже существующих, а также призывает к запрету любых исламских символов и ограничению религиозных обрядов

мусульман [6]. Подобные высказывания существуют, несмотря на заявленные в немецкой конституции права религиозной свободы. В частности, в пунктах 1 и 2 статьи 4 Основного закона ФРГ каждому гражданину гарантировано основное право на свободу вероисповедания:

(1) Свобода веры, совести и свободы религии и убеждений неприкосновенны.

(2) Безупречная религиозная практика гарантирована.

Следовательно, свобода вероисповедания – это всесторонне понятное фундаментальное право. Неизменно концепция исповедания религии понимается и трактуется довольно широко как центральная основа любого убеждения. Однако невозможно отменить и тот факт, что содержание статьи 4 наделяет правом не только на внутреннюю свободу верить или не верить, но также даёт свободу любым безопасным способом выражать и распространять веру. В свою очередь, религиозная свобода означает равное отношение к религиям, что стало основой отсутствия государственной церкви в Германии. Одна из задач государства – придерживаться нейтральной позиции по отношению к религиям – оно не должно быть в праве одобрять или дискриминировать какую-либо религию [7].

Не только отдельные партии, но целые движения в Германии выступают против «исламизации Европы» и против иммиграционной политики правительства. Крупнейшая из них – «PEGIDA» – *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes* (Патриотические европейцы против исламизации Запада). Её основали в 2014 году в городе Дрезден Люциус Бахман и Катрин Эртель в противовес движению «исламизации» западного мира и неконтролируемой иммиграции в Германию. В том же 2014 году новой организации удалось провести акцию протеста среди местных жителей против, как было заявлено, размывания немецкой идентичности через иммигрантов. Среди требований PEGIDA можно выделить следующие: введение системы иммиграции, основанной на баллах, и более жестких мер депортации; проявление «нулевой терпимости» к иммигрантам, совершающим преступления; призывы к «защите иудейско-христианской западной культуры» [8].

Учитывая всё вышесказанное, хочется особо отметить, что даже при некотором росте исламофобии, наблюдаемой в Германии, примерно две

трети немцев говорят, что имеют «очень благоприятное» (10%) или «наиболее благоприятное» (55%) мнение о мусульманах (см. [1]). Правительство, очевидно, заинтересовано в поддержании мирных и равных взаимоотношения между представителями многочисленных конфессий, в том числе за счёт успешной социально-политической интеграции мусульман в немецкое общество. Ещё в 2006 году тогдашний министр внутренних дел страны Вольфганг Шойбле (Wolfgang Schäuble) стал инициатором создания форума Deutsche Islam Konferenz (Исламская конференция Германии), давшим основу для ведения постоянного диалога между немецким государством и мусульманами, проживающими в Германии. Эта общенациональная конференция (с участием федеральных, региональных и местных властей) появилась в ответ на сформировавшееся к тому моменту более заметное присутствие мусульман как значимой группы населения в стране (см. [7]). Главная цель Исламской конференции Германии – это создание условий для мусульман страны, в которых они станут ощущать себя и, что немаловажно, будут восприниматься другими как полноправная и равноправная часть немецкого общества. Это может быть достигнуто, как уже отмечалось выше, в процессе улучшения диалога между государством и приверженцами ислама, что в свою очередь, даст возможность постепенно и наименее болезненно интегрировать мусульман и их религиозное право в социально-политическую жизнь. А также будет способствовать социальной сплоченности в стране и, в результате, станет препятствием для поляризации и сегрегации на почве религиозных и культурных различий (см. [7]).

Из недавних событий необходимо отметить четвертую Немецкую исламскую конференцию, которая состоялась 28 ноября 2018 года, в ходе которой более 200 наиболее заметных представителей религиозной и политической сферы, а также учёных встретились и обсудили роль ислама в жизни и развитии Германии. По её итогам в речи генерального секретаря Исламского совета ФРГ, в очередной раз было отмечено, что ключевой приоритет на подобных встречах отдаётся диалогу с представителями государства, направленному на возможное решение проблемы мусульман, в том числе требующие целесообразной косвенной и прямой поддержки со стороны государства [9].

В качестве заключения, следует отметить, что в последнее время мусульмане Германии продолжают сталкиваться со значительными проблемами, начиная с резкого роста числа нападений на их представителей и заканчивая дискриминацией в социуме. Тот факт, что немцев, относящихся к мусульманам в позитивном ключе все же больше, позволяет надеяться, что в скором времени исламофобию в немецком обществе получится свести к минимуму или вовсе ликвидировать. Этот процесс не может быть одномоментным и затрагивает разные сферы социальной реальности, и очевидно, что Правительству необходимо кардинально изменить свою политику в отношении мусульманского населения, а именно перестать обращаться с ними как с отдельной группой немецкого населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Europe's Growing Muslim Population // Pew Research Center – 2017. – URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 22.07.2020).
2. Machtans K. “Racism Is Not an Opinion”: Muslim Responses to Pegida and Islamophobia in Germany / K. Machtans // German Politics and Society. – 2016. – Vol. 34. – №. 4. – С. 87-100.
3. Intolerance toward Muslims in Germany growing, survey finds// Dailysabah – 2019. – URL: <https://www.dailysabah.com/islamophobia/2019/07/13/intolerance-toward-muslims-in-germany-growing-survey-finds> (дата обращения: 02.07.2020).
4. Goethe-Institut: official site. – Berlin., 2020 – URL: <https://www.goethe.de> (дата обращения: 15.05.2020).
5. It's anti-Muslim hatred, not “Islamophobia”//TRT World – 2019. – URL: <https://www.trtworld.com> (дата обращения: 18.07.2020).
6. 6. Abdelkader E. A Comparative Analysis of European Islamophobia: France, UK, Germany, Netherlands and Sweden / E.Abelkader // UCLA J. Islamic & Near EL. – 2017. – Vol. 16. – С. 38.
7. Deutsche Islam Konferenz: official site. – Berlin., 2019 – URL: <http://www.deutsche-islam-konferenz.de> (дата обращения: 08.07.2020).
8. “The worst intellectual instigator since Goebbels!”// POLITICAL OBSERVER ON POPULISM–Zürich., 2020 – URL: <https://populismobserver.com/2015/12/07/the-worst-intellectual-instigator-since-goebbels/> (дата обращения: 28.07.2020).
9. Why the German Islam Conference misses the reality of Muslims in Germany//TRT World – 2018. – URL: <https://www.trtworld.com> (дата обращения: 18.07.2020).

PLOTNIKOVA Evgenia N. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: plotnikova_en@spbstu.ru

STEPANYAN Aleksandra S. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: stepanyan.alexandra@gmail.com

CHANGES IN THE CULTURAL AND RELIGIOUS SPHERE OF GERMANY IN CONNECTION WITH THE GROWTH OF MIGRATION

This article analyzes and describes the changes that have occurred in the cultural and religious sphere of modern Germany as a result of the migration crisis. The undoubted relevance of the topic presented is confirmed by the importance of this area in shaping the socio-political agenda in Germany. The migration policy of the German government affects all spheres of the life of German society, however, it seems that transformations in the cultural and religious fields will lead to irreversible, difficult to control phenomena. It is obvious that the appearance of Germany will become completely different, which makes some researchers and experts say that Germany is, in fact, self-liquidating, while others argue that the country will acquire new elements of national identity.

GERMANY; MIGRATION; MUSLIMS; ISLAM; ISLAMOPHOBIA;
TURKEY; ISLAMIC ORGANIZATIONS

УДК: 316.776

Е. Г. Поздеева, Е. А. Лайус

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ МЕДИАОБРАЗОВ НА ИНТЕРЕС МОЛОДЕЖИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЫБОРУ

ПОЗДЕЕВА Елена Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: pozdeeva_eg@spbstu.ru

ЛАЙУС Евгения Андреевна – магистр Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: lajus.ea@edu.spbstu.ru

В статье анализируются проблемы влияния медиасферы, в которой формируются образы профессионала, на профессиональный выбор и профессионально-личностное развитие молодежи. Дается анализ структурных и динамических характеристик медиаобразов, подчеркивается традиционное значение кинематографа как важного социализирующего канала. На материале социологических опросов среди молодежи и среди врачей формулируются проблемные аспекты исследовательских подходов к образу профессионала, подчеркивается возрастающая роль медиаобразования.

ОБРАЗ; КОММУНИКАЦИЯ; МЕДИАПРОСТРАНСТВО; ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР; МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ; АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ

Современные политические, социокультурные и технологические факторы, влияющие на медиапространство, непосредственно отражаются на восприятии медиаобраза героя, оказывают свое влияние на формирование профессиональной культуры и идентичности будущего специалиста. Медиагерой сегодня существенно меняется под воздействием динамичной рыночной ситуации, становится более рациональным [1] и четко понимающим свои интересы. Ряд авторов признают как определяющую роль экранного изображения в формировании мировосприятия современников [2]. Образ современного героя

складывается под влиянием цифровых технологий, получившего распространение клипового мышления, и находится в поле поиска новых смыслов, так как не закончен процесс пересмотра советского культурного наследия с его ценностями и нормами, богатого на образы героев своей эпохи.

Проблему влияния медиа на сознание и общество акцентировал еще М. Маклюен, он понимал под «медиа» любую технологию, которая усиливает человеческое восприятие и возможности человеческого тела [3]. Медийная плоскость существования и развития образа связывается сегодня с диалектическим процессом взаимодействия основных элементов образа – *tabula*, *pictura* и *imago*, – при ведущей роли последнего элемента [4]. Признается, что визуальный образ может быть «не равен» сам себе, в сложной взаимосвязи структурных элементов образа и их синергии с воспринимающим субъектом рождается новое качество, увеличивающее содержание образа. Причиной этого рассматривается соположение человека и видимого им образа [5]. С. Холл отмечал значение феномена репрезентации, лежащего в основании любых образов, представленных в знаково-символической форме [6].

Медиаобраз является сильным инструментом влияния на общественное мнение. Он представляет собой медийную модель реальности, фиксируемой информационными носителями и закрепляемой в общественном сознании [7; 8]. Он сконцентрирован на эмоциональной стороне события, о котором повествует медиасообщение.

Анализируя связь образов и имиджа, Г. Г. Почепцов сформулировал их основные характеристики [9, с. 636-646]:

- Тотальность, вытекающая из свойства образов пронизывать публичное пространство на основе действия различных каналов коммуникации;
- Адресность, раскрывающаяся в направленности воздействия на целевую группу;
- Актуальность как ориентация на отражение момента времени, происходящего «здесь и сейчас»;
- Суггестивность как способность внушать необходимые установки и побуждать к определенным действиям;

- Дискретность, что отражает намеренный акцент на отдельных деталях;
- Цитатность – отсылка к популярным «иконам» и «знакам»;
- Пластичность как способность образа претерпевать изменения в зависимости от изменения ситуации.

В работах американского психолога Дж. Гибсона развивается «экологический подход» к визуальному восприятию [10]. Он считает, что восприятие визуального протекает в границах, которые способствуют процессу идентификации наряду со знаками, отраженными на поверхности. Наблюдаемые стабильные характеристики объектов способствуют созданию смыслов, на основании чего складывается модель реальности, служащая ориентиром для субъекта. А те свойства объекта, которые не соответствуют критериям устойчивости, исключаются из нашего поля зрения, именно поэтому для нас наиболее достоверным может считаться то, что видимо. Таким образом, наше внимание больше ориентировано на объекты, отличающиеся замкнутостью, целостностью, плоскостным изображением.

Развивая идею репрезентации образов, Е.Ю. Рождественская подчеркивает, что коммуникативные практики структурируются в зависимости от исходящей триады значения, смысла и символа, а также зависят от того, кто смысл производит и как представляет себе адресата [11]. Таким образом, создаваемый медиапродукт (образ) является копией репрезентируемого объекта, которая может отличаться от оригинала, что и позволяет говорить о конструируемой картине мира, репрезентуемой с помощью СМИ [12].

Подход к образам А. Бергера имеет черты сходства с подходом Гибсона, так как основан на принципе «видеть – значит верить» [13]. Человек избирательно подходит к воспринимаемой информации и в этом смысле становится конструктором своего мира. Бергер считает, что при анализе образов формальные и содержательные показатели в коммуникационном процессе должны дополняться анализом кодирования с технологических, лингвистических, жанровых, эстетических и идеологических позиций.

Социологи согласились с тем, что анализ визуального медиаобраза как объекта исследования должен производиться в комплексной исследовательской методологии. Акцентируя комплексный подход, Г. Роуз обращает внимание на необходимость учета в исследовании таких процессов, как производство, строение и потребление образов посредством СМИ [14, с. 6-27]. В исследовательских практиках подход к образу предполагает, что образ является не только изображением в широком смысле, но и в то же время медиумом - носителем и средством передачи этого изображения в медиaprостранстве.

Если образ, оказывающий влияние на сознание, закрепляется и становится ключевым для определенной аудитории, то чем шире становится охват аудитории, тем большее распространение получает и сам медиаобраз. Так, персонажи кинематографа формируют собирательный медиаобраз, которому характерно определенное поведение в профессиональной сфере и в жизни, техника киноизображения (использование крупного плана, особенности музыкального и фонового сопровождения, передача интонации) закрепляет представление о киногерое как о реальном человеке. И этот герой занимает свое место в мировоззренческой системе и может служить ориентиром для профессионального самоопределения, для саморефлексии и развития личности.

Сегодня в России, несмотря на бурный рост интернет-технологий и сетевых предпочтений, роль телевидения и кинематографа в медиапотреблении остается очень высокой. По данным социологических опросов, каждый день телевизор смотрели 72% населения страны (2018 г.), в будние дни 35% населения проводили перед телевизором не менее 3–4 часов, а в выходные и праздничные дни почти 30% зрителей отводили телевизионному пространству по 7–8 часов [15, с. 41].

Согласно мнению классика социологии коммуникаций М. Маклюэна, кино следует относить к типу «горячих» средством коммуникации. Благодаря тому, что кинофильмы переносят зрителя в искусственно сконструированный мир, подчас далекий от реальности, кинематограф оказывает на зрителя подчиняющее воздействие [16]. По мнению главного отечественного теоретика отрасли социологии кино

М.И. Жабского, взаимовлияние кинематографа и общества раскрывается в утверждении: публика репрезентирует общество в акте кинопотребления [17, с. 9]. Важная роль кинематографа связана с выполнением им социализирующей функции: через демонстрацию поведенческих моделей он воздействует на социальные установки субъекта, предлагает свои схемы миропонимания и чувствования, тем самым развивает культуру личности, влияет на идентичность [18].

Сегодня главными сферами производства медиаобразов остаются кино и интернет, через их влияние происходит формирование отношений к медиагероям, строятся виртуальные «следы» коммуникации, соединяющие пространство и время. Несмотря на то, что само медиaproстранство податливо идеологическому контролю, как и другие сложные социальные системы, оно еще обладает и свойствами гибкости, изменчивости, что затрудняет и создает свои ограничения для управления.

Кинематограф занимает особое место в медиaproстранстве благодаря оказываемому системному влиянию и представляет собой феномен, парадоксальный по своей сущности и социокультурным последствиям. Этот факт осознают и ученые, и зрители, так как кинофильмы приобрели в общественной жизни статус, превосходящий по значению все другие каналы влияния. Можно сказать, что сегодня кинематограф фактически отвечает в медиaproстранстве за дублирование реальности, создание более привлекательной и упрощенной копии нашей жизни, он творчески продуцирует новый ландшафт культуры, все больше опираясь на новые технологии.

Исследование образа представителя профессии в кинематографе основано на том, что кинематограф в киногероях акцентирует актуальный набор профессиональных и личностных характеристик, поддерживая запрос на специалиста данной сферы и социальные ожидания по отношению к нему, его поведению и результатам деятельности. Искусство кино отражает социальный контекст, сегодняшнюю ситуацию, проблемы и тенденции, характерные обществу и социально-профессиональному сообществу, в рамках которых действует как идеал, так и повседневный тип.

Одним из актуальных направлений исследования является социологический анализ влияния медиаобразов на выбор молодежью профессии и формирование идеального образа профессионала. Поэтому одним из инструментов такого анализа может быть взят медиагерой, представляющий собой носителя наиболее характерных качеств, успешный в своей деятельности и выступающий в качестве ориентира. Для изучения вопроса о том, есть ли такой медиа- или киногерой для молодежи, был предпринят ряд исследований.

На базе Санкт-Петербургского политехнического университета нами было проведено групповое интервью среди студентов, направленное на выявление влияния современных медиаобразов на выбор ими профессии (в опросе приняли участие 50 студентов 1 курса бакалавриата (направления «Экономика», «Юриспруденция»). Студентам были заданы вопросы о том, что они думают о влиянии современных медиаобразов, какие образы героев оказали воздействие на их выбор профессии. Большинство студентов говорили о кинематографических образах, их основные ответы отражены в следующих формулировках:

«В настоящее время кинообразы оказывают сильнейшее влияние на выбор профессии»

«Я считаю, что образ человека в фильме не влияет на большую социальную группу, большинство забудет то, что они видели».

«По моему мнению, современные кинообразы никак не влияют на выбор профессии ввиду кардинальной разницы между жизнью в кино и жизнью в России».

«Медиаобразы положительно влияют, когда демонстрируют хороший пример, они помогают человеку выбрать ту профессию, которая ему больше подходит. Но могут и отрицательно влиять, когда образ ложный, основан на иллюзиях относительно профессии».

«Благодаря современным кинообразам многие фильмы позволяют наблюдать за всеми сегментами профессии».

«Я считаю, что в настоящее время кино/медиа никак не влияет на выбор профессии молодежи».

В ходе анализа результатов интервью выяснилось, что для респондентов образы, создаваемые в современном кинематографе, скорее

мало влияют на представление о представителе профессии. Однако, большинство участников опроса считают, что в центре внимания оказался сегодня образ врача, который стал более частым героем медиапространства, что объяснимо в том числе и в условиях пандемии. Именно образ врача, по мнению студентов, может способствовать тому, чтобы молодежь делала выбор в пользу этой профессии, которая стала ключевой в сложившихся условиях. Студенты также отметили положительные моменты влияния кинообразов врачей: сегодня есть множество фильмов, в которых врач показан истинным героем, спасающим человеческие жизни; достаточно внимания уделяется в кино уделено повседневным ситуациям общения в медицинской сфере; студенты следят за проблемами биомедицины и этики медицинской профессии, за новыми разработками и проблемой ответственности. Среди фильмов, к которым было приковано внимание, были названы такие как: «Доктор Хаус», «Склифосовский», «Анатомия страсти», «Доктор» [19].

Интерес к медиаобразу врача ставит проблему развития системного подхода в исследованиях, образ врача следует изучать как со стороны потенциальных медиков, выбирающих профессию, выявляя факторы влияния на этот выбор, так и со стороны сотрудников сферы здравоохранения и со стороны пациентов.

С целью изучения влияния медийных образов на профессиональное развитие авторами было проведено интервью среди врачей - сотрудников медицинской организации СПбГБУЗ «Поликлиника 7» (количество участников – 7 человек, июль, 2020г.). Интервью фокусировало отношение врачей к тому, как изображен представитель врачебной профессии силами современного кинематографа и как это, по их мнению, отражается на мировоззрении и профессиональном становлении молодежи. На основе анализа мнений были сделаны следующие выводы:

- Молодежь скорее в меньшей степени ориентируется при выборе профессии на героев фильмов или сериалов, так как они относятся к кино больше как средству развлечения.
- Врачи считают, что отечественные сериалы про медицину лучше, чем зарубежные. Сериалы душевно и искренне раскрывают многие человеческие проблемы медицинской сферы. Но качество

кинематографического материала должно улучшаться с точки зрения современных технологий.

- Сериалы все же не полностью раскрывают суть работы врача, не показывают, что собой представляет работа в медицинском учреждении. Но в тоже время сериалы дают зрителям понимание того, что врачи – обычные люди, которые хотят жить обычной жизнью, а не работать 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Таким образом, проведенный анализ мнений молодежи и врачей позволил утвердиться в необходимости более глубоких исследований по данной теме. Врачи затруднились выделить общую систему основных качества врача, транслируемых медийными персонажами, что подчеркивает происходящий во врачебной профессии пересмотр и одновременно имеющую место закрытость и не востребованность данной проблематики.

Профессиональный имидж врача отражает сущностные аспекты социокультурного содержания самой профессии, он связан с впечатлением, которое создается в процессе взаимоотношений с пациентами, коллегами по работе, руководителями. Общий образ врача складывается на основе сочетания личностного и профессионального имиджей, которые сами по себе динамичны и отражают сформировавшиеся требования, несоблюдение которых чревато конфликтами, разочарованием и негативным отношением к врачу и медицине.

Реальность, служащая основой формирования образов такова, что в условиях пандемии люди стали больше понимать, что здоровье во многом зависит от работы врачей и медперсонала, но, в конечном счете, в большей степени от себя, культуры и дисциплины своего поведения. Медицину перестали воспринимать только как сферу услуг, что доминировало в последние десятилетия и оказало пагубное воздействие на отношения между врачом и пациентом. При этом по данным ВЦИОМ (2019г., опрос в 130 населенных пунктах России), состояние системы охраны здоровья остается одной из актуальных проблем для населения нашей страны. Граждан беспокоят низкое качество медицинских услуг (50%), не соответствующий требованиям уровень профессиональной подготовки

врачей (49%), недостаточная техническая оснащенность учреждений (39%), недоступность медицинской помощи (25%) [20].

Свое влияние на восприятие и формирование образа оказывает и фактор доверия медицине и врачам. По данным исследований, проведенных НИУ «Высшая школа экономики» совместно с Левада-Центром, российской системе здравоохранения не доверяет более половины населения страны. Эксперты отмечают, что почти две трети населения страны считают, что профессиональный уровень большинства врачей в России ниже, чем требуется (58%), а врачи больше заботятся о своих доходах, чем о пациентах (60%). Каждый пятый из опрошенных, вызывавших скорую помощь, сталкивался с проблемами (отказ в принятии вызова, долгое ожидание прибытия и др.) [21].

Следует отметить, что формирование медиаобразов отражает складывающиеся тренды коммуникационной сферы, с ее визуально-семантическими и стилевыми особенностями, которые говорят о новой медиаментальности и новых чертах языка коммуникации. Эти вопросы волнуют научное сообщество [22; 23]. В этой связи одним из дискуссионных вопросов выступает проблема влияния медиаобразования на профессиональное становление специалиста. Медиасреда стала сегодня активным элементом современного образовательного пространства. Медиаобразование основано на развитии и самоорганизации личности с помощью средств цифровизации и массовой коммуникации [24]. Оно также направлено на способность обучающихся критически осмысливать и интерпретировать медиатексты, образы и элементы цифровой реальности в их знаково-символической представленности. Медиаобразование включает разнообразие видов деятельности: работу с художественными, литературными, предметно-практическими материалами, освоение информационных технологий, навыки поиска и анализа информации, работу с камерой и видеоматериалами, исследовательские практики. Это способствует развитию новых компетенций, востребованных в динамично меняющихся рыночных условиях. Медиаобразовательная модель направлена, прежде всего, на развитие медиатехнологий с обращением к виртуальной и дополненной реальности, что должно обеспечить большую

вовлеченность и самостоятельность [25], реализовать индивидуальные преимущества и жизненные цели студентов.

Таким образом, несмотря на то, что студенты не указывают на сильное влияние медиаобразов на совершаемый ими выбор профессии и профессиональное самообразование, тем не менее, роль медиасреды и ее инструментов повышается. На это оказывает свое воздействие расширяющаяся сфера медиаобразования, а также продолжает играть ведущую роль кинематограф, реализующий социализирующую функцию киноискусства. По мнению молодежи, сегодня особенно четким является влияние медиагероев врачебной профессии, что актуализирует исследования в этом направлении. Молодежь пристально следит и оценивает профессиональные и личностные, коммуникативные и технологические аспекты символизации профессиональной сферы, воплощенные в героях. К сожалению, пока ощущается недостаток медиагероев, выделенных в профессиональной плоскости, что связано с неразвитостью публичных элементов социального пространства, где бы акцентировалась проблема профессиональной культуры и идентичности формирующихся профессионалов. В научной плоскости наблюдается дефицит междисциплинарных исследований, затрагивающих основные тренды профессий и новые возможности, вытекающие из стремительно развивающейся области включения новых цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Лайус Е.А.** Идентификационные аспекты воздействия рекламных образов в кинематографе. Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (VIII Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2019 года, г. Ставрополь, СКФУ). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – С.141-143.
- 2. Кабакова А.В.** Особенности формирования экранного образа врача в англоязычном кинематографе на примере американского сериала "Доктор хаус" // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №7–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-ekrannogo-obraza-vracha-v-angloyazychnom-amerikanskogo-seriala-doktor-haus> (дата обращения: 24.09.2020).
- 3. Маклюэн Г.М.** Интервью для Playboy. URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2> (дата обращения: 25.09.2020).
- 4. Инишев И.А.** «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос, 2012, Т.85. №1. – С.181-211.

5. **Реутов А.С.** Визуальные исследования современной культуры: феноменологический аспект: автореф. дис ... канд. филос. наук: 09.00.13 /А. С. Реутов. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2018. – 35 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vizualnye-issledovaniya-sovremennoi-kultury-fenomenologicheskii-aspekt> (дата обращения: 12.09.2020).
6. **Hall S.** The Work of Representation // Representation. Cultural Representation and Signifying Practices / Ed. By S. Hall. SAGE Publ., 1997, pp. 13-74.
7. Система средств массовой информации России. Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2001.
8. **Галинская Т.Н.** Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2015. №11 (160). – С.91-94.
9. **Почепцов Г.Г.** Имиджелогия. М.; К., 2002. – 574с.
10. **Гибсон Дж.М.** Экологический подход к зрительному восприятию. Перевод с английского А.Д. Логвиненко. М.: Изд-во КоЛибри, 1988. – 464с.
11. **Рождественская Е.Ю.** Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений//Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С.28-42.
12. **Сарна А.Я.** Образ и медиум. Основные принципы и методы анализа визуальных текстов СМИ. /Теория и методы исследований социальной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 2/Под ред. О.В. Терещенко. Минск: БГУ, 2009. С. 119-132.
13. **Бергер А.** Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. 2-е издание, перевод с английского Д.Н. Ищенко М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 288 с.
14. **Rose G.** Visual Methodologies / G. Rose. – London: SAGE Publications, 2007. – 287 p.
15. **Грабельников А.А.** Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 343с.
16. **Маклюэн Г.М.** Понимание медиа: внешние расширения человека. Пер с англ В. Николаева. Закл.ст М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 2003. – 464с.
17. **Жабский М.И.** Социология кино. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. – 512 с.
18. **Мкртычева М.С.** Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012, № 12. – С. 113-118.
19. **Лайус Е.А., Поздеева Е.Г.** Конструирование образа врача в современном кинематографе. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 362-366.
20. Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль. URL: <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067> (дата обращения: 21.10.2020).
21. Страна недоверия. URL: <https://iq.hse.ru/news/177670834.html> (дата обращения: 23.10.2020).

22. Шипунова О.Д., Коломейцев И.В. Специфика управления массовым сознанием в информационном поле е-культуры. Векторы благополучия: экономика и социум, 2019, № 1(32), С. 177-188.

23. Шипунова О.Д. Коммуникативные среды и ментальный опыт в моделировании будущего. Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды IX Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 20-24.

24. Поздеева Е.Г. Цифровизация и социальное пространство: проблемные проекции на сферу образования. Информация – Коммуникация – Общество. 2019. Т. 1. С. 256-261.

25. Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Проблемы адаптации студентов-первокурсников к дистанционным формам обучения в университете. Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 197-199.

POZDEEVA Elena G. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: pozdeeva_eg@spbstu.ru

LAYUS Evgeniya A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: lajus.ea@edu.spbstu.ru

THE PROBLEM OF THE INFLUENCE OF MEDIA IMAGES ON THE INTEREST OF YOUTH TO PROFESSIONAL CHOICE

The article analyzes the problems of the influence of the media sphere, in which the images of a professional are formed, on the professional choice and professional and personal development of young people. The analysis of the structural and dynamic characteristics of media images is given, the traditional importance of cinema as an important socializing channel is emphasized. Based on the material of sociological surveys among young people and among doctors, problematic aspects of research approaches to the image of a professional are formulated, and the growing role of media education is emphasized.

IMAGE; COMMUNICATION; MEDIA SPACE; PROFESSIONAL CHOICE; MEDIA EDUCATION; STUDENT ACTIVITY

УДК: 341.1

Е. Ю. Родина, М. А. Ермолина

СТАНОВЛЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США В XX ВВ.

РОДИНА Екатерина Юрьевна – студентка Факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: rdnekaterina@mail.ru

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна (научный руководитель) – кандидат юридических наук, доцент кафедры Мировой политики Факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: ermolinama@gmail.com

С начала 20 века экологические проблемы стали сферой интересом многих развитых стран мира. Именно тогда Соединённые Штаты Америки начали проводить активную природоохранную политику и во многом послужили ориентиром для других стран. Целью данной статьи является анализ развития экологической политики на территории США в 20 веке. Данная статья посвящена определению основных тенденций и направлений, характерных для формирования американской политики в сфере охраны окружающей среды. В работе были выделены основные этапы и характерные черты развития природоохранного законодательства на территории США. В результате было определено, что, несмотря на то, что становление экологического законодательства на территории США начало осуществляться в конце 19 века, основная часть законов в сфере защиты окружающей среды была принята именно в период 60-80х гг. 20 века.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА; ПРИРОДООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США; ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Первые меры по охране окружающей среды на территории Соединенных Штатов стали предприниматься еще в начале 19 века, когда по предложению граждан, местные власти начали создавать парки, заповедники и различные резервации. Однако правовая основа экологической политики США начала формироваться лишь к концу столетия. В 1862 году Авраам Линкольн основал Министерство сельского хозяйства США, Национальную академию наук в 1863 году и издал ряд других важных законодательных актов, которые помогли создать основу,

на которой будут строиться более поздние законы. К первому федеральному закону, регулиющему охрану окружающей среды, можно отнести создание заповедника Йеллоустоун [1]. В 1872 году президент Улисс Грант подписал закон, согласно которому территория около озера Йеллоустоун была объявлена национальным парком, первым в истории США. В 1876 году по инициативе Конгресса при Министерстве сельского хозяйства США было создано специальное агентство для оценки состояния лесов [2]. В 1881 году агентство переквалифицировалось в Отдел лесного хозяйства. Дальнейшее развитие агентство получило уже в начале следующего столетия.

К началу 20 века экологическая политика США приобрела новый импульс. Во многом это было связано с приходом к власти нового президента США Теодора Рузвельта в 1901 году. Будучи на посту президента, Рузвельт принял огромное число законов об охране природы, в основном сосредоточенных на усилиях по защите дикой природы. Так, первый закон, принятый по его инициативе, носит название Lacey Act, согласно этому закону для осуществления охотничьей деятельности отныне требовалась лицензия [3]. Также большое внимание Рузвельт уделял созданию заповедников и национальных парков, выступая за сохранение природных экосистем. В 1905 году Конгресс передал заповедники, находящиеся в ведении Министерства внутренних дел, Министерству сельского хозяйства США. В этом же году была создана Лесная служба США (на базе агентства, созданного в 1876 году). В 1908 году, по инициативе Теодора Рузвельта, была созвана конференция штатов Америки для разработки Основ природоохранной политики, а в 1915 было образовано Американское экологическое общество.

За 8 лет президентства Рузвельт увеличил площадь охраняемых земель до 230 млн. акров. Он создал 150 новых национальных лесов, 5 национальных парков и 51 заповедник – часто с помощью исполнительных распоряжений (в общей сложности Теодор Рузвельт издал более 1000 указов, что почти в 10 раз больше, чем у его предшественника Уильяма МакКинли). В 1906 году Конгресс принял Закон о древностях, предоставив президенту право создавать национальные памятники на федеральных землях, в результате чего за период 1906–1909 было создано 18 национальных памятников [4].

Важным шагом в формировании государственной природоохранной политики стало создание Службы национальных парков. Когда Служба была создана в 1916 году – через семь лет после ухода Рузвельта с поста – новая организация должна была управлять 35 объектами. Рузвельт помог создать 23 из них. Сейчас число охраняемых Службой национальных парков объектов достигает 369, в том числе 54 национальных парка [3].

Считается, что большинство основных природоохранных законов были приняты во время современного экологического движения, охватывающего конец 1960-х – начало 1980-х годов. До принятия этих законов большинство федеральных природоохранных актов были не столь всеобъемлющими. Тем не менее, уже на рубеже 50х были предприняты значительные шаги в природоохранной сфере. В 1946 году было создано Бюро землепользования (Bureau of Land Management), которое до сих пор является крупнейшим распорядителем национальных американских земель [5]. В 1948 году был принят Закон о загрязнении вод (Water Pollution Act). А Закон о контроле за загрязнением воздуха (Air Pollution Control Act), изданный в 1955 году, был первым федеральным законодательством США, касающимся загрязнения воздуха. Однако, именно в 60-е годы государственная экологическая политика приобрела новый всплеск, связанный с принятием очень важных природоохранных законов. В 1963 году был принят Закон о чистом воздухе (Clean Air Act), который стал фактически первым законодательным актом, который, в отличие от закона 1955 года, регулировал «контроль» загрязнения воздуха [6]. В 1964 г. – Закон о сохранении лесов (Wilderness Act) и Закон о фонде защиты земли и воды (Land and Water Conservation Act). Принятый в 1965 году Закон о контроле за автомобильными выбросами (Motor Vehicle Air Pollution Control Act) является поправкой к Закону США о чистом воздухе 1963 года. Эта поправка установила первые федеральные нормы выбросов транспортными средствами. Закон о качестве воздуха (Air Quality Act) 1967 г. разделил территорию Соединенных Штатов на регионы для дальнейшего мониторинга состояния воздуха, а также установил единые нормы выбросов стационарных источников. В 1968 г. Конгрессом был принят Закон о диких и живописных реках (Wild and Scenic Rivers Act, WSR) и создана Национальная система диких и живописных рек (National Wild and Scenic Rivers System).

Значительные меры в регулировании охраны окружающей среды были предприняты во время президентства Ричарда Никсона (1969–1974). Несмотря на то, что Никсон принадлежал к Республиканской партии, представители которой достаточно лояльно относились к проблемам окружающей среды, он уделял много внимания развитию природоохранного законодательства. Именно по время президентства Никсона, его преемника Джеральда Форда (1974–1977) и демократа Джимми Картера (1977–1981) были приняты многие основополагающие законы Соединенных Штатов в сфере охраны окружающей среды. 1 января 1970, уже через год после назначения Никсона на пост президента, на федеральном уровне был издан Закон о государственной экологической политике (National Environmental Policy Act, NEPA), ставший одним из основополагающих природоохранных законов в Соединенных Штатах. Позднее, 2 декабря 1970, на основе данного закона, с целью объединения в одном агентстве различных федеральных исследовательских центров для мониторинга и установления стандартов и правовых основ для обеспечения защиты окружающей среды, было создано Агентство по охране окружающей среды США (USEPA/EPA United States Environmental Protection Agency) [7]. Также, согласно закону О национальной экологической политике, был учрежден Совет по качеству окружающей среды (CEQ) при Администрации Президента. Совет должен осуществлять надзор за работой Агентства, разрабатывать и рекомендовать президенту национальные стратегии, которые способствуют улучшению качества окружающей среды и достижению национальных целей [8].

Также важным шагом в развитии природоохранного законодательства в период 70х – 80х гг. стало принятие большого количества законов в сфере защиты окружающей среды. Так, в 1972 году был принят закон о чистой воде (Clean Water Act), основа которого была принята еще в 1948, однако в 1972 году этот закон был значительно реорганизован и расширен. В 1973 году был принят Закон о защите моря, исследованиях и заповедниках (Marine Protection, Research, and Sanctuaries Act), в 1974 – Закон об исчезающих видах (Endangered Species Act), главной целью которого стала защита и восстановление видов, находящихся под угрозой исчезновения, а также сохранение экосистем в

которых они обитают [9]. В 1974 году, с целью регулирования природных и антропогенных загрязнений питьевых ресурсов, был принят Закон о защите питьевой воды (Safe Drinking Water Act) [10]. Согласно принятому в 1976 году Закону о сохранении и восстановлении ресурсов (Resource Conservation and Recovery Act) EPA получило право контролировать систему утилизации опасных отходов – от производства и до их ликвидации [11]. В 1980 г. вступил в силу Общий закон о воздействии на окружающую среду, компенсациях и ответственности (Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act (Superfund)). Данный закон учредил Федеральный «Superfund» для регулирования отчистки заброшенных объектов с опасными отходами, а также контроль за авариями, разливами и другими аварийными выбросами загрязняющих веществ в окружающую среду [12].

40-й президент США Рональд Рейган (1981–1989), стремившийся уделять большее внимание вопросам экономики и свободного рынка, значительно уменьшили масштабы государственной природоохранной деятельности. Главную цель Рейган видел в экономической выгоде, именно поэтому экологические проблемы часто игнорировались, а регулирование деятельности по охране окружающей среды переходило в руки лиц, которых вопросы экологии волновали в меньшей степени. Так, в качестве главы Агентства по охране окружающей среды США была назначена Энн Горсуч, а Министром внутренних дел – Джеймс Г. Ватт. Ватт и Горсуч не показали себя как люди, заинтересованные в защите охраны окружающей среды. Грег Уэтстоун, директор по пропаганде в Совете по защите природных ресурсов, который служил во времена Рейгана в качестве главного советчика по окружающей среде в Комитете по энергетике и торговле Палаты представителей, отмечал: «Никогда Америка не видела двух более противоречивых и откровенно антиэкологических политических назначенцев, чем Уотт и Горсуч». Оба политика действовали исходя из экономических интересов [13]. Так, Горсуч, посчитав Агентство чрезвычайно нерентабельным, сократила его бюджет более чем на 22% [14]. Уотт же бы яростным сторонником использования федеральных природных земель для коммерческих целей: он реализовал офшорную лизинговую программу, которая предлагала

практически всю береговую линию США – 1 миллиард акров – для бурения нефтяных и газовых скважин и провел крупнейшую в истории сделку по аренде угля, продав на аукционе 1,1 миллиарда тонн угля в бассейне реки Паудер в Монтане и Вайоминге. Уотт втрое увеличил количество земельных участков на суше, сдаваемых в аренду для разведки нефти и газа, и вдвое увеличил площади, сдаваемые в аренду для геотермальных ресурсов [15].

Республиканец Джордж Буш-старший (1989–1993), несмотря на попытки балансирования между «экологией и экономикой», в первые годы своего срока предпринял достаточно важные шаги в сфере природоохранной политики. Первым шагом стало назначение главой ЕРА инвайронменталиста – Уильяма Рейли. Вторым важным шагом стало принятие в 1990 г. новых поправок к Закону о чистом воздухе. В июне 1989 года президент Буш предложил радикально пересмотреть Закон о чистом воздухе. Опираясь на предложения Конгресса, выдвинутые в 1980-х годах, президент предложил закон, целью которого было решение трех основных угроз для окружающей среды страны и здоровья миллионов американцев: кислотные дожди, загрязнение городского воздуха и токсичные выбросы в атмосферу. В предложении также содержался призыв к созданию национальной программы выдачи разрешений, чтобы сделать закон более действенным, и усовершенствованной программы правоприменения, чтобы помочь обеспечить лучшее соблюдение закона [16]. Новый закон совмещал в себе использование рыночных принципов и других инновационных подходов для решения экологических проблем. У. Рейли справедливо считал принятие этих поправок своим самым значимым достижением на посту руководителя ЕРА [14]. Однако, как отмечает кандидат политических наук и старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН Ровинская Т.Л., «к концу президентского срока экологическая политика правительства Дж. Буша ст. оказалась практически свёрнутой (некоторые нормативы были строго регламентированы, новые – заморожены)» [14; с. 88].

В 1993 году на пост президента вступил демократ Билл Клинтон (1993–2001), что ознаменовало более систематическую и продуктивную государственную экологическую политику, по сравнению со своим предшественником. В 1993 году Клинтон учредил Президентский совет по

устойчивому развитию и консультированию его по вопросам устойчивого развития и разработки «смелых, новых подходов к достижению наших экономических, экологических и справедливых целей» [17]. Главной целью создания Совета стало осуществление политики, которая бы способствовала устойчивому развитию, учитывая интересы различных групп. Совет обозначил 7 главных целей для осуществления своей деятельности: взаимосвязь между чистой окружающей средой и здоровьем людей, поддержание экономики США, сохранение, защита и восстановление природных ресурсов и др.

Клинтоном и вице-президентом Альбертом Гором были предприняты огромные шаги в сфере экологической политики. Так, в 1993 году был ликвидирован Совет по конкурентоспособности, который был создан администрацией Буша-Куэйла и часто использовался для обхода законов Об охране окружающей среды, в этом же году издан указ, предписывающий федеральным ведомствам сократить использование озоноразрушающих материалов и увеличить использование транспортных средств на альтернативном топливе. Также Клинтон издал указ, обязывающий федеральные ведомства максимально сократить загрязнение окружающей среды и сообщать общественности о любых токсичных химических веществах, которые выбрасываются в окружающую среду. 11 марта 1994 года Администрация объявила о новой инициативе, всеобъемлющей энергетической и экологической модернизации, которая включает в себя меры по озеленению, сокращению отходов, рециркуляции и повышению эффективности использования воды и энергии. 25 марта 1996 года президент Клинтон издал исполнительный указ о защите и сохранении национальной системы заповедников дикой природы для будущих поколений. За весь свой срок Клинтон издал десятки указов о сохранении природных угодий и животных, обитающих на территории Соединённых Штатов. В 1999 году президент опубликовал исполнительный меморандум, в котором ставилась цель – внедрение использования биоэнергии и биопродуктов в стране к 2010 году.

Таким образом, можно отметить, что за 60–80 гг. была принята большая часть действующих законов США в природоохранной сфере. Данный период характеризуется пристальным вниманием к охране окружающей среды со стороны государства. Однако с началом нового

десятилетия государственная экологическая политика во многом изменилась. С президентства Рональда Рейгана государственная экологическая политика США отчетливо стала делиться на два полюса- демократов, уделявших большое внимание вопросам охраны окружающей среды и республиканцев, сосредоточившихся в первую очередь на экономических выгодах. Тем не менее, в период с начала по конец 20 века в США были приняты самые важные и решающие природоохранные документы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Мироненко Т.Р.** Особенности экологической политики государств (на примере США и ФРГ) / Мироненко Т.Р. // Политика. – 2000. – № 1(15). – С. 164-166.
- 2. Our history.** U.S. Forest Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fs.usda.gov/learn/our-history> (дата обращения: 27.02.2020).
- 3. Алимов А.А., Меренков И.А.** Истоки экологической политики США: вклад Теодора Рузвельта и ее становление в развитии. // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 4. – С. 160.
- 4. Theodore Roosevelt and Conservation.** National Park Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nps.gov/thro/learn/historyculture/theodore-roosevelt-and-conservation.htm> (дата обращения: 27.02.2020).
- 5. Bureau of Land Management US Department of Interior** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blm.gov/about/how-we-manage> (дата обращения: 27.02.2020).
- 6. Cornell Law School. Legal Information Institute** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/7401> (дата обращения: 27.02.2020).
- 7. U.S. Environmental Protection Agency History** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epa.gov/history> (дата обращения: 27.02.2020).
- 8. Council on Environmental Quality** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/ceq/> (дата обращения: 28.02.2020).
- 9. U.S. Fish and Wild Service. Endangered Species Act** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fws.gov/endangered/laws-policies/> (дата обращения: 28.02.2020).
- 10. United States. Pub.L. 93–523; 88 Stat. 1660; 42 U.S.C. § 300f et seq. 1974-12-16.**
- 11. United States. Resource Conservation and Recovery Act. Pub.L. 94–580, 90 Stat. 2795, 42 U.S.C. § 6901 et seq., October 21, 1976.**
- 12. United States. Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980. Pub.L. 96–510, 42 U.S.C. § 9601 et seq., December 11, 1980.**
- 13. Little A. A look back at Reagan’s environmental record** [Электронный ресурс] / A. Little // Grist. – электрон. журн. – 2014. – Режим доступа: <https://grist.org/article/griscom-reagan/> (дата обращения: 03.03.2020).

14. Ровинская Т.Л. Становление государственной экологической политики США под влиянием «Зеленых» (XIX–XX вв.) / Т.Л. Ровинская // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – No 6. – с. 86–92

15. Prodis J. James Watt Is Back in the Saddle Attacking Environmental Causes: Politics: Former Interior secretary believes that special-interest groups pose greatest threat to the West's ecology // *Los Angeles Times*. [Электронный ресурс].1995. – Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-05-05-me-1873-story.html> (дата обращения: 03.03.2020).

16. 1990 Clean Air Act Amendment Summary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epa.gov/clean-air-act-overview/1990-clean-air-act-amendment-summary> (дата обращения: 03.03.2020).

17. Clinton White House. The President's Council on Sustainable Development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clintonwhitehouse2.archives.gov/PCSD/Overview/index.html> (дата обращения: 03.03.2020).

RODINA Ekaterina Yu. – Saint-Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: rdnekaterina@mail.ru

ERMOLINA Marina A. – Saint-Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: ermolinama@gmail.com

THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL POLICY IN THE UNITED STATES IN THE 20th CENTURY

Since the beginning of the 20th century, environmental issues have become the sphere of interest of many developed countries. It was then that the United States of America began to pursue an active environmental policy and served as a guide for other countries. The purpose of this article is to analyze the development of environmental policy in the United States in the 20th century. This article is devoted to determining the main trends and directions characteristic of the formation of American policy in the field of environmental protection. The paper highlights the main stages and characteristics of the development of environmental legislation in the United States. As a result, it was determined that despite the fact that the formation of environmental legislation in the United States began at the end of the 19th century, most of the laws in the field of environmental protection were adopted during the 60-80s of the 20th century.

ENVIRONMENT; ENVIRONMENTAL LEGISLATION; USA;
ENVIRONMENTAL POLICY

УДК: 659.4

Е. В. Сенина, А. А. Башкарев

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АСПЕКТОВ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И МУЗЕЕВ

СЕНИНА Екатерина Владимировна – магистрант, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: senina.ev@edu.spbstu.ru

БАШКАРЕВ Андрей Альбертович – кандидат политических наук, доцент, Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: bashkarev_aa@spbstu.ru

На современном этапе разработка инновационных технологий и их качественная презентация являются движущей силой экономического роста любой страны. Для повышения конкурентоспособности соответствующих мероприятий необходимо PR-продвижение, эффективное позиционирование. В статье рассматриваются стратегии позиционирования научных организаций и музеев, а также рекламный инструментарий, который выступает вспомогательной технологией в этом процессе.

НАУКА; МУЗЕЙ; НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ; ПРОДВИЖЕНИЕ; ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ

Постановка проблемы и актуальность исследования

Рынок товаров и услуг, где развивают свою деятельность научные организации и музеи можно назвать целой системой социально-экономических отношений между представителями этих учреждений и конечными потребителями. Для повышения эффективности функционирования данного сегмента, чаще всего, используют рекламу и различные PR-инструменты, которые позволяют: популяризировать новые научные концепции, достижения, отечественные проекты, создавать коллаборации на международном уровне.

В частности, большое количество внимания уделяют разработке эффективного позиционирования научных организаций и музеев, так как

оно позволяет выделиться среди конкурентов и привлечь внимание целевой аудитории [1; 2; 3].

С каждым годом конкуренция на рынке возрастает, поэтому изучение вышеописанных аспектов является крайне важным для развития научного сегмента.

Изложение основного материала

На современном этапе развитие научных организаций, где создаются новые технологии и научных музеев, где их презентуют, стало приоритетным для многих стран. С помощью продвижения данных учреждений увеличиваются объемы производства научной продукции, так как у потенциальных потребителей товаров/услуг увеличивается уровень заинтересованности к ним, а значит – появляется спрос. При этом залог успешного развития этого направления определяется в возможностях извлекать выгоду из деятельности организаций для страны.

Таким образом, информирование зарубежных партнёров и отечественной целевой аудитории о деятельности научных организаций позволит сформировать положительный имидж страны, увеличить экспорт научных разработок, а также наладит долгосрочные кооперационные связи. Это отражено в научных публикациях по данной проблеме [4; 5; 6; 7].

Для изучения особенностей продвижения и формирования эффективного позиционирования научной организации необходимо, в первую очередь, рассмотреть интерпретацию данного понятия.

Согласно статье №5 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»: «Научной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной научную и (или) научно-техническую деятельность, подготовку научных работников и действующие в соответствии с учредительными документами научной организации» [8].

В рамках научных организаций существует конкретная дифференциация и специализация, которая позволяет их классифицировать / типологизировать. Наиболее развернутую классификацию научных организаций предлагает академик Е.М. Бабосов [9].

В первый тип научных организаций он определяет исследовательские учреждения, функционирующих в академическом

сегменте – работники таких научных организаций разрабатывают новые концепции, создают инновационные проекты, ищут пути решения исследовательских проблем. Ко второму типу Е.М. Бабосов относит те организации, которые занимаются фундаментальными исследованиями, чаще всего, они функционируют в рамках высшей школы.

Третий тип сообществ – это научные организации, где проводятся прикладные исследования, направленных на решения конкретных исследовательских проблем. К четвертому типу относятся научные организации, которые функционируют в сегменте материального производства, то есть реализуют научные проекты, презентуют «достижения науки».

Исследователь В.А. Лобода акцентирует внимание на том, что основной движущей силой вышеописанных научных организаций, независимо от типа функционирования, является создание эффективного позиционирования в своем сегменте рынка. Под позиционированием стоит понимать совокупность индивидуальных критериев, которые отличают учреждение от аналогов. Важно, чтобы в позиционировании четко были прописаны основные преимущества организации [10].

Таковыми преимуществами могут быть: уникальные параметры пространства; место расположения; особые форматы взаимодействия с целевой аудиторией; использование инновационных технологий и многие другие аспекты. Приведем пример позиционирования инновационного центра «Сколково»: «Единое пространство для развития технологий» [11]. Из слогана можно понять – в научной организации занимаются инновационными разработками, а также презентуют результаты интеллектуального труда.

Научная организация «Агентство инноваций Москвы» сформулировало такое предложение для позиционирования: «Агентство инноваций объединяет крупный бизнес, город и технологические компании, чтобы сделать Москву мировой инновационной столицей» [12]. Главным преимуществом организации, исходя из позиционирования, является его стратегическое партнерство с другими компаниями, которые разрабатывают инновационные технологии и внедряют их для улучшения жизни в городе.

Процесс создания вышеописанного эффективного позиционирования для научной организации включает следующие аспекты: определяется

целевой сегмент и ценности аудитории; производится анализ конкурирующих аналогов; выбираются ключевые параметры, которые отличают научную организацию от другого учреждения; выбираются оптимальные методики из технологии «трансфер» для дальнейшего продвижения.

Параметры позиционирования транслируют в таких источниках информации:

- в публикациях официальных научных организаций;
- в публикациях государственных органов, министерств и других официальных средствах массовой информации;
- в публикациях научных сообществ;
- в книгах, научных журналах;
- в прайс-листах, каталогах и других фирменных публикациях [13].

Основной формой продвижения научной организации, а также продукции, которая была произведена в рамках этого учреждения, является трансфер. Под данным методом продвижения понимают передачу научных идей, знаний, наработок, продукции. Основная цель трансфера – популяризировать достижения научной организации. На современном этапе такой метод продвижения широко применяется в России. Для научных организаций актуальны такие технологии трансфера:

- обмен информацией между сотрудниками научных организаций на конференциях, выставках;
- обмен персоналом между организациями – позволяет в дальнейшем образовать стратегический альянс;
- предоставление оборудования в лизинг, которое находится во владении научной организации, с последующей передачей опыта работы с техникой;
- продажа лицензий на использование новых технологий;
- заключение соглашений о совместной работе исследовательских отделов [13].

Высокий уровень конкуренции на рынке вызывает необходимость в использовании этих средств и методов продвижения в комплексе, учитывая PR-цели и задачи научной организации.

Аналогичную деятельность осуществляют научные музеи. Исследователь Е.А. Воронцова типологизирует их по двум группам: научно-просветительские музеи и научно-исследовательские музеи [14].

Научно-просветительские музеи – это наиболее многочисленная и самая популярная группа. Основная функция таких учреждений – исследовательская деятельность и донесение ее результатов до общественности. Научно-исследовательские музеи – характеризуются локальной деятельностью, а именно – исследовательской. Таким образом, их главной функцией является выполнение дидактических задач.

В музейной PR-деятельности используют две стратегии позиционирования:

– Позиционирование научного музея (по типу деятельности, географии, целевой аудитории, а также месте его положении в социально-культурном, научном пространстве региона / государства / в международном сегменте).

– Позиционирование конкретного продукта или услуги, производимых в рамках научного музея [15].

Стратегия позиционирования должна сопоставляться с заявлениями, которые предлагают музеи, осуществляющие аналогичную деятельность. Формулировка должна быть запоминающейся, и соответствовать потребностям целевой аудитории, мотивировать ее посетить музей, или воспользоваться услугой / приобрести товар.

В основу позиционирования научного музея могут быть заложены такие параметры: атмосфера, формы работы с посетителями (как постоянными, так и новыми); территория; мотивы посещения; уникальные критерии; дополнительные услуги / товары; инновационная модель развития и многое другое [16].

Примеры удачного позиционирования можно найти, как в отечественной практике, так и зарубежной. Например, «Политехнический музей» (г. Москва) позиционирует себя следующим образом: «Мы открываем людям прошлое, настоящее и будущее науки. Работа музея – связывать воедино технические достижения прошлых лет, современные исследования и научные перспективы» [15]. В позиционировании сделан акцент на демонстрации отечественных достижений, поэтому в данном случае целью продвижения является PR самой организации, а не отдельного продукта или услуги.

Музей «Экспериментариум» (г. Москва) позиционирует себя так: «Музей занимательных наук Экспериментариум – это место для увлекательного изучения законов науки и явлений окружающего мира. У нас каждый может принять непосредственное участие в опытах и экспериментах» [17]. В этом позиционировании основной акцент сделан на взаимодействии с целевой аудиторией, а также на исследовательском концепте.

Для научно-просветительского музея Майкла Янга (США) был придуман следующий слоган: «Наш музей – это открытая беседа с наукой и искусством» («Museum is an open conversation with science and art») [15]. В этом позиционировании также в общих чертах сделан акцент на симбиозе двух направлений, которые направлены на презентацию деятельности всего музея.

Представленные примеры позволяют сделать вывод – позиционирование научного музея должно включать в себя сразу несколько аспектов: должно быть понято, что именно хотят донести целевой аудитории – характеристики самого учреждения, параметры товара или услуги; лаконичная формулировка в 1-2 предложения.

Помимо позиционирования необходимо определить инструменты, которые используют в комплексном PR-продвижении подобных организаций. Для научного музея актуальны следующие инструменты рекламы и PR:

- создание фирменного стиля (обязательное наличие фирменных цветов, логотипа, слогана);
- официальный сайт, где можно ознакомиться с особенностями деятельности музея;
- direct marketing (рассылка предложений туроператорам, партнерам, туристам);
- работа со СМИ;
- продвижение в социальных сетях;
- проведение мероприятий (ивент-маркетинг) [13].

В рамках комплексного PR-сопровождения представители научного музея формируют его имидж так, чтобы целевая аудитория понимала ценности, миссию деятельности, то есть популяризируют те параметры, которые нельзя оценить в денежном эквиваленте.

На основе вышеописанных аспектов позиционирования, PR-сопровождения научных организаций и научных музеев, можно составить сравнительную таблицу, которая позволит выявить принципиальные отличия по данным направлениям (таб.1).

Таблица 1.

Сравнительный анализ аспектов позиционирования научных организаций и музеев

№	Критерии	Научные организации	Научные музеи
1	Стратегии позиционирования	Методика «трансфер»	1.Позиционирование всего музея. 2.Позиционирования продукта/услуги.
2	Параметры позиционирования	Целевой сегмент и ценности аудитории. Анализ конкурирующих аналогов. Ключевые параметры, которые отличают научную организацию от другого учреждения. Выбираются оптимальные методики из технологии «трансфер» для дальнейшего продвижения.	Атмосфера, формы работы с посетителями (как постоянными, так и новыми); территория; мотивы посещения; уникальные критерии; дополнительные услуги /товары; инновационная модель развития.
3	Формулировка позиционирования	1-2 предложения с указанием преимуществ организации	1-2 предложения с указанием преимуществ организации
4	Оптимальные пути продвижения позиционирования, дальнейшее PR-сопровождение	обмен информацией между сотрудниками научных организаций на конференциях, выставках; обмен персоналом между организациями предоставление оборудования, которое находится во владении научной организации в лизинг продажа лицензий на использование новых технологий; заключение соглашений о совместной работе исследовательских отделов.	создание фирменного стиля; официальный сайт; direct marketing (рассылка предложений туроператорам, партнерам, туристам); работа со СМИ; проведение мероприятий; продвижение в социальных сетях.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что стратегии позиционирования научных организаций и музеев имеют схожий характер. Но основной целью PR-сопровождения научных организаций является продвижение их деятельности среди потенциальных партнеров, инвесторов, представителей государственного аппарата других стран для сбыта продукции (технологий, инноваций), а целью научных музеев является привлечение инвесторов и туристов. Поэтому, как стратегии, так и инструменты продвижения используются разные.

Наиболее высокий уровень эффективности, по нашему мнению, имеет стратегия позиционирования научного музея, так как есть четкое разделение на два типа PR-стратегии – продвижения учреждения или продвижение товара/услуги. При выборе общей стратегии, как это делают в рамках масштабирования популярности научных организаций, существует шанс, что конкретная рыночная или коммуникационная цель не будет достигнута (например, цель – продать научную разработку, но в итоге будет популяризирована научная организация, в целом) [18; 19].

Вывод. На современном этапе научные организации и музеи являются полноправными институтами социальной деятельности, выполняющие функции и задачи по инновационному развитию страны. Научные организации и музеи как субъекты коммуникации активно развиваются и преобразуются. Формы такой коммуникации определяются спецификой учреждений как центров науки и культуры с большим потенциалом, которые осуществляют свою деятельность не только для сохранения наследия, но и для развития общества.

Эффективное позиционирование и PR-сопровождение играют ключевую роль в продвижении этих сегментов. Сравнительный анализ показал – научные организации и музеи имеют схожую концепцию продвижения, но PR-инструменты и стратегии отличаются, так как у них разные маркетинговые цели и задачи (научные организации привлекают партнеров и инвесторов, музеи привлекают инвесторов и туристов).

Также выявлено, что наиболее эффективной стратегией позиционирования и продвижения является PR-стратегия, которая применяется в рамках популяризации научных музеев, так как она подразумевает разделение коммуникационных и рыночных целей, а также объектов продвижения.

Таким образом, в рамках дальнейших исследований необходимо разработать новую модель / стратегию позиционирования для научных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Башкарев А.А., Красноперова Е.П.** Система PR-сопровождения культурных проектов вузовских просветительских центров в России и за рубежом. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Печатается по решению Совета по издательской деятельности Ученого совета Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 48-52.
- 2. Евсеев В.В., Волкова Л.М., Погодина В.Л.** Профессиональное и личностное развитие: культурологические аспекты динамики образовательной среды вуза. Коммуникативные стратегии информационного общества Труды XI Международной научно-теоретической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 355-359.
- 3. Аристова М.А., Цыб А.В.** История развития кинематографа Испании. Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 485-493.
- 4. Евсеева Л.И., Тараканова Т.С., Матвеевская А.С.** Научная коммуникация в образовательном пространстве университетов. Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения сборник материалов Международной научной конференции. СПб.:Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 421-425.
- 5. Павлова О.К.** Наследие античной культуры в современном образовании. Философия образования. История и современность Коллективная монография. отв. ред. И. Д. Осипов, С. Н. Погодин. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 209-229.
- 6. Зиброва О.А.** Мультимедийные технологии как обеспечительный фактор доступности культурного наследия: на пути к социальному государству. Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 882-884.
- 7. Башкарев А.А.** Применение инструментов Public Relations в социальной сфере: сущность и особенности. Коммуникативные стратегии информационного общества Труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 189-192.
- 8.** Федеральный закон от 23.08.96 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс] – URL: <https://zakonbase.ru/content/part/112318> (дата обращения: 25.09.2020).
- 9.** Маркетинг в отраслях и сферах деятельности / Под ред. проф. В.А. Алексунина – М.: «Дашков и К», 2011 – 350 с.
- 10. Лобода В.А.** Средства продвижения научно-технической продукции [Электронный ресурс] – URL: http://belisa.org.by/ru/izd/stnewsmag/1_2008/art5_7_2008.html (дата обращения: 25.09.2020).
- 11.** Главная страница «Сколково» [Электронный ресурс] – URL: <https://sk.ru/> (дата обращения: 25.09.2020).

12. Агентство инноваций Москвы [Электронный ресурс] – URL: <https://innoagency.ru/ru/> (дата обращения: 25.09.2020).
13. Рогожин М. Ю. Теория и практика рекламной деятельности / М. Ю. Рогожин – М.: Альфа-Пресс, 2010 – 208 с.
14. Дукельский М.В. Музейная коммуникация: модели, технологии, практики – М.: Наука, 2010. – 199 с.
15. Иванова И.Г. Три технологии маркетинга в музейной практике // Центр регионального маркетинга Ярославский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова – 2015 – № 6 – С. 1-12.
16. Даршт О.Э. Паблик рилейшнз в музее: техника успеха – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 260 с.
17. Музей занимательных наук Экспериментиум [Электронный ресурс] – URL: <https://www.muiv.ru/vestnik/yn/avtoram/19274/> (дата обращения: 25.09.2020).
18. Башкарев А.А. PR-технологии как инструмент привлечения общественного внимания к проблемам малых этносов. PR-технологии в информационном обществе материалы X Научно-практической Конференции. 29 апреля 2015 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 17-18.
19. Евсева Л.И., Матвеевская А.С. Научная коммуникация: инструменты профессионального общения и обмена научной информацией Коммуникативные стратегии информационного общества Труды XI Международной научно-теоретической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 228-230.

SENINA Ekaterina V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: senina.ev@edu.spbstu.ru

BASHKAREV Andrey A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: bashkarev_aa@spbstu.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF ASPECTS OF POSITIONING OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS AND MUSEUMS

At the present stage, the development of innovative technologies and their high-quality presentation are the driving force behind the economic growth of any country. To increase the competitiveness of the relevant events, high-quality PR-promotion and the development of effective positioning are required. The article discusses strategies for positioning scientific organizations and museums, as well as advertising tools that act as an auxiliary technology in this process.

SCIENCE; MUSEUM; RESEARCH ORGANIZATION; PROMOTION; POSITIONING

УДК: 94(47+57)“1930”

И. В. Сидорчук

СИМВОЛИКА ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ПЕСНЕ 1930-Х ГГ.

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Статья посвящена исследованию вопросов формирования исторической памяти за счет трансформации повседневных практик на примере советских песен 1930-х гг. В рассматриваемый период, характеризующийся сменой культурных императивов, песни сохраняли свою роль важнейшей доступной формы досуга и активно использовались для имплементации идеологически верных, с точки зрения власти, идеологем. Автор приходит к выводу, что наиболее популярным историческим событием оказывалась Гражданская война, память о которой была необходима для воспитания нового поколения советских людей, должных, подобно их отцам, успешно защищать достижения революции. При этом прошлое оказывалось важным фундаментом, но всячески подчеркивалась устремленность в будущее, в котором не будет места старым «пережиткам» и «новый день обгонит день вчерашний».

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ; СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ; ПОЛИТИКА ПАМЯТИ;
ИСТОРИЯ ДОСУГА; ИСТОРИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

Середина 1930-х гг. являлась важным рубежом в научной, культурной и политической жизни советского государства. Для исторической науки переломным стал 1934г., когда вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и были восстановлены исторические факультеты в вузах, а вскоре подготовлены новые учебники по истории, ретранслировавшие однозначные представления власти о том, как надо понимать и интерпретировать события прошлого. В том же 1934г. состоялся 1-й Съезд советских писателей, где было дано четкое определение и объяснено содержание понятия социалистического реализма, ставшего отныне единым официально признанным направлением в искусстве вплоть до 1980-х гг. Утвердившийся канон требовал «исторически-конкретного изображения действительности» и следования принципу идейности. Таким

же должен был стать и образ прошлого, создаваемый им – конкретным, лишенным абстракций и дающим однозначные характеристики личностей и событий. Отличительной особенностью искусства социалистического реализма была массовость и народность, ориентация на максимальный охват населения. Изменение быта, согласно идеологическим установкам, вело к изменению сознания, поэтому новое искусство должно было активно проникать в повседневную жизнь, меняя ее.

На середину 1930-х гг. также приходится инициированная властью резкая смена досуговой политики. Как и прежде, она оставалась важной частью постройки истинного социалистического быта, но отныне лишалась революционного презрительного отношения к консьюмеризму. Лозунг «трудиться производительно, отдыхать культурно», считающийся изобретением Первого секретаря Центрального комитета ВЛКСМ А.В. Косарева, наряду со словами И. Сталина «жить стало лучше, товарищи; жить стало веселее», подразумевали фактическую реабилитацию того, что в 1920-е гг. клеймилось «буржуазными пережитками». Подобный поворот мог восприниматься как предательство революционных ценностей, о чем, в частности, писал Л.Д. Троцкий в «Преданной революции» [1, с. 84]. Власть стала оправдывать и поддерживать стремления реализовывать мечты о красивой жизни, даже несмотря на то, что за этим и следовало обращение к идеалам из отвергнутого прошлого [2, с. 85]. Умение танцевать фокстрот, стильно одеваться и носить галстук, знание правил этикета отныне свидетельствовало не о моральном разложении, а высокой культуре [3, с. 114]. Радующийся своей жизни советский человек должен был стать символом процветания страны, поэтому его досуг мог быть не только поучающим, но и веселым. Конституция 1936 г. сохраняла положение об обязательности труда и принцип «кто не работает, тот не ест» (ст. 12), однако дополнилась правом на отдых (ст. 119), что включало обеспечение досуга различными способами, в том числе «предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов» [4, с. 308].

Новые культурные императивы и меняющаяся повседневность, формирующая новых людей, требовали не только актуальной литературы, кино, живописи и скульптуры, но и музыки. Наиболее успешно с этой

задачей должны были справиться песни – массовые, простые и запоминающиеся. Их слышали в кино, с помощью граммофонов, пели в будни и праздники, на работе и в свободное время. Утверждение, что «песня строить и жить помогает» не было изобретением 1930-х гг. Уже в первые постреволюционные годы органы, организовывавшие культурно-воспитательную и пропагандистскую работу, занимались созданием новых комсомольских песен, тексты и мелодия которых должны были являться «классовым оружием», призванным «застрявший клин буржуазного быта вышибить клином пролетарских песен» [5, с. 47]. Несмотря на декларируемый властью консьюмеризм, более чем скромные финансовые возможности не позволяли большинству населения наслаждаться им. В подобных условиях песни сохраняли свою роль важнейшей доступной формы досуга, особенно если речь шла о сельской местности, где все так же действовал принцип «деревенское веселье – гармонь, пляска, песни» [6, с. 158-159]. Радио и граммофоны в 1930-е гг. на селе также не были распространены, поэтому пение песен и частушек еще не уступило место слушанию музыки [7, с. 291]. Отметим, что эту роль при условии полного отсутствия или минимального уровня организации досуга песни играли и впоследствии. Так, именно они были главной формой развлечения фронтовиков [8] и первых целинников [9].

Самые известные советские песни 1930-х гг., особенно из фильмов, если и не популярны, то во всяком случае узнаваемы до сих пор. Безусловно, в первую очередь, они посвящались описанию достижений настоящего, должны были быть актуальными и отзываться на события сегодняшнего дня. При этом все победы были более очевидны в контексте сравнения с прошлым. Выстраивание в массовом сознании дихотомии тогда/сейчас было принципиально важным для властных идеологов и адептов нового строя. С.Б. Ульянова пришла к выводу, что события прошлого актуализировались для решения насущных задач, «превращались в составную часть модели сегодняшнего дня» [10, с. 89-90]. Причем впоследствии эта пропасть между «темным» прошлым и «светлым» настоящим в пропаганде лишь усиливалась [11, с. 160]. Уровень жизни населения 1930-х гг. явно был далек от полного благополучия, и помощь в воспевании настоящего могло оказать

очернение прошлого, тем более что и оно не было безмятежным и процветающим.

Показательной в этом отношении является песня «Вдоль деревни». Само стихотворение было создано будущим дважды лауреатом Сталинской премии первой степени М.В. Исаковским еще в 1925г., но музыка к стихам была написана композитором В.Г. Захаровым в начале 1930-х гг. В ней показано преобразование жизни крестьянина, ставшее возможным благодаря советской власти, осуществившей электрификацию деревни: «Вдоль деревни, от избы и до избы, / Зашагали торопливые столбы; / Загудели, заиграли провода, – / Мы такого не видали никогда; / Нам такое не встречалось и во сне, / Чтобы солнце загоралось на сосне, / Чтобы радость подружилась с мужиком, / Чтоб у каждого звезда – под потолком» [Тексты песен выверены по изданию: 12]. То, о чем раньше можно было только мечтать, теперь стало реальностью, на смену горести пришла радость, а бывшему захолустью открылся путь прогресса. То же противопоставление прошлого настоящему есть в другой песне В.Г. Захарова «Дороженька», написанной на стихи колхозницы П.Н. Семеновы: «В чистом полюшке дороженька видна / Вся проторена до желтого песка. / Жизнь хорошая, как солнышко, ясна – / Не вернутся к нам ни горе, ни тоска».

Важно было не забывать про то, как и благодаря кому было достигнуто подобное благополучие. Отдельным видом песен являлись песни-воспоминания о Гражданской войне – ключевом событии истории с точки зрения власти и самом важном историческом символе. Основной мыслью была тема подвига, самопожертвования, готовности умереть за правое дело, что должно было стать примером для молодых: «Дан приказ: ему – на запад, / Ей – в другую сторону... / Уходили комсомольцы / На гражданскую войну». («Дан приказ ему на запад», слова: М. Исаковский, музыка: Д. Покрасе).

Для песен было важно передать истинный революционный характер героев прошлого – смелость, отважность, уверенность в себе и своих взглядах, бескомпромиссность, а подчас и некоторое оправданное эпохой ухарство. Например, это прекрасно видно в одной из самых известных песен эпохи «Тачанка» (слова: М. Рудерман, музыка: К. Листов): «Эх, тачанка-ростовчанка, / Наша гордость и краса, / Конармейская тачанка, /

Все четыре колеса!». В данной песне также проводится параллель с современностью, показан технологический прогресс, преобразование Красной Армии, которое абсолютно бессмысленно, если новые защитники завоеваний Октября не сохраняют бравый и удалой характер героев Гражданской войны: «По земле грохочут танки, / Самолеты петли вьют, / О буденновской тачанке / В небе летчики поют / И врагу поныне снится / Дождь свинцовый и густой / Боевая колесница, / Пулеметчик молодой». Кроме этого, такие песни формировали набор вещественных символов Гражданской войны: тачанка, пулемет, загорелый красноармеец на лихом коне и т.п.

Одновременно в подобных песнях одной из самых востребованных становилась тема трагической гибели, что должно было способствовать сохранению и сбережению памяти о погибших: «В степи под Херсоном – / Высокие травы, / В степи под Херсоном – курган. / Лежит под курганом, / Заросшим бурьяном, / Матрос Железняк, партизан». («Партизан Железняк», слова: М. Голодный, музыка: М. Блантер). Революционная песня также была призвана сохранять память о жестокости врагов, чтобы память о подвигах и победе не усыпляла классовую бдительности: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, / Ты видишь, что я уцелел. / Лети на станицу, родимой расскажешь / Как сына вели на расстрел» («Орленок», слова: Я. Шведов, музыка: В. Белый).

Таким образом, практически все песни о прошлом были символически связаны с настоящим, а актуализация того или иного события привязывалась к тому, что происходило уже в 1930-х гг. В частности, песня «Дальневосточная» (слова: В. Винников, музыка: Ю. Милютин) обращалась к теме японской интервенции 1920 г., однако в условиях оккупации Японией Маньчжурии и войны с Китаем, реальность повторения этих событий представлялась более чем вероятной: «Японцы-генералы / Мечтали до Урала, / Мечтали до Урала добрести. / Пошли они в двадцатом / К Уралу воровато, / Да встретились с Байкалом на пути».

Песни о Гражданской войне также формировали список новых мест памяти, связанных с успехами Красной армии, и пантеон героев, существенно менявшийся уже в 1930-е гг. из-за массовых репрессий. Показательный пример – песня «Эшелонная (Песня о Ворошилове)»

(слова: О. Колычев, музыка: А. Александров): «За Царицын, за Царицын / Дни и ночи будем биться, / Пики с пиками скрестя... / И не смыть ее дождями, / На бугре и в волчьей яме – / Кровь рабочих и крестьян».

Удобными героями оказывались те красные командиры, кто погиб в войне, тем самым не успев запятнать себя участием во внутрипартийной оппозиции, критикой И. Сталина, ненадлежащим поведением и прочими «грехами», моментально вычеркнутыми бы их из пантеона славы. Наравне с до сих пор широко известным В. Чапаевым, таковым был А. Щорс, погибший в 1919 г. Ему была посвящена песня, в которой содержались такие слова: «Мы сыны батрацкие, / Мы за новый мир, / Щорс идет под знаменем – / Красный командир» (слова: М. Голодный, музыка: М. Блантер). В данном случае очевидным является стремление мифологизировать биографию героя песни: за бравурным описанием героизма комдива было удобно не упоминать весьма странные обстоятельства его гибели, по одной из версий произошедшей вовсе не от пули петлюровца, а от руки предавшего товарища.

Люди 1930-х гг., от которых власть требовала быть храбрыми защитниками рубежей, покорителями Арктики, строителями нового быта и пр. должны были не только ориентироваться на героев прошлого, но стать лучше их. От советской молодежи требовалось более эффективно работать, совершать новые открытия, быть сильнее, здоровее и сознательнее своих отцов, в которых все еще есть остатки дореволюционных пережитков [см.: 13, 14]. Противостояние старого и нового становилось темой множества рассказов, пьес и, конечно, фильмов. В одном из них, «Встречный» (1932 г.), звучала ставшая широко известной песня, где есть такие слова: «И в жизнь вбежит оравую, / Отцов сменя. / Страна встает со славою / На встречу дня!» (слова: Б. Корнилов, музыка: Д. Шостакович). К этой мысли приучали не только молодежь, но и детей. «Песня о веселом ветре» (слова: В. Лебедев-Кумач, музыка: И. Дунаевский) из экранизации романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» вкладывает в уста юного моряка такие слова: «Спой нам, ветер, про славу и смелость, / Про ученых, героев, бойцов, / Чтоб сердце загорелось, / чтоб каждому хотелось / Догнать и перегнать отцов».

Подобные идеи были непосредственно связаны с лозунгом «Время, вперед!», заявленном В. Маяковским в пьесе «Баня» и получившим развитие благодаря роману В. Катаева. В период форсированной индустриализации, выполнение норм которой подчас требовало настоящих производственных чудес, молодым предлагалось жить согласно «Принципу Черной Королевы» Л. Кэрролла, когда «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте». «Марш женских бригад» (слова: В. Лебедев-Кумач, музыка: И. Дунаевский) призывал: «Пусть новый день обгонит день вчерашний / Своим веселым, радостным трудом». Другая песня И. Дунаевского, спетая Л. Орловой в фильме «Светлый путь» 1940г. как бы подводила промежуточный итог этому трудовому подвигу 1920-1930-х гг., не имевшему аналогов в прошлом: «Создан наш мир на славу. / За годы сделаны дела столетий, / Счастье берем по праву, / И жарко любим, и поем, как дети» (слова: А. Д'Актиль).

Таким образом, популярные песни 1930-х гг. вносили свой вклад в формирование новой, «сталинско-советской» памяти о прошлом. Безусловно, главным историческим событием, приковывавшим внимание, была победоносная Гражданская война, обозначившая начало новой эпохи, приносящей радость и свободу доселе угнетенным людям. В песнях о ней рассказывалось о подвигах старшего поколения, о достойных подражания героях и о том, каким должен быть характер истинного революционера, чтобы продолжать успешно защищать достижения революции. Важной задачей песен было формирование негативной памяти о дореволюционном прошлом, чувства ненависти к тем, кто был противником в войне, будь то белогвардейцы, бандиты или иностранные интервенты. Разумеется, подобные установки приводили к сознательной мифологизации недавней истории, что, впрочем, в целом было характерно для эпохи.

При всей героизации прошлого песни давали понять, что революция была ключевым, но лишь начальным шагом на пути к светлому будущему. О ней нужно помнить, но внимание должно быть брошено на решение задач настоящего. Какими бы героическими и отважными ни были отцы и матери, новое поколение советских людей должно было унаследовать их веру в советские идеалы и дух, но в целом быть лучше них. Прошлое оказывалось важным фундаментом, но всячески подчеркивалась

устремленность в будущее, в котором не будет места старым «пережиткам» и «новый день обгонит день вчерашний».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32017. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Троцкий Л.Д.** Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991.
2. **Журавлев С., Гронов Ю.** Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917-1991. М.: ИРИ РАН, 2013.
3. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.
4. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями) // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. С. 285-313.
5. **Кулинич Н.Г.** Роль рабочих клубов в организации досуга горожан советского Дальнего Востока в 1920-1930-е гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 46-55.
6. **Скорик А., Багдасарян С.** Традиционный крестьянский досуг на юге России в 1920-х гг. // Власть. 2012. № 9. С. 156-159.
7. **Шаламов В.А.** Неофициальные (неформальные) формы повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона в 1920-1930-е гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 9(56). С. 288-293.
8. **Тажидинова И.Г.** «Поем, шутим и тем держимся»: досуговые практики фронтовиков Великой Отечественной войны // Клио. 2011. № 8(59). С. 84-87.
9. **Кузнецова О.В.** Роль досуга в повседневной жизни целинников (1954-1965 гг.) // Емельяновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2009. С. 127-129.
10. **Ульянова С.Б.** «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2006.
11. **Ульянова С.Б.** Первое десятилетие Октября в системе советской пропаганды // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 2. С. 157-162.
12. Русские советские песни (1917-1977) / Сост. Н. Крюков и Я. Шведов. М.: Худож. лит., 1977.
13. **Сидорчук И.В.** Дискуссии о «физическом вырождении пролетариата» и советский евристический проект 1920-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 71-84.

14. Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 3. С. 7-15.

SIDORCHUK Ilya V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

HISTORICAL SYMBOLS IN THE SOVIET SONGS OF THE 1930^S

The article is devoted to the study of the formation of historical memory due to the transformation of everyday practices on the example of Soviet songs of the 1930s. During this period, characterized by a changes in cultural imperatives, songs retained their role as the most important accessible form of leisure and were actively used for the implementation of ideologically correct, from the point of view of the authorities, ideologemes. The author comes to the conclusion that the most popular historical event was the Civil war, the memory of which was necessary for the education of a new generation of Soviet people, who, like their fathers, should successfully defend the achievements of the revolution. At the same time, the past proved to be an important foundation, but the aspiration to the future was strongly emphasized, in which there will be no place for old “remnants” and “a new day will overtake yesterday”.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE; SOVIET MUSIC; POLITICS OF MEMORY; HISTORY OF LEISURE; HISTORICAL SYMBOLS

УДК 327.7

Т. С. Смирнова, М. А. Ермолина

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СМИРНОВА Татьяна Сергеевна – магистрант факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: tatyana17smi@gmail.com

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры Мировой политики Факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: ermolinama@gmail.com

В статье рассматриваются перспективы международной политики России на основе концептуальной модели устойчивого развития. По мнению авторов, вектором для международных отношений должен стать экологический императив. Делается вывод о том, что в перспективе международные отношения – это не только международное сотрудничество в целях предупреждения экологического кризиса, но это и совместное решение проблемы обеспечения устойчивого развития на глобальном уровне.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ; УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ;
КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В настоящее время в результате стремительного развития научно-технического прогресса и интенсивного использования природных ресурсов возрастает степень их истощения и загрязнения окружающей среды. В связи с угрозой экологического кризиса человечество должно осознать необходимость в установлении чётких границ своего развития и согласовывать свою деятельность с экологическими ограничениями. Проблемы экологии и здоровья человека, природных ресурсов широко обсуждаются учеными [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Ввиду нынешних глобальных экологических проблем следует говорить о вынужденности и безусловности таких мер. Поэтому для формирования эффективных международных отношений необходим такой инструмент как экологический императив.

Экологический императив – это совокупность запретов и ограничений, распространяющихся на любой вид человеческой деятельности. Под экологическим императивом можно понимать соблюдение неперенных ограничений потребления и использования природных ресурсов. В качестве неоспоримого приоритета такой инструмент подразумевает защиту окружающей среды от чрезмерного загрязнения, имеет оценку социальных и экологических изменений преобразований, вызванных тем или иным вмешательством в природу человека. Понятие об экологическом императиве было предложено академиком Н.Н. Моисеевым в 80-х гг. XX века [7]. В этот отрезок времени человечество уже активно предпринимало действия к такому способу своего развития, при котором его активная деятельность будет развиваться в согласии и с учётом природных возможностей.

ООН, созданная в 1945 г. для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами, несколькими десятилетиями позже возложила на себя ответственность в продвижении экологических приоритетов, и на сегодняшний день является также самым влиятельным международным органом [8]. Так, в 1972 г. состоялась Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, что дало толчок развитию природоохранного законодательства на национальном уровне, появлению природоохранных министерств и ведомств в государствах [9]. Конференция по окружающей среде и развитию 1992 г., состоявшаяся в Рио-де-Жанейро, положили начало формированию международной стратегии устойчивого развития. Киотский протокол, принятый в 1997 г., обязал развитые страны и страны с переходной экономикой сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов [10].

Во многих случаях экологический императив был воспроизведен на глобальном уровне ввиду негативного воздействия на жизнь человечества в прошлом столетии – горького опыта экологических катастроф, неразумном использовании технического прогресса, ошибках в высокотехнологичных системах того времени и разрушительных человеческих амбициях. Катастрофа на Чернобыльской АЭС в 1986 г. мобилизовала мировое движение и отразилась на всей ядерной энергетике

в целом. Это событие заставило специалистов по всему миру предпринять действия, направленные на безопасность АЭС и сделать шаги к международному сотрудничеству в целях повышения безопасности. Так, в 1989 году появилось заявление об официальном образовании Всемирной ассоциации операторов атомных электростанций (WANO) международной профессиональной ассоциации, объединяющей организации, эксплуатирующие АЭС, во всём мире. Ассоциация поставила перед собой задачи по повышению ядерной безопасности во всём мире, реализуя свои международные программы с определёнными правилами, ограничениями. На сегодняшний день международные эксперты ВАО АЭС следят за положительным опытом на различных АЭС и оказывают активную поддержку странам–«новичкам» в области безопасной и надёжной эксплуатации АЭС. Важно отметить, что и возникновение чётких программ с планомерными задачами даёт странам преимущество и скорость в формировании международных отношений.

На сегодняшний день человечество обладает основательной научной базой для выявления и предотвращения причин многих экологических проблем, но многие из них состоят в том, что далеко не каждая страна, а тем более отдельный индивид, в состоянии переосмыслить отношение к экологически безопасному развитию цивилизации. Это происходит ввиду различных причин, как, например, невыгодное или неудобное экономико-географическое положение страны, недостаточный уровень технического прогресса, отсутствие должного уровня образования, особенности менталитета и т.д. Но необратимость взятой траектории развития во второй половине XX века по совершенствованию экологического аспекта международных отношений сейчас даёт трамплин к сотрудничеству и дальнейшему прогрессу в сфере охраны окружающей среды.

Одним из важных недавних событий, демонстрирующий экологический императив стала новость о том, что Россия ратифицировала Парижское соглашение в сентябре 2019 года. Так как Россия является одним из основных эмитентов парниковых газов после Китая, США, ЕС и Индии, ратификация данного договора является важным шагом на пути достижения поставленных целей, а также даёт сигнал странам, которые ещё его не ратифицировали. Международными экспертами утверждается, что

ратификация откроет России доступ к сотрудничеству с другими странами по развитию безуглеродных отношений, в том числе в области энергетики. Российская Федерация станет участником принятия решений по особо важным для страны международным вопросам, в том числе рыночным, а также по проектам по снижению выбросов парниковых газов [8].

Следует отметить, что экологический императив определяет степень воздействия международного бизнеса на окружающую среду. Мысль об экологически-ответственном ведении бизнеса, которая первоначально появилась в экономической теории благосостояния Артура Пигу, является на сегодняшний день весьма актуальной. Сейчас подтверждение этой мысли всё чаще можно увидеть во многих корпорациях с мировым именем, международных организациях, которые осуществляют свою деятельность в соответствии с экологическим императивом. Но многие производители с мировым именем, в особенности производители одежды, игнорируют обязанности социально-ответственной политики бизнеса. Такие производители, к примеру, имеют большинство своих фабрик в бедных странах, например, в Бангладеш, Камбодже, Индонезии, где не обеспечивают работникам безопасные условия труда и не закрывают вредные производства, не ликвидируют их последствия. Например, эта проблема нуждается в решении на мировом уровне в соответствии с необходимым регламентом, который будет подразумевать изменение бизнес-модели производителей и условий охраны труда человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, здоровье зависит от состояния окружающей среды на 18–20 %, от уровня медицинского обслуживания – на 7–12 %, от экономических факторов и образа жизни – на 50–52 %, от наследственных факторов – на 20–22 %. Осведомленность людей в данной теме побуждает к экологической осознанности и экологическому просвещению, растёт необходимость во внедрении эко-инноваций. Вследствие этого увеличивается доля рационального производства и потребления. Так, на многих площадках демонстрации современных технологий и продуктов, применяемых на различных предприятиях, в городской среде или в быту, в области экологии и утилизации, Россией по обеспечению экологической безопасности страны, можно убедиться в развитии международного партнёрства России и других

стран в узких направлениях и поддержке новых технологий. Одним из примеров может послужить случай, когда в Уральском регионе на выставке «Утилизация» в 2018 году генеральным партнёром выступила Российско-германская внешнеторговая палата (ВТП). В рамках сотрудничества с ВТП делегация из Германии курировала презентации ведущих производителей оборудования для переработки отходов. Приведенное сотрудничество в международной бирже прогресса и деловых контактов является следствием экологического императива, который демонстрирует изменение в стране отношения с отходами.

На сегодняшний день приоритеты многих стран направлены на решение экологических проблем в рамках национального осуществления «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [8]. С 2017 года ежегодная оценка целей качества окружающей среды связана с глобальными целями устойчивого развития. Таким образом, работа с Повесткой дня на период до 2030 года и с другими международными конвенциями только подкрепляет экологический императив формирования международной политики.

Необходимость совместных согласованных действий в решении глобальных экологических проблем не только по-прежнему сохраняется, но и усиливается с каждым годом. В XXI веке человечество должно разобраться с результатом вовремя нерешенных экологических проблем, выстраивая больше международных контактов в узких и одновременно значимых направлениях.

Интенсивный международный диалог показывает тенденцию к объединению усилий в разрешении многих вопросов – проблеме экологической безопасности, грамотного обращения с промышленными и бытовыми отходами, сохранения лесных и водных ресурсов, поэтому сейчас можно видеть особый акцент международной политики на решении проблем в природоохранной сфере [11; 12; 13]. Но все же фокус для каждого государства может лежать в принятии некоторой собственной «национальной идеи», основанной на экологических ценностях, что поможет предотвратить экологические проблемы и угрозы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что перспектива международных отношений XXI века – это не только

международное сотрудничество в целях предупреждения экологического кризиса, но это и совместное решение проблемы обеспечения устойчивого развития на глобальном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ermolina M.A., Matveevskaya A.S., Zeleneva I.V.** Dialogue Of Civilizations - New Model Of World Politics The european proceedings of social and behavioural sciences. Future Academy. 2017. pp. 829-836. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.98.
- 2. Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И.** От экологической культуры – к культуре здоровья: взгляд на здоровье студентов. Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2019. Т. 14. № 2. С. 784-791.
- 3. Шипунова О.Д., Денисков А.В.** Субъектные взаимодействия в условиях современного технологического уклада. Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1-3 (67). С. 136-140.
- 4. Погодина В.Л., Тараканова Т.С., Евсеев В.В.** Актуальные аспекты организации рекреационного туризма в регионах России. Технологии PR и рекламы в современном обществе Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. И.Р. Тростинской. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 84-89.
- 5. Ермолина М.А., Капустина М.А., Матвеевская А.С., Погодина В.Л.** Правовые аспекты экологического туризма в Арктике с позиций экологической безопасности. Научный Вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. Серия Юриспруденция. 2019. Т.5 (1). С. 17-23.
- 6. Поздеева Е.Г., Евсеев В.В.** Здоровье и безопасность как взаимоусилители в обществе риска: социологический аспект. Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. Т. 13. № 1. С. 108-115.
- 7. Моисеев Н.Н.** Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.
- 8. Ермолина М.А.** Конференция по устойчивому развитию 2015 г.: новые цели и задачи // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. Санкт-Петербург, 2019. – С. 372-379.
- 9.** Стокгольмская декларация ООН об окружающей среде, 16 июня 1972 года // www.ecolife.org.ua/laws/inter/1972/04.php.
- 10.** Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата // URL: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/climate/kyoto/.
- 11. Ермолина М.А., Матвеевская А.С., Погодин С.Н.** Некоторые проблемы эффективности природоохранной деятельности ООН. Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 34-41.
- 12. Погодин С.Н.** Международная интеграция и интеграционное право. Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 112-113.
- 13. Ли Цзинчэн, Погодин С.Н.** Восточный экономический форум – 2018 в контексте китайско-российского регионального сотрудничества. Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект Материалы III

Международной научно-практической конференции. Под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. Издательство: Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), 2019. С. 111-113.

SMIRNOVA Tatiana S. – Saint-Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: tatyana17smi@gmail.com

ERMOLINA Marina A. – Saint-Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: ermolinama@gmail.com

ENVIRONMENTAL IMPERATIVE AS A PROSPECTIVE VECTOR FOR DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article examines the prospects for Russia's international policy on the basis of a conceptual model of sustainable development. According to the authors, the environmental imperative should become the vector for international relations. It is concluded that in the long term international relations are not only international cooperation in order to prevent an environmental crisis, but also a joint solution to the problem of ensuring sustainable development at the global level.

**ENVIRONMENTAL IMPERATIVE; SUSTAINABLE DEVELOPMENT;
CLIMATE CHANGE; INTERNATIONAL RELATIONS**

УДК: 930.85+ 94(5)+902+737.1

А. Э. Терехов

**ДЕНЬГИ ХУАН-ДИ И ШУНЯ:
К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ДРЕВНИХ МОНЕТ В
КИТАЕ ЭПОХИ СУН**

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук. 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. E-mail: aterekhoff@gmail.com

Статья посвящена проблеме атрибуции монет доимперского периода в Китае эпохи Сун (960–1127). Хотя ряд сунских специалистов не считал возможным отнести их к определённому времени, некоторые датировали их додинастическим периодом – эпохой правления легендарных государей древности. Несмотря на то, что с точки зрения современной науки подобная атрибуция оказывается несостоятельной, изучение истории и причин появления этого заблуждения представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет судить как об особенностях китайских представлений о древности, так и о ранних стадиях развития национальной археологии и палеографии. В статье рассматривается развитие традиционных китайских представлений о времени появления денег, а также подробно анализируются свидетельства и аргументы главных сторонников идеи об их додинастическом происхождении – Чжэн Цяо (1104–1162) и Ло Ми (1131–1189/1203). В результате сделан вывод о том, что временем правления легендарных государей древности в эпоху Сун датировались монеты, в реальности относящиеся к периодам Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.) и Чжаньго (V–III вв. до н. э.), а автором этой атрибуции является коллекционер и художественный критик Дун Ю (ум. 1229?).

НУМИЗМАТИКА; ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ; ЭПОХА СУН; ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ; ИСТОРИЯ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Эпоха Сун 宋 (960–1279) стала временем расцвета интереса китайцев к древней истории. Именно в этот период они начали активно обращаться к материальным свидетельствам минувших времён, в первую очередь – изделиям из бронзы и покрытым письменами каменным стелам, получившим совокупное название *цзинь ши* 金石 («[древние изделия из] металла и камня»). Внимание сунских учёных к этим предметам было столь значительным, а качество посвящённых им исследований – столь

высоким, что некоторые современные специалисты считают возможным говорить об этой эпохе как о времени зарождения китайской археологии и даже сравнивать её с европейской археологической наукой XIX в. [1; 2; 3].

К числу артефактов, вызывавших особый интерес сунских учёных, относились и древние монеты, которые воспринимались как важный исторический источник, позволяющий судить об уровне социально-политического развития в прежние эпохи. Неудивительно, что одним из важнейших вопросов стала проблема их атрибуции. В особенности это касалось монет, отлитых до унификации денежных знаков, предпринятой властями первой китайской империи, Цинь 秦 (221–207 до н. э.), после объединения страны¹. Эти древние монеты с их непривычными формами и надписями, сделанными практически нечитаемым в более поздние периоды дореформенным письмом², казались людям последующих эпох «необычными» (и 異) и становились объектом споров: в то время как ряд сунских специалистов отказывался от попыток их точной датировки, некоторые относили их ко временам монархов легендарной древности, а точнее – к додинастическому периоду, эпохе правления Трёх августейших (сань хуан 三皇) и Пяти императоров (у ди 五帝), мифических государей, якобы правивших Поднебесной на заре истории³.

С точки зрения современной науки, подобная атрибуция не выдерживает никакой критики. Не говоря о том, что правители додинастического периода признаются большинством исследователей вымышленными персонажами, само возникновение монет в Китае сейчас относится к гораздо более позднему периоду. В большинстве современных исследований утверждается, что древнейшей формой денег на территории нынешнего Китая были раковины каури, якобы использовавшиеся в этом

¹ Именно в результате этой унификации китайские монеты получили круглую форму с квадратным отверстием в центре – облик, который сохранялся вплоть до конца XIX в. и продолжает фигурировать в современной культуре в качестве благопожелательного символа.

² Реформа письменности также была предпринята в первые годы существования империи Цинь и воплотилась в унификации начертания иероглифов по циньскому образцу.

³ Конкретный состав этих когорт меняется от источника к источнику, однако в наиболее стандартных вариантах Трое августейших обычно представлены Фу-си 伏羲 (Тай-хао 太昊), Шэнь-нуном 神農 (Янь-ди 炎帝) и каким-либо второстепенным персонажем, а к числу Пяти императоров относятся Хуан-ди 黃帝 («Жёлтый император», Ю-сюн 有熊), Чжуань-сюй 顓頊 (Гао-ян 高陽), Дик-у 帝嚳 (Гао-синь 高辛), Яо 堯 (Ган 唐, Тао-ган 陶唐) и Шунь 舜 (Юй 虞, Ю-юй 有虞).

качестве ещё с эпохи неолита. Основными аргументами в пользу этой гипотезы являются обнаружение этих раковин в древних захоронениях, сообщения об их пожаловании сановникам за заслуги, а также тот факт, что элемент *бэй* 貝 («ракушка») является детерминативом в большом числе иероглифов, так или иначе связанных с деньгами⁴ [4, с. 1–18; 5, с. 28–37; 6, с. 9–11]. Тем не менее, ограниченная доступность этих раковин, которая и придавала им особую ценность в глазах древних китайцев, делает предположение об их использовании в качестве ходовой валюты крайне маловероятной; в действительности же они, по-видимому, служили лишь «символами власти, социального статуса и богатства» [7, р. 24]. Первые реальные свидетельства существования денежного обращения в Китае относятся к значительно более поздним периодам, когда в Китае появляются металлические деньги: единичные находки монет относятся к эпохе Западная Чжоу (Си Чжоу 西周, XI–VIII вв. до н. э.), а активное их использование начинается, насколько можно судить по данным археологии, лишь ко второй половине периода Чуньцю 春秋 («Весны и осени», VIII–V вв. до н. э.) и достигает расцвета в последовавший за ним период Чжаньго 戰國 («Сражающиеся царства», V–III вв. до н. э.). Древнейшей формой металлических денег в Китае являлись монеты в форме заступа (*бу цян* 布錢), которые впоследствии имели хождение в центральном Китае. В дальнейшем в восточной части Китая стали использоваться монеты в форме ножей (*дао цян* 刀錢), а ещё позже в западных регионах получили распространение монеты круглой формы с отверстием в центре (*юань цян* 圓錢), впоследствии ставшие прообразом монет, введённых в империи Цинь [4, с. 20–40; 5, с. 43–50, 53–69, 72–82; 6, с. 25–32; 7, р. 581; 8, р. 607]⁵.

Тем не менее, несмотря на очевидную несостоятельность предложенной некоторыми сунскими учёными датировки ряда древних монет додинастическим периодом, изучение истории и причин появления

⁴ Например, *гуй* 貴 («драгоценный»), *цзянь* 賤 («дешёвый»), *май* 買 («покупать»), *пинь* 貧 («нищий»), *цай* 財 («богатство») и т. д.

⁵ Свои, особые формы монет имели хождение на территории располагавшегося в южной части Китая царства Чу 楚 (1030?–223 до н. э.) [5, с. 50–52, 69–72; 6, с. 32–35].

этого заблуждения представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет судить как об особенностях китайских представлений о древности, так и о ранних стадиях развития национальной археологии и палеографии.

В традиционном Китае интерес к проблеме происхождения денег возник относительно поздно. Первыми, кто обратился к этой проблеме, были, по-видимому, историки эпохи Хань 漢 (206/202 до н. э. – 220 н. э.), однако и они затруднялись в указании точного времени появления денег. Так, в «Трактате о стабилизации цен» («Пин чжунь шу» 平準書) Сыма Цяня 司馬遷 (145/135–86? до н. э.), входящем в состав составленной им первой истории Китая, «Ши цзи» 史記 («Записи историографа»), сказано: «Пути обмена [товарами] между земледельцами, ремесленниками и торговцами были проложены, и тогда появились [используемые в качестве платёжных средств] черепаший панцири, раковины, бронзовые деньги [круглой формы] и монеты [в форме] ножей и заступов. [Все они] пришли из давнего и далёкого [времени и появились] ещё до [эпохи правителя] из рода Гао-синь, но написать об этом [периоде] невозможно» [10, цз. 30, с. 1442; ср. 11, с. 222]. Таким образом, Сыма Цянь относил появление денег к эпохе легендарных государей древности, однако не считал возможным датировать его более точно.

Бань Гу 班固 (32–92) в «Трактате о пище и ценностях» («Ши хо чжи» 食貨志), вошедшем в составленную им династийную историю «Хань шу» 漢書 («Книга [об истории Западной] Хань»), пишет: «В "Великом образце" [сказано]: "Восемь [условий для] управления [страной]: первое – пища, второе – ценности (хо)"⁶... Эти две вещи – основа вскармливания народа, и появились [они] в эпоху Шэнь-нуна» [14, цз. 24А, с. 1117]. Можно ли воспринимать этот пассаж как свидетельство того, что историк считал временем появления денег период правления Шэнь-нуна, зависит от понимания смысла термина хо 貨, переведённого в вышеприведённой

⁶ «Великий образец» («Хун фань» 洪範) – один из авторитетнейших древнекитайских трактатов об управлении государством, включённый в состав канонического текста «Шан шу» 尚書 («Древнейшие писания»). Приведённая цитата взята из третьего раздела «Хун фань» – «Восемь [условий для] управления [страной]» («Ба чжэн» 八政) [12, цз. 12, с. 361; ср. 13, с. 105].

цитате словом «ценности»: в древнекитайском языке он мог обозначать как деньги, так и товары, и, таким образом, не исключено, что в данном фрагменте речь идёт о происхождении не денежного обращения, а меновой торговли. В любом случае Бань Гу, как и Сыма Цянь, отмечает, что рассуждать о деньгах древних эпох невозможно: «[Если говорить об] использовании всех ценностей – бронзовых денег и хлопчатых и шёлковых тканей, то подробностей об их [использовании] до [эпох] Ся и Инь⁷ [исторические] записи не сообщают» [14, цз. 24Б, с. 1149].

Отдельные сочинения о деньгах появляются уже после гибели Хань. Наиболее ранним из них в перечнях посвящённых монетам работ (см., например, [15, цз. 66, с. 784]) обычно выступает «Цянь шэнь лунь» 錢神論 («Рассуждение о божественной [силе] денег») Лу Бао 魯褒 (III в.) [16, цз. 113, с. 2106–2107], однако оно представляет собой не специализированное исследование, а сатирическую оду, посвящённую деньгам как социально-культурному феномену. Что же до работ об истории денег, основной формой которых становятся каталоги монет, то они возникают, по-видимому, лишь к V–VI вв. Первые известные сочинения такого типа – «Цюань ту цзи» 泉圖記 («Изображения и описания монет-цюань») Лю Цяня 劉潛 (484–550) и «Цянь пу» 錢譜 («Каталог денежных [знаков]») его современника Гу Сюаня 顧烜, изначально, по-видимому, сопровождавшийся иллюстрациями («Цянь ту» 錢圖, «Изображения монет»). Создание подобных работ продолжилось в эпоху Тан 唐 (618–907), когда Фэн Янь 封演 (VIII в.) составил «Сюй цянь пу» 續錢譜 («Продолжение каталога монет»), а Чжан Тай 張台 (IX–X в.) – «Цянь лу» 錢錄 («Записи о монетах»). Подлинную популярность подобные сочинения обрели в эпоху Сун, когда были составлены такие книги, как «Гу цзинь цянь пу» 古今錢譜 («Каталог денежных [знаков] древности и современности») Ли Сяо-мэя 李孝美 (XI–XII вв.) и «Цянь пу» 錢譜 («Каталог монет») Дун Ю 董道 (ум. 1129?) [4, с. 171–172, 237, 361; 15, цз.

⁷ Ся 夏 (трад. 2205–1767 до н. э.) в традиции считается первым государством с династической формой правления, однако в современной западной науке обычно признаётся легендарным. Якобы сменившее его Инь 殷 (тж. Шан 商, XVII–XI вв. до н. э.) – первое из китайских государств, существование которого подтверждено синхронными письменными источниками.

66, с. 784; 17, цз. 14, с. 666]. К сожалению, ни одно из этих сочинений до наших дней не дошло, однако цитаты из них содержатся в наиболее ранней из сохранившихся работ такого типа – «Цюань чжи» 泉志 («Трактат о [монетах]-цюань») Хун Цзуня 洪遵 (1120–1174). В предисловии к своему каталогу Хун Цзунь пишет, что монеты существуют со времён Суй-жэня 燧人 (тж. 遂人), ещё одного легендарного правителя, иногда включаемого в число Трёх августейших, но при этом отмечает, что подробности о деньгах времён «Великой древности» (*тай гу* 太古) неизвестны [18, Сюй, с. 191]. При этом сам каталог он начинает с упоминания монет времён Шуня и периодов Ся и Шан, однако приводит лишь текстуальные свидетельства их существования. Древнейшие же образцы монет, описываемые в его каталоге, он датирует эпохой Западная Чжоу [18, цз. 1, с. 198], что согласуется с приведёнными выше данными современной науки.

В то же время каталогами древних монет дело не ограничивалось: упоминания о деньгах и посвящённые им разделы продолжали появляться и в более общих исторических работах. Так, значительное внимание проблеме происхождения денег и древним монетам уделено в составленном Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162) «Тун чжи» 通志 («Всеобъемлющие записи»), грандиозном энциклопедическом сочинении из 200 цюаней, посвящённом истории Китая со времён легендарной древности до начала X в. Наиболее ценной его частью обычно признаются 20 «очерков» (*люэ* 略), представляющих собой монографические исследования, посвящённые истории различных областей духовной и материальной культуры Китая [19, с. 652–653].

Основная информация об истории денежного обращения содержится в «Очерке о пище и ценностях» («Ши хо люэ» 食貨略). Появление денег относится в нём ко временам Тай-хао, который в системе древней истории «Тун чжи», восходящей к её сформировавшейся к концу I в. до н. э. «классической» версии, выступает в качестве первого из Трёх августейших и, как следствие, древнейшего правителя Поднебесной. Таким образом, деньги, по мнению Чжэн Цяо, возникли вместе с появлением государственности. При этом подчёркивается, что в разные эпохи для их обозначения использовались различные термины: «Деньги существуют

ещё со времён Тай-хао. [Правитель] из рода Тай-хао и [правитель] из рода Гао-ян называли их *цзинь* 金 ("металл", "золото"), [правитель] из рода Ю-сюн и [правитель] из рода Гао-синь называли их *хо* 貨 ("ценности"), [правитель] из рода Тао-тан называл их *цюань* 泉 ("родник"), шанцы и чжоусцы называли их *бу* 布 ("заступ", "ткань", "распространяться"), цисцы и цзюйцы⁸ называли их *дао* 刀 («ножи»). Те, кто называл их *цюань*, говорили об их форме (*син* 形); те, кто называл их *цзинь*, говорили о материале (*чжи* 質), [из которого] они [изготовлены]; те, кто называл их *дао*, говорили об инструменте (*ци* 器), [внешнему виду которого] они [подражали]; те, кто называл их *хо*, и те, кто называл их *бу*, говорили об их функции (*юн* 用)» [15, цз. 62, с. 743]. Далее Чжэн Цяо поясняет происхождение этих названий: «В древней письменности иероглиф [для обозначения] денег (*цян*ь) записывался как *цюань* 泉, [поскольку] их форма была подобна была подобна знаку *цюань*⁹. Однажды [их форма] изменилась, и [они] стали [подобны такому] инструменту, [как] нож, [а потом] изменилась ещё раз, и [они] стали [монетами] круглого образца... С тех пор, как [монеты] круглого образца распространились по миру, народ стал считать их поистине удобными [для использования], поэтому *цюань* и *дао* были в равной мере отброшены, и потомки [уже] не понимали [сути] их названий... Учёные прежних [времен] не знали всех обстоятельств и утверждали, что [деньги] текучее, чем родниковая [вода] (*цюань*), распространённое (*бу*), чем ткань (*бу*), дороже, чем золото (*цзинь*), и острее, чем нож (*дао*)¹⁰, но всё это – объяснения, продолжающие традицию [пустого] доктринёрства» [15, цз. 62, с. 743]. Соответственно, история смены названий древних монет отражает, по мнению Чжэн Цяо, процесс их видоизменения, который в целом подтверждается данными современной археологии.

⁸ Т.е. жители княжеств Ци 齊 (1046?–221 до н. э.) и Цзюй 莒 (1046?–431 до н. э.), находившихся на территории совр. пров. Шаньдун в восточной части Китая.

⁹ В древнейшем написании знак *цюань* действительно напоминал своими очертаниями монеты в форме заступа.

¹⁰ В данном случае, по-видимому, обыгрывается многозначность слова *ли* 利, которое может значить как «острый», так и «выгодный».

Важно отметить, что в своих рассуждениях о происхождении денег Чжэн Цяо, по-видимому, опирался на их реальные образцы, которые он относил к эпохе правления легендарных правителей древности. В другой части его труда, «Очерке [надписей на] металле и камне» («Цзинь ши люэ» 金石略), упомянуто 11 монет додинастического периода: металлическая [монета] Тай-хао (*Тай-хао цзинь* 太昊金), монета Цзунь-лу (*Цзунь-лу би尊盧幣*)¹¹, металлическая [монета] Шэнь-нуна (*Шэнь-нун цзинь* 神農金), металлическая ценность-[монета] Хуан-ди (*Хуан-ди хоцзинь* 黃帝貨金), металлическая ценность-[монета] Сюань-юаня (*Сюань-юань хоцзинь* 軒轅貨金), металлическая [монета] императора [Шао]-хао (*Ди-хао цзинь* 帝昊金)¹², металлическая [монета] императора Ку (*Ди-ку цзинь* 帝嚳金), металлическая [монета] Гао-яна (*Гао-ян цзинь* 高陽金), [монета] Яо [в форме знака] цюань (*Яо цюань* 堯泉), монета-цэчэнма Шуня (*Шунь цэчэнма би* 舜策乘馬幣) и металлическая ценность-[монета] цэби Шуня (*Шунь цэби хоцзинь* 舜策幣貨金)¹³. При этом, говоря об этих монетах, Чжэн Цяо ссылается на некий «Цянь пу» 錢譜 («Каталог денежных [знаков]») и отмечает, что «после пожаров войны... в Ганьчжоу 贛州 (на терр. совр. пров. Цзянси. – *А.Т.*) ещё остался [его] экземпляр» [15, цз. 73, с. 1844].

Главным основанием для датировки этих монет выступали, по-видимому, содержащиеся на них надписи, в которых сунские учёные видели титулы древних правителей и названия их столиц. Эти надписи упоминаются ещё в одном разделе «Тун чжи» – «Очерке шести [типов] письма» («Лю шу люэ» 六書略). Там, помимо прочего, приведены образцы

¹¹ Цзунь-лу 尊盧 – древний государь, правивший, по разным версиям, либо до Тай-хао, либо после него.

¹² Император Хао (Ди-хао 帝昊, более известен как Шао-хао 少昊) – легендарный правитель, иногда включаемый в число Пяти императоров.

¹³ Любопытно происхождение необычного названия монет Шуня. Сочетание *цэчэнма* (досл. «политика колесниц и коней»), хотя и в немного ином написании (*цэ чэн ма* 策乘馬), встречается в трактате «Гуань-цзы» [20, цз. 21.68, с. 1227, цз. 21.69, с. 1232–1237; 21, с. 273, 276–279], где обозначает особую территориально-административную единицу [21, с. 196–197, 255]. Судя по всему, представление о деньгах, называвшихся *цэчэнма* (а равным образом и *цэби*, «монеты цэ») и имевших хождение во времена Шуня, проистекает из неверного прочтения «Гуань-цзы».

древней письменности, подавляющее большинство которых представляют собой знаки, появляющиеся на монетах, относимых Чжэн Цяо к эпохе легендарных правителей. Так, различные варианты написания 4 из 6 иероглифов, рассматриваемых в качестве примеров в разделе «Изображения знаков, [писавшихся] по-разному в древности и ныне» («Гу цзинь шу вэнь ту» 古今殊文圖), взяты в том числе из надписей на монетах: это 3 древних варианта написания знака *хо* 貨 («ценность», на монетах Хуан-ди, Ди-ку и Гао-яна), 2 древних варианта написания знака *ди* 帝 («император», на монетах Хуан-ди и Ди-хао), 3 древних варианта написания знака *цзинь* 金 («металл», на монетах Хуан-ди, Ди-хао и Ди-ку) и 2 древних варианта написания знака *цюань* 泉 («родник», оба на монетах Яо) [15, цз. 35, с. 507]. В другом разделе этого очерка, «Изображения разных знаков, [писавшихся] по-разному в одну эпоху» («И дай шу вэнь ту» 一代殊文圖), из восьми приведённых примеров ко временам додинастического периода относятся три, в число которых входит 2 варианта написания знака *хао* 昊 на монетах времён Тай-хао, 6 вариантов написания знака *гао* 高 на монетах времён Гао-яна и 2 варианта написания знака *яо* 堯 на монетах времён Яо [15, цз. 35, с. 507]. Таким образом, можно утверждать, что к XII в. в Китае сложились представления о том, что целый ряд древних монет относится ко временам правления легендарных императоров древности.

Эта идея получает наибольшее развитие ещё в одном историческом сочинении эпохи Сун – трактате «Лу ши» 路史 («Грандиозная история») Ло Ми 羅泌 (1131–1189/1203). В этой книге излагается «апокрифическая» версия древней истории, насчитывающая не несколько тысяч, как это было в «классической» традиции, но более 2,7 млн. лет, поделённых на десять эр (*цзи* 紀). При этом период правления Тай-хао, прежде воспринимавшегося, как уже было сказано, в качестве самого первого монарха в истории Китая, в этой системе помещается ближе к концу девятой эры, в то время как перед ним оказывается несколько десятков более ранних государей. Вместе с историей удревняется в «Лу ши» и происхождение денег.

Первое упоминание о них появляется в «Лу ши» в связи с описанием деяний Суй-жэня, предстающего в этом памятнике как предпоследний

правитель восьмой эры, о котором, среди прочего, говорится: «Наладил обмен дешёвыми и дорогими [товарами] в государстве, и тем самым обеспечил циркуляцию [принадлежащих] народу ресурсов» [ЛШ: 5/34]. Согласно комментарию¹⁴, это может служить свидетельством того, что «[во времена] Суй-жэня уже имели хождение ценности» [22, цз. 5, с. 34]. На первый взгляд, в данном случае, опять же, нельзя однозначно сказать, подразумеваются ли под «ценностями» именно деньги, или же речь идёт о «товарах»: хотя практика употребления термина *хо* в основном тексте «Лу ши» и комментарии к нему говорит в пользу первой версии, контекст делает более вероятным второй вариант. Тем не менее, в одной из последующих глав этого труда однозначно утверждается, что, «[начиная с] Суй-жэня и далее, все поколения императоров вводили ценности-монеты, чтобы обменивать имеющееся на отсутствующее» [22, цз. 8, с. 52]. Таким образом, мнение Ло Ми по этому вопросу на первый взгляд совпадает с приведённой выше точкой зрения Хун Цзуня, однако в силу специфики представленной в «Лу ши» схемы древней истории получается, что появление монет относится в этом сочинении к значительно более раннему времени.

В следующий раз тема денег всплывает в описании деяний Сюань-юаня 軒轅, правившего, по мнению Ло Ми, в середине девятой эры: «[Сюань-юань] соразмерял недостающее и излишнее, учитывал проходимость и недоступность [путей], и так завладел [всеми] четырьмя сторонами [света]. [Начал] разрабатывать горы, добывать медь и делать из неё ценности [в форме] ножей (*дао хо* 刀貨), чтобы уравновесить дешёвое и дорогое в [различных] регионах, и Поднебесная была приведена в порядок» [22, цз. 7, с. 47]. С этого момента упоминания об использовании монет в «Лу ши» становятся регулярными. Так, о правившем, по мнению Ло Ми, через один род после Сюань-юаня государе Гэ-тяне 葛天 «Лу ши» сообщает, что он «ввёл [в оборот] ценности-монеты (*хоби*) и установил [принципы] счёта и вычислений, поэтому застоявшиеся [регионы начали] сообщаться [между собой], и Поднебесная [стала наслаждаться]

¹⁴ Комментарий к «Лу ши» традиционно приписывается сыну Ло Ми Ло Пину 羅莘 (1148–1233), однако велика вероятность того, что в действительности значительная его часть принадлежит самому Ло Ми [23, с. 65–67].

благоденствием» [22, цз. 7, с. 50]. Говорится о деньгах и в связи со следующим монархом в системе Ло Ми – правителе из рода Цзунь-лу, который «[если чем и] изменил старые [порядки] Поднебесной, так это выпуском в обращение монет» [22, цз. 8, с. 52]. При этом именно эти монеты оказываются важнейшим источником, позволяющим судить о его эпохе: «Ныне же единственное, что свидетельствует об [этом] периоде и несёт на себе его след, – это монеты Цзунь-лу» [22, цз. 8, с. 52].

Естественно, фигурируют деньги и в связи с монархами, которые называются их изобретателями в более ранних сочинениях. Так, Тай-хао, ставший в «Лу ши», как уже говорилось, одним из последних правителей девятой эры, «собрал медь со [всей] Поднебесной, посмотрел наверх, взглянул вниз и создал монеты *цзи* 棘 ("тернии"). Отверстие [у них было] круглым, в подражание Небу, а тело – квадратным, в подражание Земле. При помощи [этих монет Тай-хао] понижал или повышал [цены на рынках]; при помощи [них он] соединял [регионы, в которых имело место] наличие и отсутствие [тех или иных товаров]» [22, цз. 10, с. 75]. Комментарий поясняет, что монеты времён Тай-хао назывались *цзюцзи* 九棘 («девять терниев») ¹⁵ [22, цз. 10, с. 75]. Шэнь-нун же, согласно Ло Ми, «стал заливать металл в формы и наладил [выпуск] ценностей, тем самым увеличивая [количество средств для] государственных расходов» [22, цз. 12, с. 90].

Можно было бы решить, что монеты этих древних правителей являются плодом фантазии самого Ло Ми или авторов книг, на которых он основывался, однако такое предположение опровергается комментарием, в котором приводятся подробные описания древних монет, о которых говорится в основном тексте. Так, в связи с упоминанием о деньгах Сюань-юаня комментарий поясняет: «Металлические [монеты] (*цзинь*) Сюань-юаня в длину [составляли 1] *цунь* 7 *фэней* и весили 12 *чжу* ¹⁶. Надпись

¹⁵ Изначально это сочетание обозначало ряды из девяти финиковых деревьев (*цзи*), якобы высаживавшихся по сторонам двора, где Сын Неба проводил аудиенции [24, цз. 35, с. 1098]; как оно оказалось связанным с Тай-хао и было переосмыслено в качестве названия монет, неясно.

¹⁶ *Цунь* 寸 и *фэнь* 分 – традиционные китайские меры длины. *Цунь* в различные эпохи равнялся 2.3–3.6 см, а *фэнь* составлял одну десятую *цуня*. *Чжу* 銖 – традиционная китайская мера веса, также варьировавшаяся в зависимости от эпохи и в среднем составлявшая ок. 0.57 гр.

выглядела как *фу чжэ чжи* 孚者至¹⁷. Это – иероглифы *сюань юань хо и цзинь* 軒轅貨一金 ("монета Сюань-юаня [достоинством в] один *цзинь*")» [22, цз. 7, с. 47]. В случае с монетами Гэ-тяня точных размеров не приводится, однако говорится, что «[среди] надписей на монетах есть [знак] *гэ* 葛», а дальше приводятся подтверждающие подобное чтение этого знака мнения некоего Ли Цзи 李洎 (время жизни неизвестно) и Дун Ю [22, цз. 7, с. 50]. Похожим образом обстоит ситуация с монетами Цзунь-лу, о которых в комментарии сказано следующее: «В "Книге о деньгах" ("Цянь шу" 錢書) господина Дун [Ю] есть монета [правителя] из рода Цзунь-лу. Надпись на ней выглядит как *цзю* 【𠄎𠄎𠄎】. [Если] исследовать её, [сравнивая с] монетами Ся и Шан, становится ясно, что это – монета [правителя] из рода Цзунь-лу» [22, цз. 8, с. 52]. Значительно более подробными оказываются описания монет Тай-хао: «Некогда дома у Ван Бо 王搏, помощника начальника уезда (*вэй* 尉) Баодин 寶鼎, была одна [монета в форме] заступа: длина [1] *цунь* 6 *фэней*, ширина "плеч" 8 *фэней*, ширина "головы" пять *фэней*, [расстояние] между "ногами" 2 *фэня*¹⁸, вес 6 *чжу*. Надпись на лицевой [стороне] выглядит как *син-хао* 行昊. Это – [старое написание] иероглифов *ди-хао* 帝昊 ("император Хао"). Надпись на оборотной [стороне] выглядит как *инь* 引. Косая черта сбоку, которую Ли Янь-мэй 李彥美¹⁹ называет *ляо* 了, – это, по-видимому, иероглиф *си* 羲. "Книга о деньгах" ("Цянь шу" 錢書) относит [эту монету] в раздел "необычных [монет в форме] заступа (*и бу* 異布)". Также у Дун Лин-шэна 董令昇 (XII в.?) дома была [монета ещё] одного типа: длина [1] *цунь* 8

¹⁷ Большинство процитированных в «Лу ши» надписей на монетах включают знаки, не имеющие аналогов в нормативной иероглифике и потому отсутствующие в современных шрифтах. Более того, в различных изданиях «Лу ши» и других памятниках, цитирующих эти надписи, эти знаки демонстрируют большую степень вариативности. Соответственно, их формы и транскрипции, приводимые в данной статье, условны.

¹⁸ «Плечи» (*цзянь* 肩), «голова» (*шоу* 首), «ноги» (*цзу* 足) – технические термины для обозначения различных элементов монет в форме заступа, имеющих один выступ сверху («голова») и два снизу («ноги»).

¹⁹ По-видимому, имеется в виду Ли Сяо-мэй 李孝美 (XI в.?), автор «Каталога денежных [знаков] древности и современности» («Гу цзинь цянь пу» 古今錢譜).

фэней, ширина "лба" 6 *цуней*²⁰, ширина "плеч" [1] *цунь* 1 *фэнь*, расстояние между "ногами" 5 *фэней*, вес 12 *чжу*. Надпись на лицевой стороне выглядит как *фу-хао* 父昊 ("отец Хао"). Надпись на оборотной [стороне] выглядит как *ши* 奭. Всё это – [различные написания] иероглифов *тай-хао*. [Если] сравнить их с [надписями на древних] чайниках и колоколах, [где иероглиф] *ди* 帝 ("владыка") пишется сверху вниз как [иероглиф] *эр* 二, то здесь его поставили вертикально, так что получился знак *эр* 卩. Вероятно, это [тоже] иероглиф *ди*. К тому же, очевидно, в "Надписях, [сделанных по случаю] жертвоприношений Небу и Земле" ("Фэн шань вэнь" 封禪文)²¹ [знак] *хао* 昊 написан как *цзюнь* 昊» [22, цз. 10, с. 75]. Приведённые здесь точные характеристики монет и сведения об их владельцах не оставляют никаких сомнений в том, что речь идёт о реально существовавших предметах. Далее в подобной манере описываются монеты последующих правителей – Шэнь-нуна [22, цз. 12, с. 90], Хуан-ди [22, цз. 14, с. 115], Шао-хао [22, цз. 16, с. 137], Чжуань-сюя [22, цз. 17, с. 146–147], Яо [22, цз. 20, с. 183] и Шуня [22, цз. 21, с. 204].

По крайней мере в одном случае древние монеты выступают в «Лу ши» в качестве одного из оснований для пересмотра традиционных представлений о древней истории: с их помощью Ло Ми пытается опровергнуть отождествление Хуан-ди и Сюань-юаня, идущее, по его мнению, от Сыма Цяня. В разделе, посвящённом Сюань-юаню, он пишет: «[Если] обратиться ко множеству надписей на монетах, [то среди них] есть металлические [монеты] Хуан-ди, но есть и металлические [монеты] Сюань-юаня²². В выгравированных [на стеле] "Надписях, [сделанных по случаю] жертвоприношений Небу и Земле" встречается [титул правителя] из рода Сюань-юань, но встречается и [титул правителя] из рода Хуан-ди. Таким образом, [тот факт, что] Сюань-юань был отдельным древним правителем, заслуживает доверия. [Люди] последующих эпох видят лишь то, что историограф Цянь, составляя анналы Хуан-ди, назвал [его] Сюань-

²⁰ «Лоб» (э 額) – по-видимому, синоним термина «голова», обозначающего верхний выступ монет в форме заступа.

²¹ Что за сочинение имеется в виду в данном случае, неясно.

²² Комментарий к этой фразе сообщает, что «[в каталоге] господина Дун [Ю] есть [монеты] двух различных типов» [22, цз. 7, с. 48].

юань, совершенно не [пытаются] ещё раз исследовать [этот вопрос] на основании древних [источников и в результате] упускают его [суть]» [22, цз. 7, с. 48]. Немного подробнее тезис о монетах Хуан-ди и Сюань-юаня раскрывается в комментарии к записи об имени Хуан-ди: «Замечу, в "Каталоге денежных [знаков]" ("Цянь пу") [упоминается] два типа древних монет. Есть те, надпись на которых выглядит как *цзю цзинь* 【日人日 | 又】斤, и это – деньги Хуан-ди, а есть те, на которых [она] выглядит как *цзюй* 【日日上从日吕日】 , и это – монеты [правителей] из рода Сюань-юань. Все ценности-монеты прошлых эпох различаются по периодам, [и отсюда] узнаём, что Хуан-ди и Сюань-юань – это два [разных человека]» [22, цз. 14, с. 115].

Иногда в «Лу ши» приводятся альтернативные датировки монет, которые становятся объектом суровой критики. Так, в связи с монетами Гэ-тяня комментарий отмечает: «По-видимому, относя их к [тому или иному] периоду, иногда предполагают, что это – монеты Хуан-ди. По-видимому, считают, что гора Гэлу 葛盧, разверзшись, исторгла металл, а Хуан-ди взял [его] и создал из него монеты, чтобы [обеспечить] обмен сотнями товаров. Однако, [чтобы] на монете был изображён один иероглиф, который был бы соединённым в [один знак] названием горы, – такое странное [предположение выдвигать] не стоит» [22, цз. 7, с. 50].

Более того, проблеме атрибуции древних монет Ло Ми посвящает отдельное эссе – «Рассуждение о том, откуда пошли монеты» («Лунь би со ци» 論幣所起), включённое в раздел «Развёрнутые разъяснения» («Фа хуэй» 發揮). В первой его части говорится о важности денег для управления страной: «Народ узнал пользу питья, еды и одежды для верхней и нижней частей тела, и появились ценности-монеты (*хо би*). Появились ценности-монеты, и [все части] Поднебесной стали сообщаться [между собой]. Совершенномудрые люди сохраняли такое [положение вещей] и тем самым осуществляли управление. [А раз так], то источник их власти – это, само собой, вещи, [используемые для поддержания] жизни народа» [22, цз. 32, с. 455].

Далее Ло Ми переходит к сути проблемы. Приводя цитаты из древних текстов, свидетельствующие о том, что монеты существовали в эпохи Ся и Шан, он выступает против учёных, которые относили

появление денег к более позднему периоду: «Однако Шэнь Янь[-чжи]²³, рассуждая о [монетах в форме] заступа, считал, что они возникли в эпоху Чжоу, а Бань Гу и Хуань Тань²⁴ оба утверждали, что [в эпохи] Ся и Шан не было записей [о деньгах]. Почему же? В «Переменах» говорится, что [правитель] из рода Шэнь-нун "собрал вместе ценности [со всей] Поднебесной, [и люди] стали обменивать их и возвращаться [домой с ними]"²⁵. Это значит, что ценности-монеты появились ещё до Янь-ди» [22, цз. 32, с. 455].

Далее Ло Ми рассказывает о своём опыте работы с древними деньгами: «Я некогда повсюду расспрашивал о древних монетах, сравнивал [знаки на них] с "Надписями, [сделанными по случаю] жертвоприношений Небу и Земле" и гравировками на рукомошниках (*и 匱*) и умывальницах (*си 洗*), проверял [их] на основании письмён, [приведённых в] «Высушенных планках» («Хань цзянь» 汗簡), «Собрании переплетений [черт в иероглифах]» («Цзи чжуй» 集綴), «Древних письменах» («Гу вэнь» 古文), «Рифмах [историографа] Чжоу» («Чжоу юнь» 籀韻), «Иностранных письменах» («Вай шу» 外書), «Собрании иероглифов» («Цзи цзы» 集字) и прочих [сочинениях]²⁶. Тогда [оказалось, что в мире] есть такие [монеты], как *би 幣* Гэ-тяня, Сюань-юаня и Цзунь-лу, *цзюцзи 九棘* Тай-хао, *ицзинь 一金* Шэнь-нуна, *хо 貨* Хуан-ди и Шао-хао, *хо ицзинь 貨一金* [Ди-]ку, *пинъянцизинь 平陽金* Гао-яна, *цюань 泉* Яо, а также *данцизинь 當金* и *цэчэнма 策乘馬* Шуня – так они изобильны. Это значит, что в древности никогда не было такого, чтобы Поднебесной управляли без помощи [такого средства] стабилизации [хозяйства, как деньги]» [22, цз. 32, с. 455].

²³ Вероятно, имеется в виду Шэнь Янь-чжи 沈演之 (397–449), чиновник эпохи Лю Сун 劉宋 (420–479).

²⁴ Хуань Тань 桓譚 (23 до н. э. – 56 н. э.) – учёный и политик эпохи Хань, автор сохранившегося в виде фрагментов сочинения «Синь лунь» 新論 («Новые суждения»).

²⁵ «Перемены» («И» 易, также «Чжоу и» 周易, «Чжоуские перемены») – канонический текст, состоящий из собственно канона («И-цзин» 易經, «Канон перемен») и комментариев к нему. Наиболее авторитетным среди них является «Си цы чжуань» 繫辭傳 («Комментарий привязанных слов»), из которого и взята эта цитата [25, цз. 8, с. 351].

²⁶ Здесь перечисляются различные работы по палеографии. Все они, за исключением «Высушенных планок» («Хань цзянь» 汗簡) Го Чжун-шу 郭忠恕 (ум. 977 г.), ныне утрачены.

Попытки датировать эти монеты более поздним временем вызывают у Ло Ми яростное негодование: «[Что касается] денег (*хо*) [времен] Фу-си, [то] и "Книга о деньгах-крылатках" ("Цзя цянъ шу" 莢錢書), и "Старый каталог" ("Цзю пу" 舊譜) помещают их в раздел экземпляров в форме заступов (*бу пинь* 布品). В книгах утверждается, что *цзюцзи* были распространены в [эпоху] Си-хуана²⁷, поэтому [среди] надписей на монетах есть [знак] *шуй* 【𠄎小一水】, причём Фэн Янь и Гу Сюань оба отнесли их к монетам [эпох] Чжоу и Цинь. Деньги Хуан-ди, Шао-хао, Гаояна и Ди-ку тоже классифицируют как необычные монеты в форме заступов с длинной и плоской «головой», тем самым пятная и скрывающая [их сущность]. Знают ли вообще [те, кто так делает], о существовании древних знаков?» [22, цз. 32, с. 456]

Единственным специалистом, удостоившимся похвалы Ло Ми (хотя и смешанной со снисходительной критикой), оказывается Дун Ю: «Дун Ю, создавая "Книгу о деньгах", по-видимому, в общих чертах различал их. Поэтому [он] начал этот [свой труд] с монеты [времен] Тай-хао, а значит, тоже считал, что [деньги] должны были возникнуть до Тай-хао. Однако есть [там] монеты [времен] Гэ-тяня и Цзунь-лу, но помещены они все после [монет эпохи] Тай-хао. Это, опять же, [от того, что Дун Ю] не до конца разобрался [в вопросе]» [22, цз. 32, с. 456].

Возвращается Ло Ми и к упомянутой выше проблеме идентификации Сюань-юаня и Хуан-ди: «Также есть [монеты, надпись на которых] выглядит как *цзы* 字. Ван Цунь²⁸, опять же, считал, что это монеты [правителя] из рода Сюань-юань, и утверждал, что в древности иероглифы *сюань-юань* соединялись воедино. Хотя [это] и нельзя доказать [однозначно], однако коль скоро [правитель] из рода Хуан-ди выпускал свои ценности Хуан-ди, то [тот факт, что] эти [монеты со знаком *цзы*] – монеты [эпохи] Сюань-юаня, достоверен. Но что поделаешь – те, кто рассуждает [об этом], беспрестанно цепляются за исторические записи и говорят, что [верхняя граница появления] монет ограничивается [эпохами] Тан [Яо] и Юй [Шуня]. Лу Бао, обсуждая речи о том, что монеты

²⁷ Си-хуан 羲皇 – один из вариантов имени Тай-хао (Фу-си).

²⁸ Ван Цунь 王存 (1023–1101) – сановник эпохи Северная Сун.

появились во [времена] Хуан-ди, утверждал, что ценности-монеты появились не в глубокой древности. Что уж и говорить об эпохах [столь] величественных и отдалённых, [как времена] Гэ-тяня и Сюань-юаня?» [22, цз. 32, с. 456]

После этого Ло Ми переходит к рассуждениям о видоизменении встречающихся на монетах знаков и о расходах, которые должны были нести древние правители в процессе подготовки жертвоприношений Небу и Земле, а затем ещё раз повторяет свой тезис о том, что деньги впервые появились во времена Суй-жэня. Заканчивается эссе очередным выпадом в адрес недалёких современников: «Ведь со [времени изобретения] письменности и далее, государей, один за другим приносивших жертвы Небу и Земле, было семьдесят два рода. Их [письменные] знаки [имели] различную форму, но то, как они вводили ценности-монеты, чтобы помочь современникам, было одинаковым. [Однако] эпоха [их правления] далека, а записи [о них] скудны; последующие поколения не разобрались [в этом вопросе], и тогда стали утверждать, что в древности ценностей не было. Ну а те, кто утверждает, что письменные знаки появились не в эпоху Гэ-тяня и Сюань-юаня, совсем запутались!» [22, цз. 32, с. 456]

Особый интерес представляет комментарий, помещённый в середине этого эссе. Он открывается ещё одной порцией критики предшествующих работ: «Все древние монеты различаются по эпохам и титулам [выпускавших их правителей]. "Старые денежные знаки" ("Цзю чжи цяньвэнь" 舊之錢文) и "Каталог денежных [знаков]" ("Цянь пу" 錢譜)²⁹ помещают их в раздел "Необычные экземпляры" ("Ци пинь" 奇品); [авторы] обеих [книг] неспособны распознать [в них древние монеты]». Далее приводится подробное описание 12 монет: одна датирована временем Тай-хао, одна – Шао-хао, шесть – Чжуань-сюя, одна – Ди-ку, две – Хуан-ди и одна – Шуня. В качестве примера можно привести последние три описания: «[Есть] ещё одна вещица, [хранившаяся] дома у Ли Чжо³⁰: длина 2 цуня 1 фэнь, [ширина] "плеч" [1] цунь 7 фэней, длина выступов 6 фэней, [расстояние] между [ними] 4 с половиной фэня, ширина "головы" 7 фэней, по структуре плотная, вес 28 чжу, надпись выглядит как гун доу

²⁹ О каких именно сочинениях идёт речь в данном случае, неясно.

³⁰ Ли Чжо 李涿 (IX в.) – сановник эпохи Тан.

сань цзинь цюань 【山弓】 豆三斤全, надпись на оборотной [стороне] выглядит как *чжун* 【山中】. [Есть] ещё один тип [монет], аналогичных этой по величине и весу, шесть иероглифов те же, [но] все написаны вверх ногами, а [знак] *чжун* 【山中】 выглядит как *чжун* 【中山】, и это – деньги [времен] Хуан-ди. Это – самые большие из монет. *Цэчэнма* [времен] Шуня: длина 2 *цуня*, ширина наверху [1] *цунь* 2 *фэня*, внизу – [1] *цунь* 3 *фэня*, длина и ширина «головы» – по 7 *фэней*, расстояние между "ногами" 5 *фэней*, [сами "ноги"] прямые и закруглённые, надпись выглядит как *шан цюань шуй пи фэн чжэн* 尚全 【山水】 足 【夂風】 【一山】 , все [знаки] на лицевой стороне; и по краям, и вокруг отверстия есть ободок» [22, цз. 32, с. 456].

Приведённые описания позволяют найти эти и прочие упоминаемые Ло Ми монеты в древнейшем из дошедших до нас каталогов – «Цюань Чжи» Хун Цзуня, где они помещены в раздел «Экземпляры [монет в форме] ножей и заступов» («Дао бу пинь» 刀布品) [18, цз. 9, с. 239–240]. При этом Хун Цзунь не предпринимает попыток их датировки и в большинстве случаев даже не пытается расшифровать надписи на них, признавая, что их «невозможно понять» (*бу кэ ши* 不可識)³¹.

Тот факт, что эти монеты явно существовали в действительности, заставляет задуматься об их природе. Не являлись ли они танскими или сунскими подделками? И если нет, то к какой эпохе они принадлежали на самом деле? Ответить на эти вопросы помогают содержащиеся в каталоге Хун Цзуня прорисовки этих монет. Хотя исследователи отмечают, что «в оригинальной версии [каталога Хун Цзуня] иллюстраций не было, и иллюстрации были добавлены наобум последующими поколениями» [4, с. 361], они оказываются достаточно точными и позволяют соотнести изображённые на них предметы с современными археологическими находками (см. рис. 1 и 2). В результате оказывается, что на протяжении XX в. подобные монеты были обнаружены в большом количестве и хорошо знакомы современным специалистам. Надпись на так называемой

³¹ Чуть ли не единственным исключением является надпись на второй из монет, которые Ло Ми идентифицирует как относящиеся ко временам Хуан-ди. Хун Цзунь читает её как *Аньян чжи цзи хо* 安陽之吉貨 («Благовещающая ценность из [города] Аньян») [18, цз. 9, с. 240].

«монете Хуан-ди» в действительности должна читаться как *Аньи эр цзинь* 安邑二銖 («Аньи, два цзиня»), где Аньи 安邑 – название столицы располагавшегося в эпоху Чжаньго на территории Центрального Китая государства Вэй 魏 (403–225 гг.) до 361/339 г. до н. э., а *цзинь* 銖 – мера веса, равная примерно 15 гр. Что же до «цэчэнма Шуня», то надпись на ней гласит *Лян чжэн би бай дан люй* 梁正幣百當乎 («Полная монета [царства] Лян, сотня [таких] сопоставима с [одним] люй); Лян 梁 – столица того же государства Вэй с 361/339 г. до н.э., название которой использовалось в качестве альтернативного названия царства, а *люй* 乎 (люэ 銖) – мера веса, составляющая около 1,5 кг [5, с. 57; 6, с. 379–385, 396–400]. Таким образом, на самом деле обе эти монеты относятся к периоду Чжаньго. Похожим образом обстоит ситуация и с другими «ценностями», которые Ло Ми датировал додинастическим периодом.

Рис. 1. «Монеты Хуан-ди»: а) [18, цз. 9, с. 239; 6, с. 384, №1278];
 б) [18, цз. 9, с. 239; 6, с. 381, №1257].

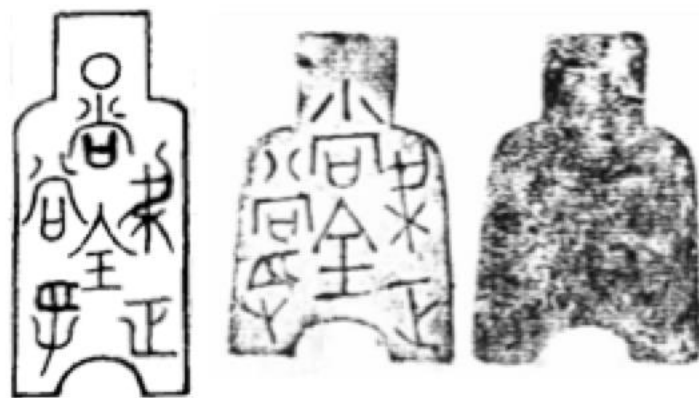

Рис. 2. «Цэчэнма Шуня» [18, цз. 9, с. 240; 6, с. 396, №1350].

Наконец, стоит поставить вопрос об авторстве идеи о додинастическом происхождении этих монет. Хотя в качестве самых известных её сторонников и популяризаторов выступают Чжэн Цяо и Ло Ми, они явно не являлись её создателями. Тем не менее, представляется, что личность человека, ответственного за её появление, установить всё же возможно. Им с большой долей вероятности является уже неоднократно упоминавшийся выше Дун Ю – коллекционер и художественный критик, ныне известный в первую очередь как автор двух важных работ по истории искусства – «Гуанчуань шу ба» 廣川書跋 («Характеристика каллиграфии из Гуанчуаня») и «Гуанчуань хуа ба» 廣川畫跋 («Характеристика живописи из Гуанчуаня»). Среди множества его сочинений, не сохранившихся до наших дней, фигурирует составленный в 1097 г. «Цянь пу» 錢譜 («Каталог денежных [знаков]») ³² в 10 *цзюанях* [26, с. 158]. Наиболее подробная характеристика этой работы содержится в «Цзюнь чжай ду шу чжи» 郡齋讀書志 («Записи о чтении книг из канцелярии [начальника] округа») Чао Гун-у 晁公武 (1105–1180): «Дед Ю некогда собрал сотню древних денежных [знаков] и велел Ю изучить и привести в порядок надписи на них, [а также] каталогизировать их, [расположив] в порядке, соответствующем последовательности императоров и царей прежних поколений. К тому же, [Ю] говорил, что каталоги лянского Гу Сюаня и танского Фэн Яня беспорядочны и

³² В ряде источников это сочинение упоминается под названием «Сюй Цянь пу» 續錢譜 («Продолжение каталога денежных [знаков]») [26, с. 157, прим. 1].

ограниченны, [и потому] не могут быть использованы. [Согласно] его каталогу, начиная с [правителей] из родов Тай-хао, Гэ-тянь и вплоть до Яо, Шуня, Ся и Шан всегда были деньги-монеты» [17, цз. 14, с. 667]. Это описание практически не оставляет сомнений в том, что именно Дун Ю впервые высказал идею о том, что ряд известных в эпоху Сун древних монет относится ко временам правителей додинастического периода³³. Следовательно, можно предположить, что именно на его каталог ссылался Чжэн Цяо, приводя свой перечень древних монет. Кроме того, территория совр. пров. Цзянси, где, по словам Чжэн Цяо «сохранился экземпляр» этой книги, являлась местом рождения и жизни Ло Ми, который также активно пользовался сочинением Дун Ю.

Тем не менее, далеко не все были готовы принять предложенные Дун Ю датировки. Так, Хун Цзунь упоминает его наряду с другими авторами, которые, «описывая дела и приводя доказательства, были весьма небрежны» [18, Сюй, с. 191], а Чао Гун-у, рассказывая о периодах, которыми Дун Ю датировал монеты, пишет: «Вот до чего доходили его притянутые объяснения и абсурдные заблуждения» [17, цз. 14, с. 667].

Впрочем, несмотря на критику, представления о том, что ряд древних монет относится к эпохе легендарных правителей, продолжали существовать вплоть до XIX в. Так, в одном из наиболее полных нумизматических каталогов позднеимперского Китая «Гу цюань хуэй као» 古泉彙考 («Сводное исследование древних [монет]-цюань») Вэн Шу-пэя 翁樹培 (1765–1809) перечислено несколько десятков монет, относимых к додинастическому периоду, причём одним из основных источников этой работы оказывается как раз «Лу ши» [27, цз. 1, с. 8–53]. При этом в предисловии к своей работе Вэн Шу-пэй признаёт, что подобные датировки не однозначны, однако всё же считает их заслуживающими внимания: «По-видимому, появление монет [в форме знака] *цюань* восходит ко [временам] Тай-хао... Со [времен] Ло Ми и Дун Ю [учёные] утверждали, что и [во времена] Гэ-тяня, и [во времена] Цзунь-лу

³³ При этом Дун Ю, судя по всему, придерживался достаточно традиционных взглядов на древнюю историю Китая и, в частности, считал Тай-хао первым государем, а правление Гэ-тяня и Цзунь-лу относил к более позднему периоду. Очевидно, именно из-за этого обстоятельства Ло Ми обвинял Дун Ю в том, что тот «не до конца разобрался [в вопросе]» [22, цз. 32, с. 456].

существовали монеты [в форме знака] *цюань*. Господин Чао [Гун-у] уже упрекал этих [учёных] в несостоятельности, однако всё, что цитируется в сводах "Всеобъемлющих записей", происходит из их [сочинений]. [Таким образом, атрибуции в] древних каталогах денежных [знаков] не обязательно полностью лишены оснований, поэтому настоящее исследование в полном соответствии с этими старыми [работами] начинается с [эпохи правителя] из рода Суй-жэнь» [27, (Сюй), с. 4]. Более того, даже упоминая верные с точки зрения современной науки атрибуции, он утверждает, что некоторые монеты различных эпох выглядели похожим образом и потому не могут быть датированы с уверенностью: «Среди этих [монет есть такие, которые] явно относятся к числу идущих следом [друг за другом]. Так, [монеты с надписью] "Благовещая ценность из [города] Аньян" (*Аньян чжи цзи хо*) являются металлическими [монетами] Хуан-ди, а такие [монеты в форме] заступа, как [те, надписи на которых выглядят как] "Гао-ян" и "Аньян", являются металлическими [монетами] Гао-яна, но во времена Чуньцю тоже были [монеты в форме] ножей [с надписью] "Благовещая ценность из [города] Аньян", [а также] такие [монеты в форме] заступа, как [те, надписи на которых выглядят как] "Гао-ян" и "Аньян". Как различить [их]?.. Во всех случаях, когда [есть какой-либо] один денежный [знак], но время его [создания] определить невозможно и [его датировка] вызывает сомнения, ничто не мешает привести одно за другим оба толкования, [так чтобы они] дополняли друг друга, а [явные] домыслы приводить в конце. На самом деле, в "Трактате о деньгах" господина Хун [Цзуня] обо всех монетах Тай-хао сказано лишь то, что "необычные [монеты в форме] заступов не следует относить к [определённой] эпохе"» [27, (Сюй), с. 4]. Иными словами, рассмотренные выше интерпретации учёных сунской эпохи продолжали пользоваться значительным авторитетом даже столетия спустя.

Таким образом, временем правления легендарных государей древности в эпоху Сун датировали монеты, в реальности относившиеся к периодам Чуньцю и Чжаньго. Родоначальником этой традиции стал, по видимому, Дун Ю, неверно интерпретировавший малопонятные на тот момент надписи на монетах. Впоследствии его предположение было принято Чжэн Цяо, использовавшим толкования Дун Ю для

реконструкции ранних этапов китайской письменности, и развито Ло Ми, для которого подобные датировки стали одним из аргументов в пользу истинности его собственной реконструкции древнейшей истории. В позднеимперском Китае эти идеи продолжали пользоваться определённой популярностью, и лишь в XX в., благодаря развитию археологии и палеографии, стало возможным однозначно опровергнуть подобные датировки и установить подлинное время создания этих монет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Rudolph R.C.** Preliminary Notes on Sung Archaeology // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 22, No. 2. 1963. Pp. 169–177.
2. **Vinsrygg S.** Time in Archaeological Thought. China and the West // Fraser, J.T., Lawrence, N. & Haber, F. C. (eds). *Time, Science and Society in China and the West. The Study of Time V.* – Amherst: University of Massachusetts Press, 1986. Pp. 225–240.
3. **Sena Y.C.** *Bronze and Stone: The Cult of Antiquity in Song Dynasty China.* – Seattle: University of Washington Press, 2019. – 220 pp.
4. **Пэн Синь-вэй 彭信威.** Чжунго хоби ши 中國貨幣史 (История китайских денег). – Шанхай: Шанхай жэньминь, 1958. – 675 с.
5. **Сяо Цин 蕭清.** Чжунго гудай хоби ши 中國古代貨幣史 (История денег Древнего Китая). – Пекин: Жэньминь, 1984. – 328 с.
6. Чжунго лидай хоби даси 中國歷代貨幣大系 (Большое систематизированное собрание [образцов] китайских денег минувших эпох). Т. 1 / Гл. ред. Ван Цин-чжэн 汪慶正. – Шанхай: Шанхай жэньминь, 1988. – 1181 с.
7. **Yang B.** The Rise and Fall of Cowrie Shells: The Asian Story // *Journal of World History*. Vol. 22, No. 1. 2011. Pp. 1–25.
8. **Hsu C.** The Spring and Autumn Period // *The Cambridge History of Ancient China* / Ed. by M. Loewe, E. L. Shaughnessy. – N. Y.: Cambridge University Press, 1999. Pp. 545–586.
9. **Lewis M.E.** Warring States: Political History // *The Cambridge History of Ancient China* / Ed. by M. Loewe, E. L. Shaughnessy. – N. Y.: Cambridge University Press, 1999. Pp. 587–650.
10. **Сыма Цянь 司馬遷.** Ши цзи 史記 (Записи историографа). В 10 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1963. – 3322 с.
11. **Сыма Цянь.** Исторические записки: («Шицзи»). Т. IV / Пер. с кит., вступит. ст. и прил. Р. В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 1986. – 454 с.
12. Шан шу чжэн и 尚書正義 (Истинный смысл «Древних документов») / Комм. Кун Ань-го 孔安國 и Кун Ин-да 孔穎達. В 2 тт. – Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2000. – 673 с.
13. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 363 с.

14. Бань Гу 班固. Хань шу 漢書 (Книга [об истории эпохи Ранняя] Хань). В 12 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1964. – 4273 с.
15. Чжэн Цяо 鄭樵. Тун чжи 通志 (Всеобъемлющие записи). В 3 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1987. – 3145 с.
16. Цюань Цзинь вэнь 全晉文 (Полное собрание прозы [эпохи] Цзинь) // Цюань шангу Саньдай Цинь Хань Саньго Лючао вэнь 全上古三代秦漢三國六朝文 (Полное собрание прозы глубокой древности, Трёх эпох, Цинь, Хань, Троецарствия и Шести династий) / Сост. Янь Кэ-цзюнь 嚴可均. В 4 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1985. С. 1461–2438.
17. Чао Гун-у 晁公武. Цзюнь чжай ду шу чжи 郡齋讀書志 (Записи о чтении книг из канцелярии [начальника] округа). В 2 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1990. – 1404+123 с.
18. Хун Цзунь 洪遵. Цюань чжи 泉志 (Трактат о [монетах]-цюань») // Сюйсю сыку цюаньшу 續修四庫全書 (Продолжение «Полного собрания книг четырёх хранилищ»). – Шанхай: Шанхай гуцзи, 2002. Т. 1112. С. 191–267.
19. Гуань-цзы цзяо чжу 管子校注 (Сверенный текст «Гуань-цзы» с комментариями) / Комм. Ли Сян-фэна 黎翔鳳. В 3 тт. – Пекин: Чжунхуа, 2004. – 1545 с.
20. Штейн В.М. Гуань-цзы. Исследование и перевод. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 380 с.
21. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006–. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. М. Л. Титаренко и др. – 2009. – 935 с.
22. Ло Ми 羅泌. Лу ши 路史 (Грандиозная история) // Вэньюаньгэ сыку цюаньшу 文淵閣四庫全書 (Полное собрание книг четырёх хранилищ из павильона Вэньюань). Тайбэй: Тайвань шаньбу, 1986. Т. 383. С. 1–654.
23. Чжу Сянь-линь 朱仙林. Ло Ми цзяши цзи ци «Лу ши» као 羅泌家世及其《路史》考 (История семьи Ло Ми и исследование его «Грандиозной истории») // Гудай вэньмин 古代文明 (Древняя цивилизация). Т. 5, №4. 2011. С. 59–69.
24. Чжоу ли чжу шу 周禮注疏 («Чжоуские ритуалы» с комментарием и субкомментарием) / Комм. Чжэн Сюаня 鄭玄 и Цзя Гун-яня 賈公彥. В 3 тт. – Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2000. – 1391 с.
25. Чжоу и чжэн и 周易正義 (Истинный смысл «Чжоуских Перемен») / Комм. Ван Би 王弼 и Кун Ин-да 孔穎達. – Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2000. – 451 с.
26. Пань Вэнь-чжу 潘文竹. Дун Ю шэнпин каолюэ 董適生平考略 (Исследовательский очерк жизни Дун Ю) // Ханьци юй ханьсюэ 漢籍與漢學 (Китайские книги и китаеведение). 2018, №2. С. 153–172.
27. Вэн Шу-пэй 翁樹培. Гу цюань хуэй као 古泉彙考 (Сводное исследование древних [монет]-цюань). В 2 тт. – Пекин: Бэйцзин тушугуань, 1994. – 1773 с.

TEREKHOV Anton E. – Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. 18, Dvortsovaya emb., Saint-Petersburg, Russia 191186.
E-mail: aterekhoff@gmail.com

**MONEY OF HUAGNDI AND SHUN: ON THE ISSUE OF
ATTRIBUTION OF ANCIENT COINS IN SONG CHINA**

The focus of the article is the problem of attribution of Chinese pre-imperial coins in the Song period (960–1127). Although a number of Sung scholars deemed their precise dating impossible, some others attributed them to the pre-dynastic period, i. e. the era of the legendary sovereigns of antiquity. Despite the fact that such an attribution turns out to be untenable from the point of view of modern science, the study of the history and the reasons for this misattribution is of substantial scientific interest, since it allows one to consider both the peculiarities of Chinese ideas about antiquity and the early stages of the development of national archeology and paleography. The article examines the development of Chinese ideas about the origins of money, and also analyzes in detail the evidence and arguments of the main supporters of the idea of their pre-dynastic origin, i. e. Zheng Qiao (1104–1162) and Luo Mi (1131–1189/1203). As a result, it is concluded that the coins attributed in the Song era to the period of the legendary sovereigns of antiquity in fact belong to the Chunqiu (8–5 c. BC) and Zhanguo (5–3 c. BC) periods, and the author of this attribution is the collector and art critic Dong Yu (d. 1229?).

NUMISMATICS; ANCIENT COINS; SONG PERIOD; LEGENDARY
HISTORY OF ANCIENT CHINA; HISTORY OF MISCONCEPTIONS

УДК: 327

Н. В. Шевчук

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭСКАЛАЦИИ
КОНФЛИКТА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ: К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ
МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ШЕВЧУК Нина Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС. 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

В статье автор анализирует предпосылки возникновения конфликта в Приднестровье, сформированные в конце двадцатого века на фоне дезинтеграционных процессов в СССР. Автор делает акцент на этнотерриториальной и идентичностной составляющей природы конфликтного потенциала, иллюстрирующих типологизацию конфликта в Приднестровье как «конфликта идентичности».

**КОНФЛИКТ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ; КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТИ;
«ЗАМОРОЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ»; ИДЕНТИЧНОСТЬ; «СОВЕТСКОСТЬ»;
РУМЫНИЗАЦИЯ**

2 сентября 2020 года в Приднестровье отметили тридцатилетие со дня провозглашения независимости республики. «Замороженный» молдавско-приднестровский конфликт не урегулирован, несмотря на множество планов, предложенных на разных этапах как сторонами конфликта, так и посредниками.

Несмотря на неурегулированность конфликта в Приднестровье, в научных работах и современной публицистике, и в России, и за рубежом, все еще недостаточно внимания уделяется анализу причин этого конфликта. При этом на Западе распространено мнение о том, что Приднестровье – это военная платформа, которую Россия может использовать против соседних государств¹. А в России проблему

¹ Strengthening NATO's Eastern Flank: A Strategy for Baltic-Black Sea Coherence [Электронный ресурс]: <https://www.cepa.org/strengthening-nato-eastern-flank> (дата обращения: 08.08.2020).

неурегулированного конфликта в зоне традиционных российских интересов, как и в целом проблему «замороженных конфликтов», нередко называют обременительной и способной стать серьезным фактором, влияющим на формирование внешнеполитических ориентиров страны в современных реалиях [1].

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что на передний исследовательский план выдвигаются политические предпосылки возникновения этого конфликта. Многие зарубежные исследования об истории конфликта в Приднестровье выстраиваются вокруг этнической компоненты как причины сопротивления русских строительству молодого национального молдавского государства и исходят из представлений о «руке Москвы», вбившей клин между конфликтующими сторонами. В то же время написано критически мало работ о внутреннем измерении этого конфликта. Анализ исторических и правовых аргументов, к которым неустанно апеллирует Приднестровье, теперь совсем отодвинут на задний план. Но, как справедливо отмечает Н. Арбатова в своей работе, посвященной различным измерениям конфликтов на постсоветском пространстве, внутреннее измерение замороженных конфликтов тесно переплетено с их истоками [2]. Сложно не согласиться с тем, что внешние игроки не могли бы вбивать клинья между сторонами, вовлеченными в эти конфликты, если бы для раздора между ними не было оснований [2].

Истоки конфликта в Приднестровье уходят корнями в конец восьмидесятых годов. Тогда на фоне сложных дезинтеграционных процессов конфликтный потенциал закладывался во многих регионах СССР. И если где-то в основе конфликтности лежали ярко выраженные этнические или религиозные противоречия, а распад СССР послужил триггером, то в Приднестровье, по большому счету, именно крах Союза породил разрастающийся комплекс проблем, к слову, нерешенных по сей день. Конечно, в сконцентрированном виде в приднестровском конфликте присутствуют практически все черты, свойственные другим конфликтам на территории бывшего СССР [3], но ключевыми здесь стали социальные и идеологические факторы. Важнейшую роль с самого начала играли идентичностный и исторический элементы, что во многом и предопределило трудноразрешимый характер этого конфликта.

В качестве основных этапов конфликта в Приднестровье принято выделять формирование конфликта на фоне дезинтеграции СССР и социально-экономической дестабилизации в Молдавии в конце 80-х – начале 90-х гг.; провозглашение приднестровской государственности, эскалацию конфликта и его переход в острую вооруженную фазу; процесс урегулирования, длящийся по сей день.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, используя проблемно-хронологический, логический и исторический методы, проанализировать первую стадию молдавско-приднестровского конфликта и выделить значение территориального, этносоциального и идентичностного факторов конфликтности с акцентом на аспекты, нередко ускользающие сегодня из исследовательского дискурса.

Территориальный вопрос. Традиционно в современных исследованиях Приднестровье описывается как территория, отколовшаяся от бывшей советской Молдавии, исходя из чего конфликт относят к сепаратистским. Такой подход представляется ошибочным по целому ряду причин и прежде всего потому, что Приднестровье, преимущественно расположенное на левом берегу реки Днестр, никогда не входило в состав Молдавского государства [4].

Формирование этнотерриториальной группы «молдаване» на этой земле началось в 16 веке в результате миграции молдаван из-за Днестра и Прута. Они стали проживать на этой, не исконной для них, территории компактными группами, долгое время не составляя большинства населения. Молдаван нельзя отнести к таким устоявшимся в современной науке категориям, как «народы на своей родной земле» (home-land peoples) [5] или «национальные народы» (national peoples) [6], в том числе потому, что эта пограничная территория всегда была контактной зоной, где смешивались, ассимилировались многие племена и этносы. По мнению авторитетного приднестровского историка-молдовениста Николая Бабилунги, ни один из проживающих на территории Приднестровья народов не может считать эту землю своей «исконной территорией», а себя – ее «хозяином» [7].

В начале двадцатого века территория Приднестровья, до этого принадлежавшая Российской империи, вошла в состав советской Украины, в то время как Бессарабия (территория между реками Прут и Днестр) была

румынской землей. К середине двадцатых годов, когда Приднестровье получило статус молдавской автономии в УССР, молдаване были там самой крупной этнической группой. Но и тогда, ни УССР, ни образованная в ее составе МАССР, не включали бессарабские земли, то есть части современной Молдовы. Они по-прежнему оставались в составе Румынии.

Объединение земель произошло после подписания Пакта Молотова-Риббентропа, которым Румыния и часть других государств были поделены на различные сферы влияния. Именно тогда Бессарабия была передана Советскому Союзу и присоединена к Приднестровью (МАССР) [8]. Так, в результате объединения двух исторически разных территорий, была создана МССР, в которой неконфликтному полиэтничному Приднестровью были отведены важные роли: роль магнита для Бессарабии [9], и роль ядра в построении титульной молдавской государственной единицы в составе СССР [10]. В своем исследовании о молдавской идентичности Дмитрий Фурман пишет, что по замыслу тех лет, создание МССР в такой конфигурации решало важную задачу. Молдаване должны были не только стать одной из социалистических советских наций, но легитимация отрыва Молдавии от Румынии и её вхождения в СССР предполагала, что они должны стать нацией, как можно более отличной от румынской и как можно менее ощущающей свою близость к румынам (и наоборот, как можно более ощущающей свою близость с русскими) [11].

Но тот факт, что для бывшей советской Молдавии, называющей сегодня Приднестровье сепаратистской территорией, именно Приднестровье является материнской территорией, к которой сегодняшняя современная Молдова была присоединена, почти не упоминается в статьях о проблемах молдавско-приднестровских отношений. За редким исключением [12; 13; 14; 3], не упоминается и то, что территория Приднестровья никогда до послевоенного периода не входила в Молдавское государство, а границы Молдавского княжества никогда не включали земли на левом берегу реки Днестр.

Этнический состав. К моменту начала дезинтеграционных процессов в конце восьмидесятых Приднестровье было аграрно-промышленным центром Молдавии. Здесь располагались предприятия, больше связанные с Москвой и Киевом, чем с Кишиневом. Этим можно объяснить тот факт, что местная элита в основном состояла из русских и украинцев, причем

чаще всего не уроженцев Приднестровья, а переехавших сюда из других республик. Состав населения Приднестровья всегда был полиэтничным, что связано с порубежным экономико-географическим положением, длительной принадлежностью края Российской империи, расположением здесь крупных промышленных объектов всесоюзного значения и значительной иммиграцией советских военнослужащих, в связи с дислокацией на территории Приднестровья 14-й армии [15].

Нередко в исследованиях, основанных на социологическом подходе, встречается отнесение приднестровской проблемы к межэтническим конфликтам. Заблуждения, связанные с этнической составляющей этого конфликта, проще всего объяснить путаницей с понятиями «русские» и «рускоязычные», которая иногда возникает у исследователей. Русскоязычность населения Приднестровья легко объяснить традиционной полиэтничностью этой территории, где в семьях, созданных, например, местными украинцами, болгарами и молдаванами, русский (а не молдавский или украинский) становился языком межнационального общения. Важно понимать, что ни русские никогда не составляли здесь этническое большинство, ни молдаване никогда не были приднестровским меньшинством. Это подтверждается данными переписи 1989 года, свидетельствующими, что доля молдаван в Приднестровье составляла 39,9%, а русских – 30,5%. Однако, поскольку украинцы составляли третью по численности крупную диаспору – 28,3%, около 60% населения были не молдаванами [4]. Такая пропорция в совокупности с всесоюзной ориентацией местного промышленного комплекса и делала этот полиэтничный регион русскоязычным. В западной литературе в этом контексте можно встретить определение «объединенное славяноязычное большинство» [16].

Поэтому, когда мы говорим об этнической составляющей конфликта в Приднестровье, акцент смещается с проблемы русских как этнического меньшинства в масштабах советской Молдавии в сторону проблемы русского языка как средства общения приднестровского большинства, включающего и приднестровских молдаван. Именно языковой и связанный с ним идентичностный фактор имели ключевое значение для динамики конфликта в Приднестровье.

Идентичность и языковой фактор. С конца восемнадцатого века на территории Приднестровья не велось войн. За это время сформировалась уникальная полиэтничная социокультурная общность – приднестровцы, основу которой, по мнению приднестровских историков, составляло славянство [7]. Вызовом для такой идентичности стала политическая ситуация, сложившаяся в Молдавии в связи с кризисом СССР и запущенным им процессом самоопределения бывших советских республик. То, что молдавская культурная элита выступила с идеями приоритета «интересов основной нации», в тех условиях было предсказуемо. Но для распространения таких идей были подключены специфические инструменты: начиная с пропаганды превосходства титульной нации в сочетании с идеями патриотизма, заканчивая призывами к этнической мести и национального реванша за голод 1946–1947 годов, сталинскую коллективизацию, высылку части населения в 1949 [14]. Это создало благоприятную почву для активного продвижения радикальных идей этнического превосходства румын [4], изгнания немолдаван, запрета на официальное использование русского языка и восстановления «исторической справедливости» – воссоединения с Румынией.

Уже в августе 1989 года молдавский парламент принял законы о языке, провозгласив румынский язык государственным. Как угрозу на левом берегу Днестра восприняли положения этого закона, устанавливавшие не только переход языка с кириллицы на латинскую графику, но и требование использовать его «во всех сферах жизнедеятельности», а также учреждение института обязательной аттестации работающих граждан на предмет владения «государственным языком». Так «языковой вопрос» стал триггером процесса гражданского и этнического размежевания молдавского общества.

Конструированию новой для молдаван «румынской идентичности» были подчинены важные государственные решения: принятие в качестве государственного флага триколора, идентичного румынскому и румынского гимна, а также официальные заявления руководства страны о том, что государственность Молдавии – это временное явление, за которым наступит единение с Румынией. Такая ситуация воспринималась в Приднестровье как угроза, когда отказ от идеи построения национального государства на основе молдавенизма демонстрировал

выбор элит Молдовы на уровне идентичности в пользу румынизации – румынского образования, культуры, заимствования других категорий ценностного ряда [17; 14]. Для обоснования преимущества для представителей титульной национальности в продвижении по службе, в доступе к престижным должностям и высокооплачиваемым рабочим местам были необходимы исторические и этногенетические аргументы, которыми стали свидетельства принадлежности молдаван к крупной европейской этнической группе – румынской нации [18]. Это, в свою очередь, усиливало политический ресурс прогрессирующей румынизации, с одной стороны, и служило мобилизационным и протестным фактором в руках приднестровских элит, – с другой. Последние, выступая от лица полиэтничной общности, в своем сопротивлении идеям румынизации не могли противопоставить этнический фактор. Объединяющей ценностью здесь стала «советскость», как сохранение такого состояния, при котором ни одна из этнических групп не была ущемлена, и никому не угрожала перспектива стать меньшинством в чужом государстве – Румынии. Признаки «советскости» в Приднестровье отмечены многими исследователями [18; 19; 20; 13; 21; 14]. «Советскость» и ориентация на исторические аргументы легла в основу конструкции для такой новой многонациональной приднестровской идентичности, которая не требовала изобретения национальной идеи и исключала угрозы межэтнического разобщения между тремя крупными диаспорами Приднестровья – молдаванами, русскими и украинцами. Страхи румынизации все более усиливали ностальгию приднестровцев по советским временам, что привлекало большее число сторонников в ряды движения сначала за приднестровскую автономию, после – за независимость Приднестровья, а позже – и за вхождение в состав России. На Западе можно встретить мнения о том, что отождествление сообществ постсоветского пространства себя с Россией выступает инструментом легитимации власти, когда элиты и лидеры манипулируют «российскостью» для повышения собственной внутренней легитимности, консолидации и сплочения вокруг себя большей части населения [22]. Однако сложно представить, чтобы такой инструмент появился в Приднестровье, если бы построение приднестровской государственности не стало ответом на десоветизацию и румынизацию Молдавии. Ведь сложная приднестровская идентичность,

конструируясь на обломках советского прошлого, под влиянием процессов в самой Молдове дрейфовала и эволюционировала от идентификации населения непризнанной республики как многонациональной общности российских соотечественников до приднестровского народа. Эта идентичность обращается к идеям Русского мира, связь с которым в Приднестровье видится гарантией защиты от поглощения чужой культурой, дискриминации, повторной эскалации конфликта. Под таким углом зрения ситуацию описывают и в зарубежных научных работах, нередко открыто называя противостояние в зоне приднестровского конфликта «прорумынское против пророссийского» [23].

Спустя годы пророссийская ориентация приднестровцев неоднократно отражалась в результатах проводимых там референдумов, последний из которых состоялся в 2006 году, когда 97,1% проголосовавших высказались за независимость ПМР с последующим присоединением Приднестровья к Российской Федерации².

Приднестровский конфликт серьезно отличается от других конфликтов на постсоветском пространстве, но здесь общим выступает формулирование конфликтов в терминах экзистенциальной политики идентичности [23]. Это делает трудным нахождение компромиссных решений, ведь фундаментальные ценности, сталкиваясь с непризнанием или дискриминацией, формируют протестный фундамент, делая конфликты идентичности особенно сложными для переговоров [24].

Выводы. Фактом, пусть и непопулярным сегодня, остается то, что, в угоду интересам советского «центра» и в рамках широко применявшейся тогда практики произвольных территориальных изменений, в 1940 году территория современной Молдовы присоединялась к Приднестровью, а не наоборот. Еще тогда была заложена территориальная предпосылка конфликта, ставшая «миной замедленного действия» для кризиса, разразившегося на осколках распадавшегося Советского Союза.

Без адекватного анализа предпосылок возникновения конфликта сложно корректно его классифицировать. В свою очередь, правильная типологизация конфликта важна для выработки инструментария

² За присоединение к России высказались 97% приднестровцев/ сайт ИА «РБК» [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2006/5703bcb19a7947afa08cab13> (дата обращения: 20.08. 2020).

урегулирования. В основе этого конфликта сложно переплелись предпосылки территориального спора, языковой дискриминации и непризнания идентичности. Конечно, существует необходимость учета всех элементов конфликта: как имевшихся в основе, так и возникших в ходе его урегулирования.

Это тем более важно, поскольку идентичность приднестровцев продолжала конструироваться на протяжении всех лет существования непризнанной республики. Де-факто государственность ПМР, несмотря на международную непризнанность, теперь тоже стала важным элементом этой идентичности. Так, 2013 году результаты проводившегося в Приднестровье социологического опроса показали, что жители республики предпочитают не идентифицировать себя по этнической принадлежности. Отвечая на вопрос «кем бы вы себя назвали в первую очередь?», 53,1% отметили вариант «я – приднестровец», 25,1% – «русский», 9,7% ответили «молдаванин» и 5,9% – «украинец»³. А в ходе переписи населения Приднестровья в 2015 году, в графе «национальность» более тысячи человек указали «приднестровец»⁴.

Игнорирование и, тем более, отрицание значения идентичности в этом конфликте, как и исключение из дискурса исторических реалий, связанных с территориальными аспектами, вряд ли приблизит исследователей, дипломатов и политиков к выработке стратегических моделей эффективного урегулирования этого застарелого конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Федулова Н.Г.** Влияние России в странах СНГ гуманитарные аспекты / Н.Г. Федулова // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. №5. С. 80.
2. **Арбатова Н.К.** Три измерения постсоветских "замороженных" конфликтов / Н. К. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, No 5. – С. 88–100.

³ Прим.: результаты социологического опроса озвучивались на заседании Общественно-экспертного совета при МИД ПМР / Официальный сайт МИД ПМР [Электронный ресурс]: <http://mfapmr.org/ru/gTz> (дата обращения: 20.08.2020).

⁴ В Приднестровье проживает около 80 больших и малых этнических общностей. Более тысячи жителей республики указали в качестве национальности «приднестровец». [Электронный ресурс]: <https://novostipmr.com/ru/news/17-03-01/v-pridnestrove-prozhivaet-okolo-80-bolshih-i-malyh-etnicheskih> (дата обращения: 20.08.2020).

3. **Штански Н.В.** Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: казус Приднестровья. // Международные процессы. – 2014. – № 1–2.
4. **Ожиганов Э.Н.** Приднестровская Молдавская Республика: до и после референдума 17 сентября 2006 года // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2006. – №20 (308). [Электронный ресурс]: официальный сайт Совета Федерации Российской Федерации: – Режим доступа: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/268/index.html (дата обращения: 28.04.2019).
5. **Esman M.J.** International Organizations and Ethnic Conflict. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.
6. **Gurr T.R.** Minorities at Risk: Global View of Ethnolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 2003.
7. **Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г., Галинский И.Н., Губогло Е.М., Окушко В.Р., Шорников П.М.** Феномен Приднестровья. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С. 11.
8. **Бабилунга Н.В.** Тайна приднестровского феномена // Национальные образы мира: единство–разнообразие–справедливость. Кишинев, 2003.
9. **Бомешко Б.Г.** Первая государственность в Приднестровье // Феномен Приднестровья. Тирасполь. 2000. С. 51.
10. **Колосов В.** Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным / В. Колосов, Д. Заяц // Официальный сайт «Независимой газеты»: http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (дата обращения: 05.11.2019).
11. **Фурман Д. Е., Батог К.** Молдова: молдаване или румыны? // Современная Европа. 2007. №3 (31). [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/moldova-moldavane-ili-rumyny> (дата обращения: 11.08.2020).
12. **Девятков А.В.** Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: 1992–2009 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород. 2010.
13. **Харитоновна Н.И.** Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2019.
14. **Штански Н.В.** Становление «новой» постсоветской идентичности в ... на примере Приднестровья // Безопасность Евразии. 2008. № 2.
15. **Бурла М.П.** Население Приднестровской Молдавской Республики: научно-справочное пособие / М.П. Бурла. Тирасполь. 2009. С. 3.
16. **Rogstad A.** (2018) The Next Crimea?, Problems of Post-Communism, 65:1, 49–64.
17. **Грек И.** Европейский вектор / И. Грек // Независимая Молдова. – 2002. – 18 декабря. [Электронный ресурс]: официальный сайт газеты «Независимая Молдова». – Режим доступа: <http://www.nm.md/daily/article/2002/12/18/0101.html> (дата обращения: 28.04.2019).

- 18. Колосов В.** Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта / В. Колосов, Д. Заяц // Вестник Евразии. – 2001. – №1.
- 19. Колосов В.** СССР, Российская Федерация и приднестровский конфликт. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2007.
- 20. Перепелица Г.Н.** Конфликт в Приднестровье: причины, проблемы, прогноз развития / Г.Н. Перепелица [Электронный ресурс]: официальный сайт национального института стратегических исследований Украины. Киев. – 2001. С. 12. – Режим доступа: <http://old.niss.gov.ua/book/Perep/index.htm> (дата обращения: 28.04.2019).
- 21. Шевчук Н.В.** Приднестровье и Молдова: европеизация урегулирования // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2. – Воронеж: ИД ВГУ, 2018.
- 22. Kosienkowski M.** (2020) The Russian World as a legitimization strategy outside Russia: the case of Gagauzia, Eurasian Geography and Economics.
- 23. Kazantsev Andrei A., Rutland P., Medvedeva Svetlana M. & Safranchuk Ivan A.** (2020) Russia's policy in the "frozen conflicts" of the post-Soviet space: from ethnopolitics to geopolitics, Caucasus Survey, 8:2, 142–162.
- 24. Тишков В.** Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию / Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра / пер. с англ. яз.; ред. В. Тишков, М. Устинова. – М.: Наука, 2007. – С.15.

SHEVCHUK Nina V. – North-West Institute of Management, branch of RANEPА. 57/43, Sredny pr. V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

BACKGROUND OF TRANSDNISTRIAN CONFLICT AND ESCALATION: ON THE THIRTIETH ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE OF THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC

In the article, the author analyzes the prerequisites for the emergence of the conflict in Transnistria, formed at the end of the twentieth century against the background of disintegration processes in the USSR. The author focuses on the ethno-territorial and identity component of the nature of the conflict potential, illustrating the typology of the conflict in Transnistria as a "conflict of identity".

THE CONFLICT IN TRANSDNISTRIA; THE CONFLICT OF IDENTITY; A "FROZEN CONFLICT"; IDENTITY; «SOVIETNESS»; THE ROMANIZATION

УДК: 339.92

Т. С. Ягья

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

ЯГЬЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория». Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ имени В.И. Ульянова (Ленина). 197376, Россия, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5. E-mail: talie2006@mai.ru

Данная статья посвящена исследованию проблем и перспектив развития российско-китайских отношений в энергетической сфере. Актуальность темы этой статьи состоит в существующих проблемах между государствами в энергетическом сотрудничестве на протяжении длительного времени. Перспективность развития данной сферы также обуславливает актуальность темы статьи. Для написания данной работы были изучены различные зарубежные и отечественные источники. Помимо этого, были использованы такие нормативно-правовые источники, как энергетическая стратегия Китая, энергетическая стратегия России до 2035 года и прочие межгосударственные документы РФ и КНР в энергетической сфере. В исследовании использовались данные с официальных сайтов ведущих энергетических компаний России и Китая, таких, как «Газпром» и «Роснефть», а также данные китайской нефтяной нефтегазовой CNPC компании. В данной работе проанализированы основные проблемы взаимодействия между Россией и Китаем в энергетической сфере. К примеру, проблема ценообразования на энергоресурсы, отсутствие доверия, конфликт интересов, и др. В статье указаны причины приоритетности Китайского энергетического рынка для Российской Федерации. Особое внимание уделяется дальнейшим перспективам сотрудничества РФ и КНР в энергетической сфере. В статье отмечается значительная роль процесса инвестирования в развитии энергетической сферы. В статье сказано, что перспективы энергетического сотрудничества проявляются в разработке, подписании множества различных договоров и в реализации различных экономических проектов. В работе отмечается, что газопровод «Сила Сибири» несет в себе большие перспективы, что связано с тем, что в реализации данного проекта имеются ряд положительных моментов.

В результате исследования автор пришел к следующим научным результатам – энергетическое сотрудничество России и Китая, несмотря на некоторые проблемы, имеет положительную динамику развития; перспективы этого сотрудничества весомы; сотрудничество РФ и КНР в энергетической сфере нацелено на повышение энергоэффективности государств, а также их общим желанием выйти на международный уровень модернизации. Помимо этого, данное сотрудничество обеспечивает и обеспечит в перспективе стабильное развитие государств и

способствует укреплению их безопасности. Государства стараются выстроить долгосрочные отношения путём заключения разнообразных договоров во всех сферах деятельности, однако, к сожалению, на сегодняшний день данные попытки не увенчались успехом.

СОТРУДНИЧЕСТВО; ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО;
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО; ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА; НЕФТЬ;
ГАЗ; ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; ИННОВАЦИОННОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО; ПРОЦЕСС ИНВЕСТИРОВАНИЯ; ПРОЕКТЫ; ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА

В XXI веке энергетическое сотрудничество является неотъемлемой частью экономики любого государства. Благодаря энергетическому сотрудничеству происходит сближение государств не только в экономическом, но и в политическом отношениях. При анализе энергетического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики очевидно, что для обеих сторон сотрудничество в данном направлении играет важную роль для укрепления их влияния на международной арене.

Актуальность темы данной статьи заключается в имеющихся проблемах в сложившихся на протяжении длительного времени экономических и политических отношений между государствами в энергетической сфере. Перспективность развития данной сферы также обуславливает актуальность темы статьи.

Целью работы является выявление проблем, их специфики и перспектив развития взаимовыгодного сотрудничества России и Китая в энергетической сфере.

Поставленная цель определила необходимость решения следующих взаимозависимых задач:

1. Рассмотреть современное состояние отношений России и Китая в энергетической сфере;
2. Проанализировать основные проблемы энергетического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой;
3. Изучить перспективы взаимовыгодного развития РФ и КНР в энергетической сфере.

При написании статьи были использованы разнообразные методы теоретического исследования. Для описания современного состояния

энергетических рынков РФ и КНР и выявления проблем и перспектив сотрудничества в энергетической сфере были применены: исторический метод, метод сравнительного анализа, а также метод ивент-анализа, который был использован для наблюдения за изменениями в сотрудничестве в энергетической сфере между государствами.

В результате исследования были сделаны следующие выводы – энергетическое сотрудничество России и Китая, несмотря на некоторые проблемы, имеет положительную динамику развития. Перспективы этого сотрудничества весомы. Сотрудничество РФ и КНР в энергетической сфере нацелено на повышение энергоэффективности государств, а также их общим желанием выйти на международный уровень модернизации. Помимо этого, данное сотрудничество обеспечивает и обеспечит в перспективе стабильное развитие государств и способствует укреплению их безопасности. Государства стараются выстроить долгосрочные отношения путём заключения разнообразных договоров во всех сферах деятельности, однако, к сожалению, на сегодняшний день данные попытки не увенчались успехом.

Энергетическое сотрудничество между РФ и КНР носит стабильный и динамично развивающийся характер. Благодаря данному сотрудничеству, отношения между государствами укрепляются в экономическом и политическом аспектах. Следует отметить, что КНР является важнейшим партнером России в энергетической сфере. К тому же, взаимодействие РФ и КНР в энергетической сфере способствует росту влияния Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако, несмотря на такое динамичное развитие, между государствами существует ряд проблем, которые препятствуют прогрессивному развитию энергетического сотрудничества государств.

Одной из проблем, мешающих развитию сотрудничества в энергетической сфере между РФ и КНР, является отсутствие договоров и нормативных актов о долгосрочном партнёрстве государств. К сожалению, нет единой программы о долгосрочном развитии отношений между этими странами в сфере энергетического сотрудничества. Следует сказать, что каждое государство стремится максимально защитить собственные

национальные интересы в своих политических и экономических действиях, в том числе и в энергетической сфере. Так, согласно энергетической стратегии РФ, основной целью энергетической политики является «максимально эффективное использование природных топливно-энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для экономического развития и повышения качества жизни народа государства» [1]. Таким образом, можно сделать вывод, что принцип национальных интересов используется во взаимодействии РФ со всеми государствами в сфере энергетики.

Отсутствие долгосрочного партнерства привело к тому, что после принятия РФ и КНР в ноябре 1994 года программы постройки нового нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», Япония помешала этому строительству и представила программу «Северная линия», известную как трубопровод Ангарск – Находка. В связи с этой ситуацией, поставка нефти в КНР по нефтепроводу была отложена на некоторое время. Объяснение причины вмешательства Японии в постройку нового нефтепровода между Россией и Китаем дается в научной литературе. Так, есть высказывание, что подобная ситуация произошла из-за неценности стратегических перспектив национальных интересов правительства РФ, поскольку оно руководствовалось исключительно краткосрочными и узкокорпоративными интересами [2]. По мнению китайской стороны, энергетическое сотрудничество двух стран России и Китая не имеет соответствующего стратегического подхода, и, к сожалению, все еще находится на низком уровне [2].

Отсутствие доверия можно считать следующей проблемой в энергетическом взаимодействии между Россией и Китаем. Как известно, все межгосударственные отношения основываются на общих потребностях и интересах. Однако не стоит забывать, что помимо общих интересов и дружеской политики, государства являются не только добрыми соседями, но и конкурентами. Ежегодный рост геополитического влияния Китая позволяет считать эту страну важным участником международных отношений. По этой причине, на наш взгляд, появляются идеи о возрастании «китайской угрозы». Свои опасения в данном вопросе высказал и президент Российской Федерации Владимир Владимирович

Путин еще в 2000 году. По его мнению, из-за близкого географического положения, российские организации подвергаются всяческим воздействиям со стороны Китая, что может привести к тому, что вскоре население Дальнего Востока будет говорить на китайском и японском языках [3].

По нашему мнению, на сегодняшний день обеспечение национальной энергетической безопасности КНР происходит, в основном, за счет активизации поставок из России. Следует отметить, что энергетическая безопасность является важнейшим фактором для каждого государства. Эксперты из Китая, говоря о нестабильной поставке энергетических ресурсов (а это более 70%) из государств Ближнего Востока и Африки, полагают, что российский нефтяной поток в Китай вскоре достигнет 20% от всего объема импорта нефти в КНР с перспективой на увеличение [4].

Говорить об энергетическом сотрудничестве исключительно с Российской Федерацией бессмысленно и неразумно. Китай имеет достаточное количество диверсифицированных связей с Австралией, Катаром, Нигерией, Туркменистаном. Кроме того, на сегодня разрабатывается проект по поставке сжиженного природного газа (СПГ) из Мьянмы. По этой причине, по нашему мнению, у РФ нет никаких гарантий на долгосрочную перспективу развития энергетического сотрудничества с Китаем.

В регионе Северо-Восточной Азии Россия не желает зависеть от рынка Китая в энергетической сфере, поэтому разрабатываются проекты для всестороннего взаимодействия с такими странами как Южная Корея, Япония. В настоящий период времени, Россия достигает положительного торгового баланса за счет экспорта энергоресурсов, прежде всего, по европейскому направлению. Для удовлетворения азиатского спроса РФ необходимо развивать Дальний Восток и Сибирь.

Одно из важных направлений энергетической политики РФ обуславливается взаимодополняемостью интересов. Первостепенно правительству России необходимо взять курс на освоение нефтегазовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а Китаю же, в свою очередь, необходимо провести диверсификацию источников импорта

энергоресурсов. Второе направление энергетической политики определяется развитием энергетического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, а третье – со странами Африки, которые, как известно, способны к быстрому наращиванию объемов добычи нефти. Как нам представляется, на сегодня для эффективного взаимодействия Россия должна направить свою энергетическую политику в сторону получения значительной экономической выгоды от государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому для ее проведения следует разрабатывать как и краткосрочные, так и долгосрочные программы на дальнейшие перспективы. В связи с этим, уместно привести высказывание о том, что «важным направлением организации экспорта энергоносителей России в АТР, особенно в Китай, является формирование четкой государственной экспортной политики, исключающей межтопливную конкуренцию энергоносителей с целью максимизации экспортной выручки российских компаний» [5].

Другой проблемой между РФ и КНР в энергетическом сотрудничестве можно считать проблему ценообразования. Данная проблема обуславливается ростом внешней конкуренции на мировом энергетическом рынке. Из этого следует, что при завышении цены на энергоресурсы, государство может потерять ранее установленные связи и будущие договоренности. Как упоминалось ранее, для эффективного проведения энергетической политики правительству РФ следует иметь хотя бы несколько рынков сбыта. По этой причине, разумное ценообразование является важным аспектом в энергетическом сотрудничестве.

Стоит отметить, что до сланцевой революции сотрудничество РФ и КНР было весьма плодотворным. Так, в 2009 году, после множества переговоров между «Газпромом» и «CNPC» было заключено газовое соглашение, благодаря которому предполагалось, что в ближайшем будущем Китай станет одним из крупнейших потребителей российских энергетических ресурсов. Далее, в 2010 году между компаниями уже был заключен договор о поставке природного газа через газопровод «Алтай», который позже был переименован в «Сила Сибири-2», начиная с 2015 года [6].

Однако для Китая уменьшилась привлекательность европейских энергетических рынков после поддержки правительством США сланцевой революции в Европе в 2012 году, из-за которой произошел разлад в отношениях России и Европы. Из-за этого у правительства КНР появилась возможность оказывать давление на энергетические организации России в области ценообразования. Китай начал давление на правительство РФ с желанием добиться продажи газа по цене ниже рыночной. Так, российская сторона предлагала цену в 350 долларов США за тысячу кубометров, а китайская сторона настаивала на 230 (и не более 250) долларах США за тысячу кубометров. Такая разница в цене не позволила правительствам прийти к общему мнению. Стоит отметить, что обе стороны понимали потребность друг в друге и в дальнейших переговорах стороны пошли на серьезные уступки. Так, руководители «Газпром» и «СНПС» договорились о цене и в настоящее время идут обсуждения о технической стороне поставок. Важно сказать, что для России Китай является не только рынком сбыта собственной продукции и ресурсов, но и партнером в формировании альтернативных источников энергии. По нашему мнению, проблема ценообразования на энергетические ресурсы между странами возникает из-за того, что у Китая имеются значительные запасы угля и достигнут определенный прогресс в развитии альтернативных видов энергии, а также из-за того, что приток газа из других стран способствует сокращению импорта российского газа. Кроме того, Китай имеет возможность удовлетворить свои потребности в газе за счет внутренних ресурсов, не прибегая к увеличению его поставок из-за рубежа. Так, проблема дефицита уменьшается в результате открытия новых крупных месторождений газа на территории Китая в последние годы.

Отсутствие инновационного сотрудничества в области новейшей энергетики между КНР и РФ представляет весьма существенную проблему. На протяжении длительного времени энергетическое сотрудничество между РФ и КНР связывало обмен исключительно с классическими ископаемыми – нефтью, природным газом и углём. Со временем этот список дополнился ядерной и гидроэнергией. В настоящее время происходит активное развитие в области возобновляемой энергетики. Из-за возрастающей проблемы энергетических и

экологических факторов, правительства КНР и РФ сосредоточились на развитии новых источников энергии. Однако к подходу их развития государства на сегодня имеют разные взгляды.

Проблема в энергетическом сотрудничестве России и Китая заключается и в конфликте интересов между государствами. Известно, что в Центральной Азии находится более 22% разведанных территорий с залежами природного газа, что составляет 12% от общего мирового объема [7]. На наш взгляд, если в дальнейшем Центральная Азия решит экспортировать природный газ на мировой рынок в обход России, Российская Федерация понесет огромные убытки не только в экономическом, но и в политическом аспектах. Однако, на сегодняшний день у Центральной Азии отсутствуют разнообразные экспортные каналы и Российская Федерация, как преемница СССР, является основным источником сбыта.

Главным открытием энергетического рынка для КНР стал Казахстан. Таким образом, в 2006 году государства официально запустили нефтепровод Казахстан-Китай. Это событие послужило началу восточного энергетического сотрудничества для Казахстана и основным сотрудничеством в Центральной Азии для Китая. Спустя короткий отрывок времени, правительство Китая наладило энергетические поставки с Туркменистаном и Узбекистаном.

С учетом сложившейся обстановки стоит заметить, что таким образом Казахстан избавился от зависимости от энергетического рынка в Российской Федерации и обзавелся новым партнером.

Центральная Азия для Российской Федерации является регионом с особыми политическими и экономическими интересами. Правительство усердно старается укрепить свои геополитические и геоэкономические интересы в данном регионе. А для КНР важно сохранять стабильную обстановку в Центральной Азии для стабильного энерго- и товарооборота. На наш взгляд, стабильная обстановка на территориях Центральной Азии влияет на обеспечение национальной стабильности на западных территориях КНР.

Говоря о дальнейших перспективах сотрудничества РФ и КНР в энергетической отрасли, необходимо отметить совпадение их

стратегических интересов как в политической, так и в экономической сферах. По-нашему мнению, сегодняшнее развитие и реализация совместного энергетического сотрудничества РФ и КНР позволяют говорить о благоприятных его перспективах.

Следует сказать, что для эффективного развития сотрудничества России и Китая в энергетической сфере РФ необходимо сосредоточиться на активном участии в интеграционных группировках, таких как БРИКС и ШОС, поскольку это может способствовать диверсификации ее экономики. К тому же, схожесть в экономической сфере между государствами заключается в том, что Российская Федерация является главным экспортером энергетических ресурсов на Дальнем Востоке, а Китайская Народная Республика является ее главным стратегическим партнером.

К тому же, стоит назвать несколько причин приоритетности Китайского энергетического рынка для Российской Федерации: во-первых, правительство РФ старается исключить возможную конкуренцию с энергетическими организациями Китая за энергоресурсы Центральной Азии; во-вторых, как в РФ, так и в КНР потребление газа растет быстрее, чем это указано в их энергетических стратегиях; в-третьих, обмен энергетическими ресурсами и сырьевыми материалами на сегодняшний день составляют около 80% товарооборота между РФ и КНР.

Несмотря на то, что в энергетическом взаимодействии РФ и КНР существует достаточно много положительного, тем не менее, можно наблюдать ряд проблем. Таких как наличие у государств разных подходов к добыче нефтегазовых ресурсов; существование ряда расхождений в их энергетических стратегиях; наличие заниженной стоимости у экспортных энергетических ресурсов из РФ в КНР с дальнейшей их перепродажей по более высокой стоимости.

Говоря о перспективах в экономическом сотрудничестве, в том числе и энергетическом, важно отметить значительную роль процесса инвестирования для роста экономического развития. Вот уже не одно десятилетие Китай продолжает стабильно лидировать в экономическом развитии, что и позволяет ему поддерживать развивающиеся страны путем инвестирования в их экономику. Как правило, Китай инвестирует в

производственную сферу, при этом оставляя за собой права на управление и контроль над предприятием, а также на выпускаемую продукцию и интеллектуальную собственность. К сожалению, с недавнего времени, инвестирование России в зарубежные страны и инвестирование в Россию, по известным причинам, сократилось. Поэтому Китай, в свою очередь, наращивает свою экономическую мощь и, обладая огромными ресурсами, постоянно в поисках объектов для инвестирования. И имеются случаи, когда из-за отсутствия должных инвестиционных предложений российские компании с распростертыми руками принимают китайских инвесторов, не задумываясь о негативных последствиях.

В настоящее время Китай инвестирует в разные сферы: от добычи полезных ископаемых и энергетики до торговли и сферы услуг. Но особое внимание Китая направлено на российские ресурсы энергетической сферы. Так, к примеру, китайские партнеры совершили крупное вливание в российскую экономику на сумму в 9 млрд. долл. США при приватизации «Роснефти» [8]. Следует сказать, что географическая близость к России и благоприятные международные отношения способствуют и хотелось, чтобы в дальнейшем способствовали развитию тесного сотрудничества в энергетической сфере.

Перспективы энергетического сотрудничества проявляются в разработке, подписании множества различных договоров и в реализации различных экономических проектов.

Так, к примеру, национальная нефтяная корпорация Китая (CNPC) и ряд энергетических российских организаций подписали ряд договоров о создании межгосударственных нефте- и газодобывающих предприятий [9]. Согласно проекта «Рынок Юго-Восточной Азии», к 2024 году планируется масштабное увеличение объема инвестиций до 250 миллиардов долларов, в результате чего должно произойти увеличение экспорта электроэнергии из РФ в КНР; рост производства и экспорта различной продукции с высоко добавленной стоимостью; повышение энергетической эффективности и надежности энергосбережения потребителей; развитие устойчивых связей между энергосистемами Дальнего Востока и государств Северо-Восточной Азии [10].

В сфере энергетического сотрудничества стоит назвать ряд значимых документов: договор о транспортировке сжиженного газа в КНР, добытого в России, подписанными между мировыми корпорациями «Газпром» и «СРНС» на 30 лет; меморандум о сотрудничестве в сооружении плавучих АЭС между корпорацией «Росатом» и Агентством по атомной энергии КНР; долгосрочный договор о строительстве и поддержание работ на электростанциях в КНР между компаниями «РусГидро» и «Пауэр Чайна». Очень важен также документ об энергетическом сотрудничестве Российской Федерации до 2035 года.

Есть проекты в сфере нефте- и газодобычи. Так, например, ПАО НК «Роснефть» и «China National Petroleum Corporation» до 2023 г. подписали соглашение об увеличении объема углеводородов транзитом через Казахстан согласно которому объёмы транспортируемой нефти увеличатся до 91 млн. тонн, что позволят стабильно получать дополнительную прибыль со всех регионов доставки [11]. В рамках этого соглашения, Россия осуществляет помощь Китаю в строительстве уникального нефтеперерабатывающего предприятия в городе Тяньцзинь, через которое, предполагается, будет проходить до 17 млн. тонн нефтяных продуктов [11]. В связи с этим, была создана специальная компания «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания». Запущены также российско-китайские проекты по строительству и прокладке нефтепроводов «Сковородино-Мохэ» и «Сила Сибири».

Сфера энергетики – важное и перспективное направление сотрудничества между РФ и КНР. Еще в 2014 году, между организациями СРНС и «Газпром» был подписан договор купли-продажи российского газа в Китай по восточному маршруту, а уже в настоящее время магистральный газопровод «Сила Сибири» («восточный» маршрут) транспортирует газ с Якутского центра газодобычи российским потребителям на Дальнем Востоке и в Китай. В конце 2022 года подача газа в «Силу Сибири» начнется еще с одного месторождения — Ковыктинского, на основе которого формируется Иркутский центр газодобычи.

Образцовым примером дальнейшего развития энергетического сотрудничества России и Китая можно считать газопровод «Сила Сибири»,

запущенный в декабре 2019 года. С этого времени начались первые трубопроводные поставки в Китай. Реализация этого проекта, на наш взгляд, способствует укреплению политического доверия и энергетической безопасности и РФ, и КНР.

Можно предположить, что газопровод «Сила Сибири» несет в себе большие перспективы. Это связано с тем, что в реализации данного проекта кроется ряд положительных моментов:

во-первых, данный газопровод должен эффективно урегулировать распределение энергетических ресурсов, его эксплуатация позволит вывести российский газ на долгосрочный и стабильный рынок, а также предоставит КНР источники для устойчивого экономического развития;

во-вторых, этот газопровод способен реализовать энергетическую стратегию диверсификации импорта газа для Китайской Народной Республики, а также обеспечит энергетическую безопасность Китая во многих сферах;

в-третьих, благодаря общим географическим границам РФ и КНР у государств имеется особый механизм, который способен влиять на потенциал торговли между государствами;

в-четвертых, это сотрудничество будет способствовать межгосударственному строительству энергетической инфраструктуры в обеих странах.

На дальнейшее развитие энергетического сотрудничества РФ и КНР направлены ряд соглашений, одним из которых является «Рамочное соглашение о поставках природного газа из России в Китай по «западному» маршруту». Газ должен поставляться из Западной Сибири в Китай по газопроводу «Алтай». При этом, ежегодные поставки газа будут составлять 38 миллиардов кубометров [12].

Для сокращения зависимости от европейского рынка энергоресурсов, Россия заинтересована в поиске новых направлений сбыта. Что касается Китая, ему необходимо увеличить поставки природного газа, с целью снижения доли угля в энергопотреблении. В течение последних лет наблюдается стагнация в переговорах относительно энергоресурсов из-за трудностей по определению их цены.

Как отмечалось ранее, Китай зависит от поставок энергоресурсов из ближневосточных стран. Следует отметить, что порядка 82% импортируемых энергоресурсов доставляются в КНР через Малаккский пролив. Во избежание возможных провокаций, с целью обеспечения безопасности с поставками энергоресурсов в Малаккском проливе, Китай рассматривает Россию в качестве надежного партнера, имеющего систему трубопроводов для прямых поставок энергоресурсов в Китай без использования посредников [13].

В целом, стоит отметить, что Китай на сегодня находится в определенной зависимости от поставок энергетических ресурсов из-за рубежа. Можно говорить, что российско-китайское энергетическое сотрудничество находится на подъеме. К тому же, сегодня Россия для Китая - крупнейший поставщик угля, а также увеличиваются поставки и российского СПГ. По-нашему мнению, энергоносители в Китае можно рассматривать основой для перспектив российско-китайского сотрудничества.

Угольная сфера также является перспективным направлением для развития энергетического сотрудничества между государствами. Так, согласно исследованию Thomas Reuters, в сентябре 2017 года объем экспорта угля из Китая достиг 2,35 миллионов тонн, что значительно больше (83%), чем в сентябре 2016 года. А в 2018 году объем поставок достиг 27,2 миллионов тонн [14]. А в начале 2019 года данный показатель равнялся 729 тысяч тонн [15].

В перспективе российско-китайское энергетическое сотрудничество должно прийти к дедолларизации при взаимных расчетах. К примеру, в Китае в январе – августе 2019 г. российский экспорт нефти вырос на 2,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Однако из-за колебаний курса валют доходы бюджета от продажи нефти снизились на 3,2%, а доходы от продажи природного газа – на 13% [13].

Как нам представляется, возможно, дальнейшее увеличение поставок энергоресурсов может столкнуться с отсутствием должной инфраструктуры, а также с новыми спорами о цене контрактов и договоров поставки.

Однако, на наш взгляд, энергетическое сотрудничество двух государств весьма перспективно. К примеру, стремление увеличить объем

двусторонней торговли до 200 млрд. долл. США к 2024 г. подталкивает в определенной степени Россию к увеличению поставок энергоресурсов в КНР [13].

По-нашему мнению, перспективы развития энергетического сотрудничества КНР и РФ могут быть успешны в будущем при совершенствовании механизмов политической и экономической сфер. Государствам следует обратить внимание на то, что в Стратегии РФ по энергетике до 2030 года заложено активное развитие восточного вектора и торговля энергоресурсами со стороны АТР. А Китай, в свою очередь, является одним из важнейших партнеров в этом регионе, экономика которого, на наш взгляд, будет расти еще достаточно длительное время. По этой причине, Китаю необходимо увеличивать экспорт энергетических ресурсов, а Россия, как всегда, будет выступать в качестве надежного партнера.

К тому же, при совершенствовании взаимовыгодного сотрудничества, государствам необходимо обратить внимание на повышение эффективности энергетического партнерства. Для дальнейшего успешного развития общих проектов России и Китаю необходимо привлекать свои энергетические компании для поиска новых месторождений энергетических ресурсов не только на территории РФ, но и на территории КНР.

Следует сказать, что благодаря налаженному в 2008 году переговорному механизму, главы государств уже сейчас имеют и в дальнейшем будут иметь возможность проводить эффективные переговоры в разных сферах деятельности, которые чаще всего заканчиваются успешно для обеих сторон.

Сотрудничество таких мощных держав как Российская Федерация и Китайская Народная Республика, в условиях нестабильной международной политической обстановки, становится стратегически важным как для развития обоих государств, так и для поддержания стабильности в регионе и на мировой арене в целом.

Таким образом, благодаря постоянному упрочению энергетического сотрудничества в газовой, угольной, нефтяной сферах между РФ и КНР, отношения между этими двумя государствами можно охарактеризовать как взаимовыгодные и взаимодополняющие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Энергетическая стратегия России до 2020 года. Часть 1: Цели и приоритеты энергетической стратегии России на период до 2020 года: [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901872984> (Дата обращения: 05.05.2020).
2. **Парамонов В., Строков А.** Современный формат российско-китайского энергетического сотрудничества: основные проблемы и перспективы России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.twirpx.com/file/519788/> (Дата обращения: 08.05.2020).
3. **Мозиас П.** Экономический рост в Китае в 2014 г. и прогноз на 2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/43358792> (Дата обращения: 04.03.2020).
4. **Чудодеев Ю.В.** Проблемы и перспективы экономического сотрудничества России Китая [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4447/> (Дата обращения: 08.05.2020).
5. **Махин А.** Энергетическая стратегия Китая [Электронный ресурс] // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=489#top (Дата обращения: 14.05.2020).
6. «中国石油» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cnpc.com.cn/> (Дата обращения: 20.04.2020).
7. Центральная Азия – конфликт интересов между КНР и Россией рынке [Электронный ресурс] // URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7701778.html> (Дата обращения: 05.05.2020).
8. В «Роснефти» все больше китайцев [Электронный ресурс] // URL: <https://www.google.com/amp/s/www.kommersant.ru/amp/3569463> (Дата обращения: 05.05.2020).
9. **Петров М.Б.** Энергетическая политика России: реалии и возможности // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 3 (27).
10. Экспорт с поправкой на цены//РБК+ [Электронный ресурс] // URL: <https://plus.rbc.ru/news/5cf91d7d7a8aa907c03cd7a3> (Дата обращения: 08.05.2020).
11. «Роснефть» укрепляет сотрудничество с КНР [Электронный ресурс] // URL: <https://plus.rbc.ru/news/5cf91d7d7a8aa907c03cd7a3> (Дата обращения: 08.05.2020).
12. «РФ и КНР подписали 17 документов, в том числе о поставках газа по западному маршруту» [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/1560521> (Дата обращения: 03.05.2020).
13. Энергетическое сближение России и Китая: Взгляд из Пекина [Электронный ресурс] // URL: <https://www.google.com/amp/s/finance.rambler.ru/markets/43417502-energeticheskoe-sblizhenie-rossii-i-kitaya-vzglyad-iz-pekina/amp/> (Дата обращения: 03.05.2020).
14. «Китай «подсел» на российский уголь» [Электронный ресурс] // URL: <https://topcor.ru/3907-kitaj-podsel-na-rossijskij-ugol.html> (Дата обращения: 15.03.2020).
15. «Снижение добычи угля в Китае стимулирует российский экспорт» [Электронный ресурс] // URL: <http://geoenergetics.ru/2019/03/20/snizhenie-dobychi-uglya-stimuliruet-rossijskij-eksport/> (Дата обращения: 04.05.2020).

YAGYA Talie S. – Saint Petersburg Electrotechnical University LETI.
5, Professor Popov street, Saint-Petersburg, Russia, 197376.
E-mail: talie2006@mai.ru

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF ENERGY COOPERATION OF
RUSSIA AND CHINA**

This article is devoted to the study of the problems and prospects for the development of Russian-Chinese relations in the energy sector. The relevance of the topic of this article lies in the existing problems between states in energy cooperation for a long time. The prospects for the development of this area also determine the relevance of the topic of the article. To write this work, various foreign and domestic sources were studied. In addition, regulatory and legal sources such as the energy strategy of China, the energy strategy of Russia until 2035 and other interstate documents of the Russian Federation and the PRC in the energy sector were used. The study used data from the official websites of leading energy companies in Russia and China, such as Gazprom and Rosneft, as well as data from the Chinese oil and gas company CNPC. This paper analyzes the main problems of interaction between Russia and China in the energy sector. For example, the problem of pricing for energy resources, lack of trust, conflict of interests, etc. The article indicates the reasons for the priority of the Chinese energy market for the Russian Federation. Particular attention is paid to further prospects for cooperation between the Russian Federation and the PRC in the energy sector. The article notes the significant role of the investment process in the development of the energy sector. The article says that the prospects for energy cooperation are manifested in the development, signing of many different agreements and in the implementation of various economic projects. The paper notes that the Power of Siberia gas pipeline has great prospects due to the fact that there are a number of positive aspects in the implementation of this project.

As a result of the research, the author came to the following scientific results - despite on some problems, energy cooperation between Russia and China has a positive dynamics of development; the prospects for this cooperation are weighty; cooperation between the Russian Federation and the PRC in the energy sector is aimed at increasing the energy efficiency of states, as well as their common desire to enter the international level of modernization. In addition, this cooperation ensures and will ensure the stable development of states in the future and contribute to the strengthening of their security. States are trying to build long-term relationships by concluding various agreements in all areas of activity, however, unfortunately, now these attempts have not been crowned with success.

COOPERATION; ENERGY COOPERATION; ENERGY PARTNERSHIP; ENERGY POLICY; OIL; GAS; ENERGY SECURITY; INNOVATIVE COOPERATION; INVESTMENT PROCESS; PROJECTS; PROSPECTS FOR COOPERATION

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреева М.О., Рахалова Д.А., Богданова Н.В.</i> История и современные тенденции музейно-выставочной деятельности Германии	5
<i>Белокоз Е.Р., Павлова О.К.</i> Реформация в Финляндии. Некоторые аспекты истории	16
<i>Дианова В.М., Эрдэнэбилэг Э.</i> Плакат как предмет изучения российско-монгольских отношений XX века	31
<i>Драч А.А., Мохорова А.Ю.</i> Модели государственного регулирования экономики в Китайской Народной Республике	42
<i>Кравчик Е.И.</i> Приграничное сотрудничество России и Финляндии как форма международных интеграционных процессов на примере деятельности программы ПС 2014–2020 Россия – Юго-Восточная Финляндия	50
<i>Кушниренко Д.О.</i> Факторы структурирования социального пространства города (на примере каршеринга)	59
<i>Любина Д.Е., Саблина М.А., Кучумова Е.В.</i> Теоретические подходы к изучению этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве	69
<i>Павлова А.А., Евсеева Л.И., Погодин С.Н.</i> Проблема и перспектива развития сотрудничества России и Китая в энергетической сфере	86
<i>Плотникова Е.Н., Степанян А.</i> Трансформации в культурно-религиозной сфере Германии в связи с ростом миграции	97
<i>Поздеева Е.Г., Лайус Е.А.</i> Проблема влияния медиаобразов на интерес молодежи к профессиональному выбору	109
<i>Родина Е.Ю., Ермолина М.А.</i> Становление нормативно-правовой основы экологической политики США в XX вв.	121
<i>Сенина Е.В., Башкарев А.А.</i> Сравнительный анализ аспектов позиционирования научных организаций и музеев	130
<i>Сидорчук И.В.</i> Символика прошлого в советской песне 1930-х гг.	140
<i>Смирнова Т.С., Ермолина М.А.</i> Экологический императив как перспективный вектор развития международных отношений	149
<i>Терехов А.Э.</i> Деньги Хуан-ди и Шуня: к вопросу об атрибуции древних монет в Китае эпохи Сун	156
<i>Шевчук Н.В.</i> Предпосылки возникновения и эскалации конфликта в Приднестровье: к тридцатилетию со дня провозглашения независимости Приднестровской Молдавской Республики	181
<i>Ягья Т.С.</i> Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества России и Китая	192

CONTENTS

<i>Andreeva M.-A.O., Rakhalova D.A., Bogdanova N.V.</i> History and Modern Trends Museum and Exhibition Activities in Germany	5
<i>Belokoz Y.R., Pavlova O.K.</i> Reformation in Finland. Some Aspects of History	16
<i>Dianova V.M., Erdenebileg E.</i> Poster as a Subject of Study of Russian-Mongolian Relations of the Twentieth Century	31
<i>Drach A.A., Mokhorova A.Yu.</i> Models of State Regulation of the Economy in the People's Republic of China	42
<i>Kravchik E.I.</i> Russian and Finnish Cross-Border Cooperation as an Example of International Integration Process Exemplified by South-Eastern Finland – Russia CBC 2014–2020	50
<i>Kushnirenko D.O.</i> The Factors of the City Space Social Structuring (on the Example of Car Sharing)	59
<i>Lyubina D.E., Sablina M.A., Kuchumova E.V.</i> Theoretical Approaches to the Study of Ethnopolitical Conflicts in the Post-Soviet Space	69
<i>Pavlova A.A., Evseeva L.I., Pogodin S.N.</i> Problem and Prospects for the Development of Cooperation of Russia and China in the Energy Sphere	86
<i>Plotnikova E.N., Stepanyan A.S.</i> Changes in the Cultural and Religious Sphere of Germany in Connection with the Growth of Migration	97
<i>Pozdeeva E.G., Layus E.A.</i> The Problem of the Influence of Media Images on the Interest of Youth to Professional Choice	109
<i>Rodina E.Y., Ermolina M.A.</i> The Formation of Environmental Policy in the United States in the 20 th Century	121
<i>Senina E.V., Bashkarev A.A.</i> Comparative Analysis of Aspects of Positioning of Scientific Organizations and Museums	130
<i>Sidorchuk I.V.</i> Historical Symbols in the Soviet Songs of the 1930s	140
<i>Smirnova T.S., Ermolina M.A.</i> Environmental Imperative as a Prospective Vector for Development of International Relations	149
<i>Terekhov A.E.</i> Money of Huagndi and Shun: on the Issue of Attribution of Ancient Coins in Song China	156
<i>Shevchuk N.V.</i> Background of Transdnistrian Conflict and Escalation: on the Thirtieth Anniversary of Independence of the Pridnestrovian Moldavian Republic	181
<i>Yagya T.S.</i> Problems and Prospects of Energy Cooperation of Russia and China	192

Альманах

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 16 (39) – 17 (40) 2020

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

Редакция альманаха:

Павлова О.К. – литературный редактор, корректор

Марченко М. – дизайн обложки

Евсеева Л.И. – выпускающий редактор, компьютерная вёрстка

Лютинская О.В. – компьютерная вёрстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета

В Издательско-типографическом центре Политехнического университета

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Аlmanac

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 16 (39) – 17 (40) 2020

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Editorial Board of Almanac:

Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader

Marchenko M. – cover design

Evseeva L.I. – Managing Editor, DTP

Liutinskaia O.V. – DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в альманахе «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Альманах «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Несколько лет социально-теоретический альманах «Россия в глобальном мире» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

С 2013 г. Альманах выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях Альманаха отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски Альманаха рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов Альманаха ссылка обязательна.

Альманах освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области истории, философии, культурологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме, начинаться с формулировки целей и завершаться выводами, рекомендациями по внедрению результатов в практику и оценке перспектив дальнейшего развития проблемы. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения.

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8-10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – не менее десяти.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,8 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,8 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

— **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);

— **сведения об авторах блоком /Authors** (на русском/английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;

— **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;

— **аннотация /Abstract** (на русском/английском языке): не менее 50-55 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;

— **ключевые слова/ Keywords** (на русском/английском языке);

— **текст статьи** на русском языке, в соответствии с техническими требованиями;

— **список литературы** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка литературы.

Статьи без приставейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов Альманаха.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции:

**Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28;
тел.: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42; e-mail: kmo@spbstu.ru**